

**Звезда
Востока**

3

5
1961

Звезда Востока

*Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал*

ОРГАН СОЮЗА
ПИСАТЕЛЕЙ
УЗБЕКИСТАНА

ГБ УЗССР
Ж 15837
5

Экз
№ 3

5
МАЙ

ГОД ИЗДАНИЯ XXIX

ОБЪЕДИНЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО «ҚИЗИЛ УЗБЕКИСТОН»,
«ПРАВДА ВОСТОКА» И «УЗБЕКИСТОННИ СУРХ»

СОДЕРЖАНИЕ

К Коммунистической партии и народам Советского Союза! К народам и правительствам всех стран! Ко всему прогрессивному человечеству! Обращение Центрального Комитета КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Правительства Советского Союза	3
Н. Хрущев. Советскому космонавту, впервые в мире совершившему космический полет, майору Гагарину Юрию Алексеевичу	5
Всем ученым, инженерам, техникам, рабочим, всем коллективам и организациям, участвовавшим в успешном осуществлении первого в мире космического полета человека на корабле-спутнике «Восток», первому советскому космонавту товарищу Гагарину Юрию Алексеевичу	5
Гафур Гулям. Первому Космонавту. Перевели с узбекского <i>Е. Ефимов и М. Джалалов.</i>	7
Уйгун. Ильяч открыл нас. Перевел с узбекского <i>В. Афанасьев.</i>	7
Максуд Шейхзаде. Шагнула Земля на столетья вперед! Перевела с узбекского <i>Зоя Туманова.</i>	8
Борис Пармузин. Вместе с Родиной	8
Рауф Галимов. Первый!	9
Вячеслав Костыря. 12 апреля, год 1961-й	9
Петр Ковалев. Это — закономерно!	10
Георгий Меликянц. Круг почета	10
Михаил Ушаков. Как в день Победы	11
Лазарь Шабшай. В почине великая новь	11
<hr style="width: 20%; margin: auto;"/>	
Шараф Рашидов. Ленин и Восток	12
Рамз Бабаджан. Дядя и племянники. Комедия. Авторизованный перевод с узбекского <i>Рауфа Галимова и Зои Тумановой.</i>	26
Захиджан Абидов. Из «Китайской тетради». <i>Стихи.</i> Перевели с узбекского <i>В. Ляпунов и Л. Шабшай.</i>	63
Хаджибек Сентов. Свинопас. <i>Фасеказ.</i> Перевел с каракалпакского <i>Ал. Бендер.</i>	67
Шамиль Алядин. Если любишь... <i>Роман.</i> Продолжение. Авторизованный перевод с татарского <i>А. Одицова.</i>	73
Николай Куликов. Черная Африка. Тянется тень. Черные спины. Небывалый апрель. <i>Стихи.</i>	97
Марк Еленин, Григорий Марьяновский. Жизнь после смерти. <i>Киносценарий.</i>	100

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ РАБИНДРАНАТА ТАГОРА

Лазиз Каюмов. Великий индиец	139
------------------------------	-----

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Хафиз Абдусаматов. О некоторых вопросах узбекской советской сатиры	144
--	-----

Редактор А. А. У Д А Л О В.

Редколлегия: С. П. БОРОДИН, Г. П. ВЛАДИМИРОВ, А. М. ИВАНОВ,
В. А. КОСТЫРЯ, Р. ФАЙЗИ, М. И. ШЕВЕРДИН.

Рукописи объемом менее печатного листа не возвращаются.

Адрес редакции «Звезда Востока»: Ташкент, Первомайская, 20. Телефон 32689.

Сдано в набор 4/V 1961 г. Подписано к печати 26/V 1961 г.
Бумага 70×180^{1/16}. Физич. печ. л. 10,0 Условных печ. л. 13,7 Уч. изд. л. 15,58.
Тираж 3200. Р 10127. Изд. № Б-2365. Заказ № 568. Цена 50 коп.

Ташкент. Типография Объединенного издательства «Қизил Ўзбекистон»,
«Правда Востока» и «Ўзбекистони Сурх».

**К КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ И
НАРОДАМ СОВЕТСКОГО СОЮЗА!
К НАРОДАМ И ПРАВИТЕЛЬСТВАМ
ВСЕХ СТРАН!
КО ВСЕМУ ПРОГРЕССИВНОМУ
ЧЕЛОВЕЧЕСТВУ!**

О Б Р А Щ Е Н И Е

Центрального Комитета КПСС, Президиума
Верховного Совета СССР и Правительства
Советского Союза

Свершилось великое событие. Впервые в истории человек осуществил полет в космос.

12 апреля 1961 года в 9 часов 7 минут по московскому времени космический корабль-спутник «Восток» с человеком на борту поднялся в космос и, совершив полет вокруг земного шара, благополучно вернулся на священную землю нашей Родины — Страны Советов.

Первый человек, проникший в космос, — советский человек, гражданин Союза Советских Социалистических Республик!

Это — беспрецедентная победа человека над силами природы, величайшее завоевание науки и техники, торжество человеческого разума. Положено начало полетам человека в космическое пространство.

В этом подвиге, который войдет в века, воплощены гений советского народа, могучая сила социализма.

С чувством большой радости и законной гордости Центральный Комитет Коммунистической партии, Президиум Верховного Совета СССР и Советское правительство отмечают, что эту новую эру в прогрессивном развитии человечества открыла наша страна — страна победившего социализма.

В прошлом отсталая царская Россия не могла и мечтать о свершении таких подвигов в борьбе за прогресс, о соревновании с более развитыми в технико-экономическом отношении странами.

Волею рабочего класса, волею народа, вдохновляемых партией коммунистов во главе с Лениным, наша страна превратилась в могущественную социалистическую державу, достигла невиданных высот в развитии науки и техники.

Когда рабочий класс в Октябре 1917 года взял власть в свои руки, многие, даже честные люди, сомневались в том, сможет ли он управлять страной, сохранить хотя бы достигнутый уровень развития экономики, науки и техники.

И вот теперь перед всем миром рабочий класс, советское колхозное крестьянство, советская интеллигенция, весь советский народ демонстрируют небывалую победу науки и техники. Наша страна опередила все другие государства мира и первой проложила путь в космос.

Советский Союз первым запустил межконтинентальную баллистическую ракету, первым послал искусственный спутник Земли, первым направил космический корабль на Луну, создал первый искусственный спутник Солнца, осуществил полет космического корабля в направлении к планете Венера. Один за другим советские корабли-спутники с живыми существами на борту совершали полеты в космос и возвращались на Землю.

Венцом наших побед в освоении космоса явился триумфальный полет советского человека на космическом корабле вокруг Земли.

Честь и слава рабочему классу, советскому крестьянству, советской интеллигенции, всему советскому народу!

Честь и слава советским ученым, инженерам и техникам — создателям космического корабля!

Честь и слава первому космонавту — товарищу Гагарину Юрию Алексеевичу — пионеру освоения космоса!

Нам, советским людям, строящим коммунизм, выпала честь первыми проникнуть в космос. Победы в освоении космоса мы считаем не только достижением нашего народа, но и всего человечества. Мы с радостью ставим их на службу всем народам, во имя прогресса, счастья и блага всех людей на Земле. Наши достижения и открытия мы ставим не на службу войне, а на службу миру и безопасности народов.

Развитие науки и техники открывает безграничные возможности для овладения силами природы и использования их на благо человека, для этого прежде всего надо обеспечить мир.

В этот торжественный день мы вновь обращаемся к народам и правительствам всех стран с призывным словом о мире.

Пусть все люди, независимо от рас и наций, цвета кожи, от вероисповедания и социальной принадлежности, приложат все силы, чтобы обеспечить прочный мир во всем мире. Положим конец гонке вооружений! Осуществим всеобщее и полное разоружение под строгим международным контролем! Это будет решающий вклад в священное дело защиты мира.

Славная победа нашей Родины вдохновляет всех советских людей на новые подвиги в строительстве коммунизма!

Вперед, к новым победам во имя мира, прогресса и счастья человечества!

**ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА. ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР.
СОВЕТ МИНИСТРОВ СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК**

Москва, Кремль. 12 апреля 1961 года.

**СОВЕТСКОМУ КОСМОНАВТУ, ВПЕРВЫЕ
В МИРЕ СОВЕРШИВШЕМУ
КОСМИЧЕСКИЙ ПОЛЕТ,
майору ГАГАРИНУ Юрию Алексеевичу**

Дорогой Юрий Алексеевич!

Мне доставляет большую радость горячо поздравить Вас с выдающимся героическим подвигом — первым космическим полетом на корабле-спутнике «Восток».

Весь советский народ восхищен Вашим славным подвигом, который будут помнить в веках как пример мужества, отваги и героизма во имя служения человечеству.

Совершенный Вами полет открывает новую страницу в истории человечества, в покорении космоса и наполняет сердца советских людей великой радостью и гордостью за свою социалистическую Родину.

От всего сердца поздравляю Вас со счастливым возвращением из космического путешествия на родную землю. Обнимаю вас.

До скорой встречи в Москве.

Н. ХРУЩЕВ.

12 апреля 1961 года.

*Всем ученым, инженерам, техникам,
рабочим, всем коллективам и организациям,
участвовавшим в успешном осуществлении
первого в мире космического полета человека
на корабле-спутнике „Восток“*

**ПЕРВОМУ СОВЕТСКОМУ КОСМОНАВТУ
ТОВАРИЦУ ГАГАРИНУ
ЮРИЮ АЛЕКСЕЕВИЧУ**

Дорогие товарищи!

Друзья-соотечественники!

Радостное, волнующее событие переживают народы нашей страны. 12 апреля 1961 года впервые в истории человечества наша Родина — Союз Советских Социалистических Республик — успешно осуществила полет человека на корабле-спутнике «Восток» в космическое пространство.

Полет советского человека в космос — величайшее достижение творческого гения нашего народа, результат свободного и вдохновен-

ного труда советских людей — строителей коммунизма. То, о чем в прошлом мечтали выдающиеся представители русской и мировой науки и техники, чему посвятил свою жизнь гениальный сын нашего народа Константин Эдуардович Циолковский, превратилось сегодня в живую действительность, стало явью наших героических дней. Это великий выдающийся вклад советского народа в сокровищницу мировой науки и культуры. Эта неопенимая заслуга Советского Союза будет с благодарностью воспринята человечеством. Героическим полетом советского человека в космос открыта новая эра в истории Земли. Вековая мечта человечества сбылась.

Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза, Президиум Верховного Совета СССР и Совет Министров СССР от имени нашей славной Коммунистической партии, Советского правительства, всех народов Советского Союза горячо поздравляют с великой победой разума и труда всех ученых, конструкторов, техников, рабочих, все коллективы и организации, участвовавшие в успешном осуществлении первого в мире космического полета человека.

Сердечно приветствуем и поздравляем Вас, дорогой наш товарищ Юрий Алексеевич Гагарин, с величайшим подвигом — первым полетом в космос.

Наш свободный, талантливый и трудолюбивый народ, поднятый партией коммунистов во главе с великим вождем и учителем трудящихся всего мира Владимиром Ильичем Лениным в Октябре 1917 года к сознательному историческому творчеству, показывает ныне всему миру величайшие преимущества нового, социалистического строя во всех областях жизни общества.

Космический полет человека — это результат успешного осуществления грандиозной программы развернутого коммунистического строительства, неустанной заботы Коммунистической партии и ее ленинского Центрального Комитета и Советского правительства во главе с Никитой Сергеевичем Хрущевым о непрерывном развитии науки, техники, культуры, о благе советского народа.

Менее четырех лет отделяют запуск первого в мире советского искусственного спутника Земли от успешного полета человека в космос.

Советские ученые, инженеры, техники, рабочие своим упорным и самоотверженным трудом открыли путь человеческому гению в глубины мирового пространства. И они сделали это во имя мира на земле, во имя счастья всех народов.

Первый полет человека в космос станет источником нового вдохновения и дерзаний для всех советских людей во имя дальнейшего прогресса и мира во всем мире.

Слава советским ученым, конструкторам, инженерам, техникам и рабочим — покорителям космоса!

Слава нашему народу — народу-творцу, народу-победителю, пролагающему под руководством Коммунистической партии путь к светлому будущему всего человечества — коммунизму!

Да здравствует славная Коммунистическая партия Советского Союза — великий вдохновитель и организатор всех побед советского народа!

Да здравствует коммунизм!

**ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ КПСС
ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
СОВЕТ МИНИСТРОВ СОЮЗА ССР**

Гафур ГУЛЯМ

Первому Космонавту

Сигнал. И старт. И взвихрен воздух...
И славит, славит вся земля
Того, кто ввысь, к далеким звездам
Пронес сияние Кремля.
Чудесный миг!

Взгляни, о Ленин,
Мечты извечные сбылись,
Открыла путь в простор Вселенной
Тобой взлелеянная мысль.

Прими, Гагарин, дань поэта.
Твой подвиг — ради всей Земли.
Пути, открытые к планетам,
Дорогой в Коммунизм легли.

Перевели с узбекского *Е. Ефимов и М. Джалалов*

УИГУН

Ильич окрылил нас

В делах наших славных и в каждой победе
Идея великая воплощена.
Страна созиданья в весеннем расцвете,
Геройством своим знаменита она.

Ильич окрылил нас. Отныне навеки
Нам космос подвластен, межзвездный простор!
Бессмертье идеи — в делах человека
Такого, как летчик Гагарин, майор.

Перевел с узбекского *В. Афанасьев.*

Первый!

Раскрыв газеты, нынче мы заглянем
 В космический необычайный век:
 Взлетел он в космос —
 С именем «Землянин» —
 Обыкновенный русский человек.
 Пусть он еще по-человечьи молод,
 Пусть он от солнца отойти не смог, —
 Но он несет с собою
 Серп и Молот,
 Как братства междузвездного залог!

Вячеслав КОСТЫРЯ

12 апреля, год 1961-й

Уж это так:
 Минуют годы,
 Иных страстей
 Взблеснет накал...
 Но и тогда
 Найдут народы
 Раздумью тихому
 Прогал.
 И как маняще-недоступно
 Им будет все,
 Что видим мы
 Сейчас
 Избраннически крупно,
 Не вдумываясь даже
 В мысль,
 Что солнца нынешнего
 Блики
 И сердца стук,
 И птичий гам —
 Неповторимы
 И велики
 Своей причастностью
 К делам!
 Житейщина,
 Ты как ни илься,
 Душою
 Мы всегда в выси!..
 ...Вон парень —
 В мыле: не добрился —
 Бежит к приемнику такси...
 — Гагарин! —
 Возглас необычный
 Мне дорог
 Живостью своей...
 А вопль девчат

Счастливо-зычный,
 Изломы щипанных бровей!..
 У бабушки —
 Дрожь подбородка,
 Морщинок повлажневших сеть...
 А ревность
 Юрия погодков,
 Мечтавших
 Первыми взлететь!..
 Кто нашим солнцем
 Не погрелся,
 Запомнит
 Подвиг наш земной
 Не этим вот
 Деньком апрельским,
 А датой
 Мраморно-стальной,
 Непостижимой,
 Фантастичной, —
 Уж это так
 Наверняка.
 А кое-кто
 И фанатичной,
 Мол, жизнь таким
 Не дорога...
 О, если б знали
 Пустословы!
 Здесь —
 Не раскольниковья изба.
 Мы жизнь отдать
 За то готовы,
 Чтоб жить,
 жить,
 жить —
 Не прозябать!

Это — закономерно!

Сердце бьется
 В гордом ритме песенном:
 Подвиг совершился
 Беспримерный...
 Слушайте,
 Но это ведь
 Естественно,
 Это же вполне
 Закономерно!
 Сколько пережили
 Бурь и гроз мы!
 Разве и могло-то
 Быть иначе —
 Ведь полет
 К высотам,
 К звездам, в космос
 С Октября
 Народом нашим
 Начат.
 Пусть не все
 Свершалось
 Быстро, гладко,
 Но к победам
 Партия вела...
 И ракетам
 Стартовой площадкой
 Первой революция была!

В этом ключ
 К разгадке
 Всякой тайны,
 Мы отсюда взяли
 Свой разбег.
 Первым в космос
 Вовсе
 Не случайно
 Вторгся наш,
 Советский человек!
 Да,
 Отсюда свой разбег
 Мы взяли,
 Распахнув в грядущее окно...
 Первыми и впредь
 В межзвездных даях
 Быть советским людям
 Суждено!
 ...Сердце бьется
 В гордом ритме песенном:
 Подвиг совершился
 Беспримерный...
 Слушайте,
 Но это ведь
 Естественно.
 Это же вполне
 Закономерно!

Георгий МЕЛИКЯНЦ

Круг почета

Мы ждали.
 Мы верили.
 Знали,
 что первым возьмет разбег
 к высоким
 космическим даям
 советский
 герой-человек.
 Мы знали:
 в стране космонавтов
 становится былью мечта.
 Не нынче наступит,
 так завтра
 минута особая та.
 Мы знали:
 туда и обратно
 дорога проторена.

И все-таки невероятной,
 хоть близкой,
 казалась она,
 И сколько же домыслов разных
 на этот мы строили
 счет!
 И вот — на земле моей
 праздник:
 Гагарин ушел в полет.
 И вот космонавта-пилота
 в историю занесли.
 И вот
 начался
 круг почета
 перед лицом Земли.
 И вот уже в небе синем
 китаец его увидал.

И вот бородач-кубинец
Гагарину

вслед
помахал.

И вся рукоплещет планета

За подвиг,

за новый разбег,—
тебе рукоплещет за это,
советский

герой-человек!

Михаил УШАКОВ

Как в день Победы

Как в день Победы, голос Левитана
Людей у репродукторов собрал.
Услышав о Гагарине-титане,
На миг в душе поэтом каждый стал.

А утром, как у хлебных магазинов
В том, сорок третьем, памятном году,
Мы у киосков в очереди длинной
Газеты ожидали, как судьбу.
И вот в руках — газеты

с сообщением...

Невольно мысль в минуты те пришла,
Что мы в киосках брали вдохновенье
На новые, великие дела.

Лазарь ШАБШАЙ

В почине — великая новь

Бесстрашен, отважен, неистов,
Не знает в свершеньях преград
Порыв коммунистов:
Сердца коммунистов
Любовью к Отчизне горят!

Твой подвиг высок, лучезарен,
И он не померкнет вовек.
Гордимся тобою мы,
Юрий Гагарин,—
Советский простой человек!

С мечтою о дружбе и мире,
Над древней планетой Землей,
В бескрайней и звездной
Космической шири
Пронес ты наш герб трудовой.

В горах зарождаются реки,
В почине — великая новь,
Гагарин,
К тебе не угаснет вовеки
Народа тепло и любовь!

ЛЕНИН И ВОСТОК

Великая Октябрьская социалистическая революция, вождем которой была партия коммунистов, партия Ленина, открыла новую эру в истории человечества.

На примере Советской страны трудящиеся всей планеты убедились в том, что вековой спор, вековую борьбу между эксплуататорскими классами и классами эксплуатируемого народа можно разрешить в пользу народа, в пользу трудящихся. В речи на закрытии IX съезда партии В. И. Ленин вдохновенно говорил: «Никакая сила в мире, сколько бы зла, бедствий и мучений она не могла принести еще миллионам и сотням миллионов людей, основных завоеваний нашей революции не возьмет назад, ибо это уже теперь на «наши», а всемирно-исторические завоевания».

Великая Октябрьская социалистическая революция, опыт строительства социализма в СССР показали всему трудовому человечеству образцы решения самых коренных, самых жизненно важных для него проблем. Ключ к решению колониального вопроса, вопроса об освобождении и развитии отсталых, зависимых, порабощенных народов также дала нам Октябрьская революция, ее вождь — великий Ленин.

После победы Октября история пошла по новому пути и пошла по нему намного стремительнее, чем раньше. Октябрь 1917 года активизировал революционную энергию во всех странах, во всех «уголках мира», втянул в революционное движение народы всех континентов.

Мы, советские люди шестидесятых годов XX века, можем говорить теперь не

только о пробужденном Востоке, но и Востоке побеждающем, обновляющем мир. Народы Востока будут вечно благодарны за это Октябрьской революции, Коммунистической партии, Ленину.

Ленин разработал теорию освободительной борьбы народов Востока, ее стратегию и тактику.

Ленин первым в истории показал, что освободившиеся от гнета империализма «отсталые» народы могут при определенных условиях прийти к социализму, минуя капиталистическую стадию экономического развития.

Ленин заложил основы советской внешней политики — политики мира и дружбы с народами Востока.

Ленин разработал всеобъемлющую программу социалистического строительства в странах Советского Востока, научил тому, как страны социализма должны помогать освобождающимся народам колоний.

Думаем ли мы сейчас о текущих практических вопросах жизни республик Средней Азии, идущих навстречу знаменательному событию — XXII съезду нашей партии, размышляем ли о проблемах сегодняшней внешней политики, желаем ли разобраться в мировом историческом процессе, в том, как он складывается в наши дни, — всегда и везде, чтобы не ошибиться, надо обратиться к принципам великой теории марксизма-ленинизма, к ленинским советам, указаниям, прогнозам...

Ленин и современная борьба против колониализма

«Восток» и «Запад»... Тысячи и тысячи томов написали идеологи буржуазии, чтобы доказать неизбежность их противопоставления, чтобы черным и несправедливым словом унижить народы Востока, «доказать» их якобы неполноценность, неспособность к историческому творчеству, оправдать их закабаление, колониальный разбой, эксплуатацию во имя империалистических прибылей.

«Сонный», «спокойный» Восток? И это говорилось о том Востоке, который бурлил непрерывными восстаниями; буржуазное общество долго находило силы справиться с ними, но никогда не чувствовало себя застрахованным от их все усиливающихся повторений.

Извечно «отсталый», «нецивилизованный» Восток? И это говорилось о тех народах, что дали миру Сунь-цзы и Калидасу, Хайяма, Ибн-Сину и Улугбека и многих, многих других деятелей, без которых нельзя представить мировую сокровищницу науки, культуры, поэзии.

Но история не стоит на месте. Правда всегда побеждает лживые измышления буржуазных идеологов и заблуждения тех, кого им удалось обмануть.

Мы живем в то время, когда хоронятся басни буржуазии о «незыблемом» разделении мира на Запад и Восток, об «извечном» превосходстве Запада над Востоком, хоронятся вместе с той базой, которая породила их, — вместе с колониализмом.

И дело не только в том, что открываются все новые и новые факты, разрушающие буржуазные представления о Востоке (господа империалисты могут и не знать, закрыть глаза, скажем, на тот факт, что в презираемой ими «дикой» Африке уже с середины тринадцатого столетия существовало обширное, передовое по тем временам в экономическом и культурном отношении государство Мали, раскинувшееся от тропиков до Сахары). Дело, повторяю, не только в отдельных фактах исторического прошлого. Гораздо более существенно, что современная история Востока не оставляет камня на камне от «утешительного самообмана», которым до поры до времени тешился капитализм, гораздо более существенно, что события наших дней вновь и вновь подтверждают правоту

марксизма-ленинизма, гениальных прогнозов Ленина.

«Теперь сложилась, — писал в 1916 году В. И. Ленин, — система горстки (5—6 числом) «великих» империалистических держав, из коих каждая угнетает чужие нации, причем это угнетение является одним из источников искусственной задержки падения капитализма...»

Сегодняшняя жизнь с презрением и гневом отбрасывает эти «искусственные задержки». Чувствуя приближение своего конца, империалистическая буржуазия неистовствует и изощряется в выдумках (вроде пресловутого «неоколониализма»), чтобы отсрочить, задержать, увести с правильной дороги могучее антиколониалистское, антиимпериалистическое движение.

Тщетные и смешные попытки! История делается «по Ленину», потому что Ленин глубоким марксистским взглядом проник в подлинные и действительно необоримые причины ее развития.

«Чудесное пророчество есть сказка. Но научное пророчество есть факт», — повторял Ленин. Пусть же сказками насчет того, что «неоколониалистическими» придумками можно будет спасти себя, тешится лагерь империализма. Мы верим в ленинское пророчество, ибо оно научно.

Вот что говорил Ленин: «...завтрашний день во всемирной истории будет именно таким днем, когда окончательно проснутся пробужденные угнетенные империализмом народы и когда начнется решительный долгий и тяжелый бой за их освобождение».

Мы — современники этого великого сражения за свободу народов; мы видим, как «завтрашний день» становится сегодняшним.

Но мы, конечно, не только современники и свидетели; мы участники битвы — мы помогаем народам выиграть ее.

Активный процесс распада колониальной системы под ударами национально-освободительного движения в немалой степени определяет, как отмечено в историческом Заявлении Совещания представителей коммунистических и рабочих партий в ноябре 1960 года, главный итог последних лет.

Крушение системы колониального рабства Совещание характеризовало как «второе по своему историческому значению явление после образования мировой системы социализма». Ныне уже каждо-

му, кто хочет и умеет видеть факты, стало ясно, что полный крах колониализма неминуем.

Как и предвидел Ленин, национально-освободительные революции восторжествовали на огромных пространствах мира. Только за пятнадцать послевоенных лет в Азии и Африке возникло около сорока новых независимых суверенных государств.

Как и предсказывал Ленин, Великая Октябрьская социалистическая революция разбудила Восток, вовлекла колониальные народы в общий поток всемирного революционного движения. «Победа СССР во второй мировой войне, — отмечается в Заявлении, — установление строя народной демократии в ряде стран Европы и Азии, торжество социалистической революции в Китае, образование мировой социалистической системы в огромной мере ускорили развитие этого процесса. Силы мирового социализма решающим образом содействовали борьбе народов колоний и зависимых стран за освобождение от гнета империализма. Социалистическая система стала надежным щитом независимого национального развития освободившихся народов».

Как и учил Ленин коммунистов, они в наши дни активно борются за последовательное доведение до конца антиимпериалистической, антифеодальной, демократической революции, за создание государств национальной демократии, за решительное улучшение жизненного уровня народных масс.

Н. С. Хрущев подчеркивал: «Обновление мира на принципах свободы, демократии и социализма, участниками которого мы являемся, — это великий исторический процесс, в котором объединяются и взаимодействуют различные революционные, демократические движения при определяющем воздействии социалистических революций. Успехи национально-освободительного движения в огромной степени обусловлены победами социализма и в свою очередь усиливают международные позиции социализма в борьбе против империализма. На таком подлинно ленинском понимании этих исторических процессов базируется политика коммунистических партий и социалистических государств, направленная на укрепление тесного союза с народами, борющимися за независимость или уже добившимися ее».

Общеизвестна политическая поддержка

нашей страной национально-освободительных революций в Индии, Египте, молодых африканских государствах, на Кубе.

Общезвестно, какую братскую экономическую помощь оказывает в наши дни Советский Союз странам Востока, сбросившим империалистическое иго. Металлургический комбинат в Бхилае, Ассуанская плотина в Объединенной Арабской Республике — такова лишь незначительная часть сооружающихся при активном содействии советских специалистов на базе новейшей советской техники могучих индустриальных предприятий, этой основы основ экономической независимости освобожденных народов.

Недавно Советское правительство приняло решение о строительстве в Камбодже технического училища и направлении туда на несколько лет большой группы советских специалистов. Такие благородные начинания, как Университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы в Москве, как подготовка молодых специалистов стран Востока в высших учебных заведениях Советского Союза, как разносторонняя научная, техническая, педагогическая и медицинская помощь странам Востока, — это и есть практическое осуществление идеи бескорыстной помощи, которую так поддерживал Ленин.

Страны социализма — самые искренние и верные друзья народов Востока, борющихся за освобождение или уже сбросивших ненавистное империалистическое ярмо. Своим интернациональным долгом они считают всемерную помощь этим странам в создании отечественной промышленности, в развитии и укреплении национальной экономики, в подготовке собственных кадров.

В глубоко принципиальном вопросе об отношении к странам и народам Востока ленинизм, как и в других принципиальных вопросах, прямо противоположен ревизионизму современных лжесоциалистов. Один из их бесславных предшественников, официальный докладчик по колониальному вопросу на Штутгартском конгрессе II Интернационала голландский социал-демократ Ван-Коль, следующим образом высказался по интересующему нас поводу: «Привозить в Африку машины и орудия! Это книжная теория!. Если мы привезем машину диаркам Центральной Африки, то что же они будут делать с ней? Может быть, они будут танцевать вокруг нее

или же причислят ее к числу своих идо-
лов... Если мы, европейцы, прибудем
туда с орудиями и машинами, то станем
беззачетными жертвами туземцев. По-
тому мы должны прибывать туда с ору-
жием в руках...»

Ленин учил нас видеть в таких сужде-
ниях еще одно проявление предательской
сущности оппортунизма, еще одно доказа-
тельство того, что ревизионисты скатыва-
ются на позицию прямой поддержки тео-
рии и практики империалистов.

Еще в 1908 году Ленин писал, что
империалисты, в частности английские,
«испуганные подъемом революционной
борьбы в Индии, все чаще, все откровен-
нее, все резче показывают, какими *Зве-
рjami* становятся самые «цивилизован-
ные», прошедшие самую высшую школу
конституционализма, европейские полити-
ческие «деятели», когда дело доходит до
пробуждения борьбы масс против капита-
ла, против капиталистической колониаль-
ной системы, т. е. системы порабощения,
грабежа и насилия».

Четыре года спустя, когда итальянские
империалисты захватили Триполи и звер-
ски расправились с ливийскими арабами,
Ленин предсказывал, что героикой сопро-
тивлявшиеся захватчикам «арабские пле-
мена внутри материка Африки, вдали от
берега, не подчинятся. Их будут долго
еще «цивилизовать» штыком, пулей, ве-
ревкой, огнем, насиланием женщин».

Совещание коммунистических и рабочих
партий по-ленински горячо выразило сим-
патии рабочего класса героическому ал-
жирскому народу в его борьбе за свободу
и национальную независимость. По-ленин-
ски гневно осудило оно бесчеловечный
«апартеид» — зверскую систему расовых
преследований и тирании в Южно-Афри-
канском Союзе. По-ленински страстно
призывало демократическую общественность
всего мира поддержать народы Африки в
их борьбе за свободу и равенство.

Идеи Ленина — путеводная звезда для
коммунистов, борющихся за национальное
и социальное освобождение народов Вос-
тока, они окрыляют и сегодня миллионы,
сотни миллионов людей. В свое время
хорошо об этом сказал выдающийся поэт
узбекского народа Хамид Алимджан:

Стара вселенная, и много в ней
Рождалось мудрецов, богатырей,
Но Ленин всех великих превзошел.

Всю книгу жизни мира он прочел.
В ночи крошечной, в заточенье он
Всех бедных, угнетенных слышал
стон.

Да, Ленин слышал стон каждого уг-
нетенного народа. Внимательнейшим обра-
зом вглядывался он в историю той или
иной страны Азии и Африки, изучал ее.
Нам, современникам, помогает, нас обога-
щает не только общая теория развития
мирового освободительного движения, раз-
работанная Лениным, но и конкретные
его замечания и выводы, которые касают-
ся отдельных стран.

Ленинские высказывания, по-научному
точные, по-пролетарски прямые и страст-
ные, — это не просто «материал», «кир-
пичики» для построения общей теории;
будучи основой теории, они, даже отда-
ленные многими десятилетиями от наших
дней, остро современны.

Давайте снова откроем ленинские «Тет-
ради по империализму»...

Весь мир с волнением следит за собы-
тиями в Конго, где империалисты с по-
мощью жалких марионеток пытаются за-
душить национально-освободительное дви-
жение. Конго стало сейчас передним краем
антиимпериалистического фронта.

Ленин предвидел эту историческую воз-
можность. Еще в 1915 году он клеймит
бельгийскую буржуазию, возделывшую
«по-прежнему грабить 15 млн. населения
в Конго». «Бельгийские буржуа, — писал
тогда Ленин, — вложили за границей около
3 миллиардов франков; охрана прибылей
с этих миллиардов путем всяческих об-
манов и пройдохств — вот каков на де-
ле «национальный интерес» «героической
Бельгии».

В «Тетрадах по империализму» Ленин
около двадцати раз так или иначе возвра-
щается к Конго — его истории, экономике,
статистике, библиографии обширной ли-
тературы по возникшему уже в те годы кон-
голезскому вопросу.

Анализируя ход событий, связанных с
захватом Конго бельгийскими империали-
стами, Ленин писал: «*Бельгия* могла со-
хранить свое Конго только при помощи
Англии, Франции по договору 5. 11.
1895.»

Переплетение в Конго своекорыстных
интересов ряда империалистических дер-
жав — вот что подчеркивает Ленин.

Бичуя захватчика Конго — бельгийско-

го короля Леопольда, Ленин делает такую заметку: «Леопольд (Бельгия) делегая, финансист, аферист, купил Конго себе и «развил». «Типик!!»

В наши дни именно таким делегаей и аферистом, «типиком» современного политического мира империализма стал Эйзенхауэр — ставленник монополий и ярый враг трудящихся...

Обратимся к другим странам.

Южнокорейские трудящиеся недавно с позором выгнаны из страны Ли Сын Мана, но Южная Корея все еще остается под игом американского империализма. Американцы пришли в Южную Корею в сороковых годах — Ленин предсказывал это еще в двадцатых.

6 декабря 1920 года, выступая на активе Московской партийной организации, он клеймил японских захватчиков, терзавших корейский народ при помощи чудовищного соединения «всех новейших усовершенствований техники, с чисто азиатской системой пыток, с неслыханным зверством». «Но этот корейский лакомый кусок хотят вырвать американцы», — указывал Владимир Ильич.

Теперь весь мир получил возможность убедиться в безошибочности и этого ленинского политического прогноза.

Со страниц мировой прогрессивной печати наших дней не сходят сообщения о положении в Южно-Африканском Союзе. В «Тетрадах по империализму» собран большой обличительный материал о предшественниках нынешних «апартеидов». Владимир Ильич отмечает, что в Южно-Африканском Союзе совершаются гнусности «без числа со стороны английских капиталистов, хозяев рудников и правительства».

Английские империалисты продолжают терроризировать народ Омана, геройски сопротивляющийся колонизаторам. «Оман на деле в руках Англии», — подчеркивал Ленин еще в годы первой мировой войны, отвергая лицемерные демагогические заявления великобританских политиков о гниющей «независимости» этого арабского государства.

Ставшие независимыми государства современного Востока успешно строят при бескорыстной помощи со стороны социалистического лагеря свою индустрию. Ленинские «Тетрады» показывают, какое наследство оставили освобожденным народам иноземные захватчики. Ленин отмечает, в

частности, что Англия из Египта начала нашего века все больше делала страну, «производящую *только* хлопок», всячески *затрудняя* его «промышленное развитие (напр., 2 фабрики для обработки хлопка, основанные в Египте в 1901 г., встретили *налог* на хлопок, т. е. правительство обложило хлопок «налогом на потребление»!!!)».

Волнующая заметка посвящена описанию «отчаянной нищеты» египетских феллахов в годы английского владычества:

«... живут в глинобитных хижинах, без мебели, *вместе со скотом* работают с утра до ночи».

«Забитость, темнота», — таким, по ленинскому определению, был удел египетского крестьянства, как, впрочем, земледельцев Индии и других стран, поработенных империализмом.

Нисколько не устарели ленинские высказывания и об Иране — стране, рабски зависимой от мирового империализма, стране, «над которой, — как писал Ленин, — самым бесстыдным образом издеваются и грабят ее». Тогда это делали преимущественно английские, а в наши дни американские империалисты.

Алжир... Истекающий кровью своих защитников, но по-прежнему непокоренный! О нем также писал Ленин, обличая французских империалистов. Хваленая французская «цивилизация» не развивает, а разоряет Алжир. В одном из ленинских конспектов отмечено: «Части Алжира были лучше культивированы (ирригация) во времена Рима, чем теперь».

Ленина живо интересовали все данные о революционных движениях народов Африки. Когда одновременно с первой русской революцией 1905 года в юго-западной Африке восстало против немецких колонизаторов свободолюбивое племя гереро, повстанцы сочинили боевую песню, припев которой приведен в «Тетрадах».

«Кому принадлежит земля Гереро?» — спрашивали тогда авторы песни и мужественно отвечали: «Нам принадлежит земля Гереро».

В наши дни песню гереро могли бы перефразировать все народы Африки.

«Кому принадлежит земля Африки?» — спрашивают себя, своих сынов и дочерей эти народы. «Нам принадлежит земля Африки», — гордо заявляют они перед всем миром сегодня.

Ленин был и остается величайшим из великих борцов за свободу и независимость всех народов Востока.

Это всем сердцем чувствуют сегодня трудящиеся Азии, Африки, Латинской Америки. Это понимают их политические деятели, их интеллигенция.

Вождь китайской революции Сун Ятсен, этот, по высокой ленинской оценке, «революционный демократ, полный благородства и героизма», в суровые дни января 1924 года сказал о великом Ленине: «...имя его и память о нем будут существовать вечно, и люди всегда будут ценить те его героические качества, которые сделали из него политического деятеля высшего типа и вождя-творца. Его произведения также останутся в веках, ибо они жидутся на таких общественных взглядах, которые, без сомнения, будут властвовать над идеями и чаяниями будущего человечества».

Победа социалистической революции в Китае, осуществленная под руководством Коммунистической партии этой великой страны, блистательно оправдала предсказание национального героя китайского народа.

В том же 1924 году другой замечательный вождь трудящихся Востока — основатель и бессменный руководитель Партии трудящихся Вьетнама — Хо Ши Мин заявил в статье «Ленин и народы Востока»: «Привыкшие к тому, что к ним относятся как к отсталым и низшим существам, народы Востока видят в Ленине олицетворение всеобщего братства. Они не только благодарны ему за это, но глубоко любят его. Их уважение к Ленину равно почитанию отца детьми».

Видный деятель индийского освободительного движения Джавахарлал Неру писал, что изучение наследия Маркса и Ленина оказало огромное влияние на его сознание и помогло ему «увидеть историю и современную жизнь в новом свете». Летом 1955 года, выступая на митинге советских людей, посвященном дружбе между Советским Союзом и Индией, Неру говорил: «Почти одновременно с Октябрьской революцией, руководимой великим Лениным, мы в Индии начали новую фазу нашей борьбы за свободу... Хотя в своей борьбе под руководством Махатмы Ганди мы шли другим путем, мы восхищались

Лениным и на нас оказывал влияние его пример».

Выдающийся негритянский ученый Уильям Дюбуа называет книги Ленина «ясными путеводными маяками на пути к светлому историческому будущему... еще одним мощным и действенным памятником великому гению человечества на земле того континента, который сегодня особенно остро ощущает нужду в мудром совете — совете Владимира Ильича Ленина».

Президент молодой Гвинейской республики Секу Туре видит в Ленине величайшего мыслителя революции. «Народы мира, — написал он в книге посетителя кабинета В. И. Ленина в Кремле, — широко использовали идейный, политический и моральный вклад великого Ленина, который таким образом продолжает жить».

Подобные высказывания можно приводить бесконечно. В каждом из них по-своему отражены поистине всеобщие чувства и думы народов земли о «большом, настоящем человеке мира сего» (М. Горький).

Ленин и Советский Узбекистан

Контраст между тем, что было «вчера», до Октября, и нашим «сегодня» нигде не проявляется так ярко, как при сравнении старой Средней Азии и советских среднеазиатских республик.

Мощную экономику с развитой индустрией и высокомеханизированным сельским хозяйством, передовую науку и культуру, национальную государственность — все это дало Узбекистану осуществление принципов ленинской национальной политики, все это есть результаты победы Октября.

Это признано теперь всем миром.

Народы Советского Востока стали образцом для всего мира потому, что под руководством партии коммунистов, партии Ленина, неустанно идут по ленинскому победоносному пути.

Великий Ленин — вождь Октябрьской революции — с вдохновенной силой призывал: «Теперь нашей Советской республике предстоит сгруппировать вокруг себя все просыпающиеся народы Востока, чтобы вместе с ними вести борьбу против международного империализма».

Великий Ленин разработал принципы национальной политики Коммунистической партии и Советского государства.

Право на самоопределение (вплоть до отделения) провозгласила и отстаивала от

всевозможных нападков именно партия коммунистов, партия, руководствующаяся интернационалистской идеологией, а тем самым — партия подлинно народного патриотизма. После победы социалистической революции это право стало законом молодого государства.

В то же время Ленин учил, что «отделения мы вовсе не проповедуем»; оставляя свободу, «пролетарская партия,— писал Ленин после Февральской буржуазно-демократической революции,— стремится к созданию возможно более крупного государства, ибо это выгодно для трудящихся, она стремится к *сближению и дальнейшему слиянию* наций, но этой цели она хочет достигнуть не насильем, а исключительно свободным, братским союзом рабочих и трудящихся масс всех наций». «Пусть Россия будет союзом свободных республик»,— призывал Ленин задолго до фактического образования такого союза.

Эти ленинские принципы коммунисты проводят в жизнь буквально с первых минут рождения Советского государства. 15 ноября 1917 года историческая «Декларация прав народов России», провозгласив равенство и суверенность освобожденных народов, подтвердив их право на свободное самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства, подчеркнула также, что позорная царская политика натравливания народов друг на друга теперь «должна быть заменена политикой добровольного и честного союза народов России».

Уже тогда, в первых декретах Советской власти, вырисовывался принцип сочетания общегосударственных и национальных интересов — принцип, который так успешно был развит в дальнейшем. В марте 1920 года Бюро ЦК РКП(б) принимает «Положение об автономии Туркестана». Оборона, внешняя торговля, управление железными дорогами, финансами и т. п. становятся предметом общей заботы всего государства, общего централизованного управления. Полнота власти в Туркестанской АССР по огромному кругу остальных вопросов осуществлялась органами автономной республики.

Какой громадный путь прошли мы от этих декретов до недавних решений, расширивших права союзных республик по экономическим, политическим, юридическим вопросам, и какое глу-

бокое родство существует между ними, как был выдержан нерушимый принцип гармонического сочетания интересов всего Союза и каждого народа на всем протяжении нашего пути!

Дружба советских народов... Много раз в истории человечества раздавались призывы к дружбе, но народы могли раньше дружить только вопреки эгоизму «господ»: ханов и королей, монополий и буржуазных кабинетов.

Мы говорим, что дружба народов, их взаимовыручка и взаимопомощь — закон нашей жизни, и говорим это не ради красного словца. Это, действительно, моральный закон, опирающийся на экономические и общественные преобразования и на коренные политические принципы.

Ленин еще четыре десятилетия назад предвидел, что с помощью рабочего класса стран, ушедших вперед, «отсталые страны могут перейти... через определенные ступени развития — к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития».

Придавая огромное значение «практической работе русских коммунистов в колониях, принадлежавших раньше царизму, в таких отсталых странах, как Туркестан...», Ленин делал следующий вывод: «В этих странах почти нет промышленно-пролетариата... Наша работа показала нам, что в этих странах приходится преодолевать колоссальные трудности, но практические результаты нашей работы показали также, что несмотря на эти трудности, можно пробудить в массах стремление к самостоятельному политическому мышлению и к самостоятельной политической деятельности...».

Советский Восток — прекрасное подтверждение этой закономерности, которая была осуществлена на основе дружбы народов, их помощи друг другу и прежде всего помощи со стороны великого русского народа — первого среди равных народов-братьев нашей страны.

Приведу некоторые факты истории Советского Узбекистана.

Суровые годы гражданской войны. Вокруг молодой Советской республики полыхают пожары, усердно раздуваемые мировой буржуазией. Туркестан голодает. Он не исключение в этом отношении. Голодает Москва, Красный Питер, Иваново, Урал, но, по указанию В. И. Ленина, Совнарком

РСФСР находит возможность послать в Среднюю Азию продовольствие — пшеницу, зерно.

1920—1921 годы... Провозглашены Советские республики в Хорезме и Бухаре. РСФСР заключает с ними договоры о союзе и экономические соглашения. Пятьсот миллионов рублей субсидии получает Хорезмская республика. Туда едут педагоги, типографские рабочие, другие специалисты.

На X съезде РКП(б) было принято решение перенести ряд предприятий текстильной, шерстяной, кожевенной промышленности к источникам сырья — в Туркестан, на Кавказ, в Башкирию, в Киргизстан. Это одна из первых практических мер уничтожения фактического неравенства в хозяйственной жизни Советской страны тех лет. Денежная помощь, оборудование, машины, кадры научные, педагогические — все это двигалось к нам, в Среднюю Азию, чтобы помочь поднять Восток к новой жизни. Хлопок сразу стал жизненно важным сырьем для страны. В далекие 1921—22 годы в Туркестан доставлено было четыре с половиной миллиона пудов хлеба для снабжения дехкан, выращивающих хлопчатник.

1939 год... Строительство Ферганского канала; это народная стройка — и по духу своему и потому, что канал был построен силами добровольцев. Государство приняло на себя расходы по обеспечению стройки лесом, цементом, арматурным железом, транспортом и т. д.

Со всех концов поступали письма трудящихся. «Хочу поехать на строительство канала», — писали они. Узбекам и таджикам крепко помогли тогда рабочие русские, киргизы, казахи, украинцы, армяне, туркмены...

И дело не ограничивалось одной экономической помощью. Может быть, еще показательнее помощь моральная, громадная работа, проделанная лучшими представителями различных народов страны по воспитанию на Востоке национальных кадров во всех областях — хозяйственной, партийной, военной, научной, педагогической, медицинской... Для успехов в такой работе нужна была колоссальная энергия, настойчивость и неутомимость, умение быть принципиальным и чутким, быть во всех отношениях образцом для коренного населения, жадно вбирившего в себя опыт товарищей, трудившихся рядом. Вот отсюда, можно сказать, из глубины нашей со-

ветской истории идет, развивается и крепнет дружба советских народов. И весь этот путь — от первых шагов до сегодняшних великих многонациональных свершений единого советского народа — озарен именем Ленина, вдохновлен его идеями и советами.

Партия посылала на Восток таких своих видных деятелей-ленинцев, как М. В. Фрунзе, В. В. Куйбышев, Г. К. Орджоникидзе, А. С. Щербаков, Ш. З. Элиава, Ф. И. Голощекин, Я. Э. Рудзутак, В. Д. Вотинцев, Г. И. Бокий, Л. А. Кобозев, М. И. Калинин, С. М. Буденный и многих других. Работа была трудная, сложная — и прекрасная, плодотворная, ибо Ленин учил партию, учил неутомимо, искусно, постоянно.

Ленин учил коммунистов ясно представлять, что «для всей Азии и для всех колоний мира, для тысяч миллионов людей будет иметь практическое значение отношение Советской рабоче-крестьянской республики к слабым, донные угнетавшимся народам». В своем письме к коммунистам Туркестана, откуда взяты приведенные строки, Ленин призывал далее «приложить все усилия к тому, чтобы на примере, делом, установить товарищеские отношения к народам Туркестана, — доказать им делами искренность нашего желания искоренить все следы империализма великорусского для борьбы беззаветной с империализмом всемирным...»

Имя Ленина было для трудового народа озарено ореолом мудрости, благородства и справедливости. В приветствии делегатов 1-го Курултая Совета народных представителей Хорезма В. И. Ленину говорилось о том, что курултай «единогласно избрал Вас почетным председателем». Нельзя без волнения читать подобные документы тех далеких лет, написанные по следам революционных событий, словно штыком, еще не остывшим от пламени боев. Трудящиеся Востока заверяли Ленина и его партию в том, что они «сегодня вступают на путь совместной работы с пролетариатом России и всего мира и твердо верят в неизбежное и близкое раскрепощение Востока и наступление социалистического строя».

«Совместная работа», дружба народов — это когда на полях Таджикистана, Азербайджана, Туркмении гудят хлопкоуборочные машины, выпущенные нашим гигантским «Ташсельмашем», когда металлурги Урала и Приднепровья едут в Узбекистан,

Грузию, Казахстан, чтобы помочь вырастить кадры металлургов Беговата, Рустави и Казахстанской Магнитки, когда по дорогам нашей республики идут минские самосвалы, а киргизские чабаны смотрят фильмы, которые показывают киноапараты, сделанные руками рабочих Узбекистана.

В подвиге освоения целины, в электростанциях «Дружба народов» (их в нашей стране несколько), в передаче земель одними республиками другим, в соревновании хлопкоробов, в экономической общности и моральном родстве, в новых привычках быта и глубоком единстве советских литератур — всюду и везде, в самом воздухе, которым мы дышим, чувствуется эта дружба — «братская дружба людей труда, у которых общие интересы, общее дело и общие цели» (Н. С. Хрущев).

Узбекистан — республика многонациональная.

Представители более шестидесяти национальностей рука об руку трудятся здесь, вместе учатся, отдыхают, радуются удаче друг друга, преодолевают совместными усилиями трудности. Нет такой стройки, такого предприятия, где бы не было многонационального состава работающих. На Ташкентском текстильном комбинате трудятся люди двадцати пяти национальностей: узбеки, русские, татары, чувашки, каракалпаки, уйгуры, казахи, армяне, грузины и т. д. В знаменитом колхозе им. Хрущева, где председателем Х. Турсункулов, — пятнадцать национальностей.

Знатные люди сельского хозяйства Узбекистана — это узбеки Меликузы Умурзаков и Джура Султанов, таджик А. Халбаев, русская Мария Бунина, украинец Валентин Тюпко, каракалпак Шамурат Мусаев, казах Джабой Балиманов, корейнка Люба Ли...

Радостно жить в нашем добром, могучем, трудолюбивом советском мире.

Никита Сергеевич Хрущев замечательно сказал однажды, что если бы наш великий вождь В. И. Ленин мог бы посмотреть сейчас на то, что сделано народами Советского Союза, он снял бы шапку и сказал «спасибо». А мы, современники, люди шестидесятих годов, снимаем шапку и на всех языках нашей страны говорим вечно живому Ленину: «Спасибо, рахмат, великий учитель!».

Да, Ленин жив в делах народных. Какую бы область жизни мы ни взяли, мы

увидим, что наши успехи корнями своими уходят в учение и советы Ленина.

Весь мир поражался героизму советского народа в Отечественную войну, — но разве не Ленин учил, что никогда не победят того народа, который борется за высокие и осознанные идеалы?

Весь мир потрясен сейчас успехами советской науки и техники, величайшей одаренностью, творческим гением советских людей, — но ведь это Ленин указывал, что капитализм порабощает и душит таланты в народе, а социализм развивает и воспитывает их стремительными темпами и в гигантских масштабах.

Основополагающее значение для всех республик имела ленинская теория индустриализации (кто не помнит его знаменитой формулы: «Коммунизм есть Советская власть плюс электрификация всей страны»).

Ленин учил трудящихся крестьян: мелким хозяйствам из нужды не выйти — кооперативный план Ленина стал основой колхозного движения в России и Закавказье, Украине и Средней Азии.

Мы все радуемся расцвету советской культуры — единой по социалистическому идейному содержанию и разнообразной, многокрасочной по своим национальным формам. Прочную основу развития советского искусства, советской литературы заложил Ленин; творческие работники, верные помощники партии, как назвал их Н. С. Хрущев, вооружены учением Ленина о коммунистической партийности и народности литературы, теорией двух культур в каждой национальной культуре, призывами и советами правдиво и вдохновенно изображать жизнь, служить народу, а не кукле пресыщенных снобов.

Вдумайтесь в любую цифру, говорящую о достижениях, например, Советского Узбекистана. В нашей республике сейчас свыше тысячи предприятий, более семидесяти отраслей промышленности, причем на «чистом месте» создана у нас металлургия, машиностроение, электротехническая, угольная, газовая, химическая отрасли промышленности. Постоянному вниманию и заботе о крупной промышленности учил Ленин.

Электроэнергии мы производим в тысячу семьсот пятьдесят восемь раз больше, чем в Узбекистане до революции, в три раза больше, чем в 1913 году было произведено ее во всей царской России. Что бы

подумал и сказал, знай он эти цифры, Герберт Уэллс в беседе с тем, кого он называл «кремлевским мечтателем» — с Лениным. Тем самым мечтателем, который в статье 1921 года «О едином хозяйственном плане» писал о Туркестане, как отдельном районе плана ГОЭЛРО, предлагая вообще посмотреть в завтра, сделать «расчет на электрические станции не только первой очереди».

Поистине прав народ, считающий, как у нас говорят, что «добрая мечта — половина дела».

Ленин был уверен в том, что коммунисты, Советская власть оторвут крестьянина от сохи и пересадят его на трактор. В одном Советском Узбекистане сейчас насчитывается около семидесяти тысяч тракторов, в сельскохозяйственном производстве заняты тысячи хлопкоуборочных агрегатов, двадцать пять тысяч автомашин. Это осуществление заветов Ленина: «Нужно всюду больше вводить машин, переходить к применению машинной техники возможно шире».

Ленин учил нас: с неграмотными людьми социализма не построишь, социализм — это культура. «...Нигде, — писал Ленин, — народные массы не заинтересованы так настоящей культурой, как у нас; нигде вопросы этой культуры не ставятся так глубоко и так последовательно, как у нас...» В сентябре 1920 года по ленинскому декрету был открыт в Ташкенте первый вуз Средней Азии — Государственный университет. Специальным поездом — «поездом Ленина» — прибыли в Ташкент лаборатории, оборудование, учебные пособия. По путевке Ленина в Узбекистан приехали видные ученые: В. И. Романовский, Е. П. Коровин, А. С. Уклонский, И. А. Райкова, Г. Н. Черданцев и другие. Ныне в ТГУ на десяти факультетах учится свыше пяти тысяч студентов, представляющих более тридцати национальностей. Сейчас в Узбекистане тридцать один вуз, в них обучается более ста тысяч юношей и девушек, и заочно учится еще свыше сорока тысяч человек. У нас свыше десяти тысяч научных работников, восемьдесят шесть тысяч учителей, более одиннадцати тысяч врачей. Каждый четвертый житель республики сейчас учится. Значительный вклад в советскую науку внесли и ученые Узбекистана.

Я не буду говорить об успехах наших писателей и артистов — они хорошо из-

вестны. Но важно подчеркнуть, что искусство и литература поистине вошли сейчас в массы узбекского народа, развили эстетические таланты, во много раз усилили в народе тягу к прекрасному, в частности, к собственному художественному творчеству. Свыше ста шестидесяти тысяч человек занимается художественной самодеятельностью. В республике — восемьдесят девять университетов культуры, двадцать три народных театра. Подобные цифры можно приводить без конца...

Чем сейчас, в семилетку, живет республика?

«В каждой республике намечается развитие прежде всего тех отраслей хозяйства, для которых имеются наиболее благоприятные природные и экономические условия, с тем чтобы эффективнее использовать ресурсы каждой республики и обеспечить правильное сочетание интересов отдельных республик и Советского Союза в целом». Это слова резолюции XXI съезда партии.

Каковы же основные проблемы экономики Узбекистана сегодня?

Это прежде всего проблема хлопка. Партия и Советское государство направляют с каждым годом все больше и больше новой и новейшей техники, минеральных удобрений и других материально-технических ресурсов для развития хлопководства, выделяют крупные средства на ирригацию, проявляют постоянную заботу о повышении материального благосостояния хлопководов. Н. С. Хрущев подчеркнул, что хлопок — экономически самая выгодная культура и ей надо открыть зеленую улицу.

Хлопок — это основная масса текстильных изделий, искусственная кожа, стекло, лаки, целлофан, корд для автопокрышек, материалы для электропромышленности, многочисленные сорта масел, спирт, бумага, дубители, изоляционные изделия — словом, это десятки и десятки видов разнообразной ценной продукции.

Вот почему в исторических решениях XXI съезда партии такое огромное место занимают вопросы развития хлопководства. Неустанно и неуклонно повышать урожаи хлопчатника, поднимать культуру его производства — и н т е р н а ц и о н а л ь н ы й долг трудящихся Узбекистана, главной хлопковой базы страны. В первом году семилетки колхозы и совхозы республики вырастили и продали государству

три миллиона сто шестьдесят одну тысячу тонн хлопка-сырца (вспомним, что в 1913 году валовой сбор составил 517,2 тысячи тонн). Во втором году семилетки из-за неблагоприятной погоды мы остались в долгу перед государством. Но из итогов 1960 года мы сделали нужные выводы. Республика обязалась собрать в 1961 году три миллиона двести тысяч тонн хлопка. Мы сделаем все, чтобы выполнить эти обязательства.

У нас есть полная возможность для этого. Все шире применяется в хлопководстве передовая агротехника. Все больше машин на полях — комплексная механизация советского хлопководства шагает вперед все увереннее с каждым годом. Наши механизаторы, перевыполнив обязательства, в 1959 году собрали машинами триста тридцать тысяч тонн хлопка-сырца. В 1960 году эта цифра поднялась до пятисот тысяч тонн. Восемь тысяч машин в прошлом году заменили до трехсот тысяч сборщиков. Теперь в Узбекистане нет такого колхоза и совхоза, где бы не применялись машины. Совхоз «Малек» собрал агрегатами почти весь урожай. Колхоз «Коммунизм» Пахтакорского района — восемьдесят процентов урожая. Рабочий класс республики хорошо помогает хлопкоробам. В прошлом году химики дали более пятидесяти тысяч тонн минеральных удобрений сверх плана; машиностроители стремительно наращивают объем производства машин. Если в 1959 году «Ташсельмаш» изготовил четыреста восемьдесят шесть хлопкоуборочных агрегатов «ХВС-1,2», то в 1960 году — три тысячи сто восемьдесят. «Узбексельмаш» в истекшем году дал сельскому хозяйству четыре тысячи шестьсот шестьдесят сеялок точного высева; тысяча триста шестьдесят из них — это сверхплановая продукция. Создаются все новые и новые образцы техники — культиватор, который в один проход обрабатывает рядки посева вдоль и поперек, комбайн, почти не сбивающий хлопок на землю, машина для уборки нераскрывшихся и полураскрывшихся коробочек и одновременного извлечения из них волокна, агрегат для уборки и прессыования стеблей хлопчатника, новые приспособления для бестарной перевозки хлопка и т. д. и т. д.

Но не только машины — наш резерв для дальнейшего подъема хлопководства и вообще сельского хозяйства. Это еще в

огромной степени новые, целинные земли. Проблема ирригации, так смело и остро поставленная от имени партии на январском Пленуме ЦК Никитой Сергеевичем Хрущевым, — одна из наших самых живых проблем.

И здесь снова надо вспомнить о советах великого Ленина.

Именно Ленин стоял у колыбели социалистического строительства в Узбекистане. Именно Ленин провидел наш сегодняшний курс на ирригацию. Еще 17 мая 1918 года он подписал исторический декрет об ассигновании пятидесяти миллионов рублей — неслыханной по тем временам суммы — на оросительные работы в Туркестане и об организации этих работ.

Ленинский декрет предусматривал тогда орошение пятисот тысяч десятин Голодной степи в Самаркандской области, десятков тысяч десятин Учкурганской степи в Фергане, сооружение водохранилища на реке Зеравшан «для освобождения путем регулирования речного стока... около 100 тысяч десятин под культуру хлопчатника...»

Трудящиеся Узбекистана успешно осуществляют ленинские планы орошения своих земель.

Поэт Аскад Мухтар закончил стихотворение «Ленинский декрет», посвященное этому государственному акту, такими строками:

Этой ранней весной, этим утром
холодным,
Мирзачуль наш был вписан
в декрет Ильичем.

Слово Ленина стало заветом народным
И Голодной степи животворным
ключом...

Животворный ленинский ключ действительно открыл узбекскому народу Голодную степь. Голодная степь урожаями на освоенной ее части окупает уже затраты государства. Ныне здесь создана прочная материально-техническая база для еще более широкого наступления на целину: машины, коммуникации, строительные предприятия, первая очередь Южного канала протяженностью девяносто два километра. Организуются крупные хлопководческие совхозы. В Голодной степи мы своим шестьсот пятьдесят тысяч гектаров земли, что может дать до миллиона тонн

хлопка и много другой сельскохозяйственной продукции.

Еще в 1921 году — ровно сорок лет назад — Ленин писал, размышляя о путях социалистического строительства в странах Востока: «Орошение больше всего нужно и больше всего пересоздаст край, возродит его, похоронит прошлое, укрепит переход к социализму». В наши дни творчески развитые и конкретизированные партийные ленинские планы орошения плодородных земель Советского Востока — одно из важнейших условий ускорения перехода нашей страны к коммунистическому завтра.

Нами намечено освоить к концу семилетки (помимо голодноостепенной пустыни) еще до пятисот тысяч гектаров новых земель в разных районах республики. Ждет покорителей природы и Каршинская степь. Строительство Амубухарского канала, ток Нурекской ГЭС позволит оросить здесь миллион — миллион двести тысяч гектаров. Этот район хлопководства обгонит знаменитую Ферганскую долину.

Коснемся других вопросов экономической и общественной жизни сегодняшнего Узбекистана.

Вспомним, что мысль Владимира Ильича обращалась к проблемам использования природного газа. Узбекистан становится сейчас крупнейшим центром газовой промышленности. За короткий срок проложен газопровод Джарканд — Бухара — Самарканд — Ташкент. Строится одна из наиболее мощных в стране тепловых электростанций открытого типа — Ташкентская, которая будет работать на газе. Узбекский газ пойдет на Урал.

Коммунистов народ называет партией Ленина. ЦК партии — ленинским, Первого секретаря ЦК Никиту Сергеевича Хрущева — верным ленинцем. Нет слова, которое бы у нас в стране лучше и сильнее передавало чувства признательности и уважения, чем слово «ленинский».

Мы стремимся работать по-ленински перспективно и деловито, целеустремленно и практично. Мы стремимся воспитывать людей по-ленински требовательно и гуманно, принципиально и вдохновляюще.

Люди — это главное богатство социализма. Так учил нас Ильич.

Господа капиталисты удивляются (и боятся): откуда, мол, берут коммунисты

средства для привлечения людей на свою сторону, где лежат ключи, открывающие им сердца человеческие, как им удастся воспитывать людей такими самоотверженными, сознательными, всем в мире интересующимися?

Секрет прост. Для коммунистов нет более высокой цели, чем благо трудящихся; коммунисты-ленинцы правильно понимают, в чем состоит это благо, и убеждены, что только в борьбе, в практике коллективного труда, направленного к общей цели, изменяется человек, становится богаче и красивее. Сиду положительного примера в социалистическом обществе учил нас ценить Ленин. Уже в первых коммунистических субботниках Ленин провидел черты движения за коммунистический труд, движения, охватившего сейчас всю страну. Маяками семилетки назвал Никита Сергеевич Хрущев наших передовиков производства. К этим маякам тянутся тысячи и тысячи других людей. Особый подъем переживают трудящиеся нашей страны сейчас — в преддверии XXII съезда партии.

В Узбекистане (по данным 1960 года) более ста шестидесяти тысяч человек включилось в движение за коммунистический труд. Более тысячи коллективов добились высокого звания бригад, цехов, участков, предприятий коммунистического труда. Бригада Саида Нурутдинова, работающая на стане «300» Узбекского металлургического завода, обязалась дать в прошлом году две тысячи пятьдесят тонн проката. Обязательство выполнено на 105,4 процента. В бригаде все учася. Имя Ганишера Юнусова — гагановца в сельском хозяйстве, перешедшего из передовой бригады в бригаду, осваивающую целину, работающую в сложных условиях, — прогремело на всю страну и нашло многих продолжателей. А кто не знает теперь о Турсунной Ахуновой? Сколько женщин-механизаторов, ее последовательниц в Узбекистане, проявило себя в прошлом году! Айым Камалова, Лола Курбанова, Рахилахон Бабахимова, Матлюба Назарова, Авадан Досова и многие, многие другие.

Н. С. Хрущев на январском Пленуме ЦК КПСС говорил, что пример Турсунной Ахуновой и ее подруг «показывает, как выросли при советском строе женщины восточных республик Советского Союза, как поднялась их роль в комму-

нистическом строительстве». Женщина старого Востока была самой угнетенной и забитой. Ею не только помыкали,— религией и обычаями неустанно калечили ее сознание, прививая чувство собственной неполноценности. Партия коммунистов вывела женщину Востока на новый, светлый путь. Этому учил нас Ленин. Он считал великим завоеванием нашей революции то, что Советская власть «первая и единственная в мире уничтожила полностью все старые, буржуазные подлые законы, ставящие женщину в неравноправное положение с мужчиной...»

В наши дни в Узбекистане более сорока тысяч женщин состоит в Коммунистической партии, свыше двухсот сорока тысяч в комсомоле. Тысячи и тысячи узбечек находятся на руководящей партийной, советской, хозяйственной, научной, культурной работе. Среди них женщины-министры, женщины-секретари райкомов, горкомов, обкомов партии, женщины-ученые.

Еще более убедительны цифры и факты, характеризующие участие женщин Узбекистана в производительном труде. Сейчас в нашей республике более сорока одного процента от общего числа рабочих промышленности составляют женщины, пятьдесят один процент — в колхозах, сорок четыре процента — в совхозах.

Институт истории партии при ЦК Коммунистической партии Узбекистана собрал и подготовил к печати воспоминания о Ленине многих старых большевиков, ветеранов советского строительства в Средней Азии. Ю. Кислова—бывший инструктор женотдела ЦК Коммунистической партии Туркестана, ныне персональный пенсионер, особенно содержательно рассказала о встрече Владимира Ильича с делегатками первого Всероссийского съезда женщин Востока, состоявшейся летом 1921 года.

— Каждый пуд хлопка, выращенный женскими руками,— говорил тогда Ленин делегаткам,— каждый сноп пшеницы, каждый аршин материи, сотканный женщинами,— это помощь республике, но этот путь в то же время — единственный путь раскрепощения женщин! Передайте же всем женщинам Туркестана, что мы ждем их помощи!

И женщины Средней Азии последовали ленинскому призыву. Уже не пуды, а сотни и сотни тысяч тонн хлопка выращивают в одном лишь Узбекистане женские руки, ткут не аршины, а километры материи.

Коммунисты смотрят на действительность глазами реалистов. Ленин всегда предупреждал о том, что коммунисты не должны отдавать себя во власть самоуспокоенности. Вспомните, с каким гневом и сарказмом бичевал Ленин тех, кто заражался «комчианством», болтал, но не умел работать, руководил «вообще», без знания дела.

Мы гордимся своими гигантскими успехами, но не обольщаемся ими. Сделали много — сделать надо еще больше. Мы ясно видим свои недостатки. Не всегда мы внимательны к росткам нового, не всегда умеем поддержать и распространить опыт передовых людей. В Узбекистане есть тоже отстающие колхозы, где люди трудятся по старинке, не используя достижений науки и производства.

Н. С. Хрущев на январском Пленуме ЦК КПСС по-ленински остро и прямо говорил: «...Руководитель должен не только гордиться передовыми людьми, но и делать все для того, чтобы у них были тысячи последователей...» Задача руководителя — суметь «отдельные достижения, передовые методы труда сделать достоянием масс в районе, в области, в республике...»

Нельзя сказать, что полностью преодолены у нас в республике и такие, на-

пример, пережитки прошлого, как неправильное отношение к женщине, психология местничества, плохие обычаи старины, религиозные предрассудки.

Воспитание человека коммунистического общества — сложный и далеко не мгновенный процесс. Но он идет со все большим размахом, настойчивостью, результативностью. Именно так, как предсказывал Ленин.

...Радостно сегодня жить и трудиться. Радостно чувствовать себя участником великого ленинского дела.

«Наше знание, сила и оружие» — эти

слова Маяковского необычайно точно раскрывают смысл нашего отношения к Ленину, чья колоссальная работа на благо трудящегося человечества, чье победоносное учение никогда не станут «вчерашним днем», а всегда будут сохранять актуальность для тех, кто поставил своей целью коммунизм. А этих людей все больше и больше становится в мире, это цель все ближе. Вдохновляющей программой быстрее достижения этой цели вооружит нас XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза.

За коммунизмом — будущее!

ДЯДЯ И племянники

Комедия

в 4-х действиях, 6-ти картинах.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

АСИЛЬХОДЖА МЕХМОНХОДЖАЕВ — начальник строительномонтажного управления.

АДОЛЯТ — его жена.

ДИЛЬБАР — племянница Адолят, архитектор.

ДЖУРА САДЫКОВИЧ — инженер, секретарь парткома.

БУРИБАЙ БАЗАРБАЕВ — начальник отдела материально-технического снабжения.

АСАЛЬХОН — секретарь-машинистка.

ФАЗЫЛ-АТА — старый мастер, пенсионер.

АЙША-БУВИ — его жена.

ЗАМИРА — их дочь.

ДЖАМАЛЬ-ХОЛА — сестра Мехмонходжаева.

САКИДЖАН — маляр.

БАКИДЖАН — штукатур.

КОРРЕСПОНДЕНТ.

БУХГАЛТЕР.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Картина первая

Приемная. Асальхон стучит на пишущей машинке. На диване два посетителя ждут Мехмонходжаева.

Бухгалтер (*входя*). Не приходил?

Асальхон. Нет.

Бухгалтер. А придет?

Асальхон. Не знаю.

Бухгалтер. Ведомость надо бы подписать.

Асальхон. А зарплату сегодня будете выдавать?

Бухгалтер. Если банк не закроется. Для банка, знаете, каждая минута дорога.

Асальхон. У-у, если так, появится.

Бухгалтер. Позовите меня, как только покажется.

Асальхон. Хорошо, хорошо.

Бухгалтер уходит.

1-й посетитель (*2-му посетителю*). Ха, каждая минута!.. А как-то тем, что по нескольку дней ждут?

2-й посетитель (*1-му посетителю*). Так и вы ждете Мехмонходжаева?

1-й посетитель (*раздраженно*). А как вы думали? Трамвая, что ли, дожидаться?

2-й посетитель. Да вы не сердитесь. Вижу вас каждый день, вот и думал, что работаете здесь. Откуда же вы?

1-й посетитель. Со строительства школы. А вы?

2-й посетитель. Я? Я по вопросам техники безопасности хожу.

Звонит телефон.

Асальхон (*сняв трубку*). Да, алло! Мехмонходжаева? Нет его... Не знаю. (*Оставив трубку, про себя*.) Господи, какие странные люди и какие странные вопросы: «Где Мехмонходжаев? Когда придет?» А я откуда знаю? Будет он мне отчитываться! (*Снова звонит телефон. Она с досадой хватается трубку*.) Алло... Кто это? Что вам еще?.. Ой, простите... Не узнала, простите. Да, да... Неузнанным быть — богатым жить, простите. Хорошо, передам. Обязательно. До свидания. (*Тихо кладет трубку на место*.)

1-й посетитель (*к Асальхон*). Это не товарищ Мехмонходжаев был?

Асальхон. Нет.

2-й посетитель. А вообще придет он сегодня?

Асальхон. Сказала же я вам — не знаю!

2-й посетитель. Что так зло?

Асальхон. Сколько же можно отвечать всякому в отдельности? Надоело! Каждый день одно и то же!

1-й посетитель. Вам отвечать надоело, а нам надоело ходить сюда! Вот это и передайте своему хозяину. (*Обращаясь ко 2-му посетителю*.) А?

2-й посетитель. Истинное слово, надоело! (*Один за другим уходят*.)

Асальхон (*про себя*). Скатертью дорожка... (*Звонит телефон, Асальхон снимает трубку*.) Алло, алло... Слушаю. Кто? А-а-а, ты?.. Да... Сегодня? Нет, не могу... Сейчас не скажу... Хоть лопни, не ска-

жу: по телефону нельзя... Тьфу, несчастный! (Плевком Асальхон обрызгивает Бурибай, который незаметно войдя, подслушивает ее разговор.)

Бурибай. Э-ге, милая, чуть в лицо человеку не плюнули!

Асальхон. А кто вам велел подслушивать?

Бурибай. Пусть каждый слушает каждого, Асальхон. Кто любит — тот и ревнует. Из любви это я, да, из любви.

Асальхон. Бросьте шутить, Бурибай-ака. И так душа стеснилась — волосок не просунешь.

Бурибай. Волосок не просунешь, а я, может, пролезу! Неужто в вашей душе не найдется места?

Асальхон. Будет вам, оставьте!

Бурибай. Вот это ваше жеманство-то мне и нравится. Кстати, хозяин здесь?

Асальхон. Нет.

Бурибай. Ах, как кстати!

Асальхон (жеманясь). Оставьте, Бурибай-ака, такие речи. Что скажет Дильбархон, если услышит? Нехорошо.

Бурибай. Мы с Дильбархон уже давно закрыли расчетную книгу. Так-то — на житейском рынке. Доведись самой, поймете, Асальхон.

Асальхон. Вай, каким холодом дохнули! А я слышала, что вы ходите за ней, умоляете помириться?

Бурибай. Нет. Теперь все замерзло. Не получается. Характерами не сошлись.

Асальхон. Что, у вас такой дурной характер?

Бурибай. Удивляюсь... Ты такой... Ты сякой... Сами видите, я и не пикну!.. Ладно, для скромного человека хороши скромные люди. Не архитектор — так и машинистка для меня годится.

Асальхон. Пропади они — ваши шутки! Если язык без костей, думаете, можно болтать все, что угодно? Такие речи не по мне.

Бурибай. Если не речи, может, дела привлекут вас? Пока хозяин не пришел, отщелкайте-ка мне этот акт на вашей машинке.

Асальхон. Нет, нет, отнесите в машинное бюро.

Бурибай. Оплата труда — натурой. Тут смазка для всех машин и машинок. (Достает из портфеля духи и протягивает Асальхон.)

Асальхон. Это еще что? Оставьте, не надо...

Бурибай. Берите, берите, все равно я в долгу. Помните, на именины ваши не смог прийти.

Асальхон. Не надо бы! (Берет в руки флакон, нюхает.) И находите же вы новинки, Бурибай-ака!

Бурибай. Этого еще в продаже нет. Девственница, так сказать... ха-ха-ха...

Асальхон занята перепечаткой акта.

Входит Фазыл-ата.

Фазыл-ата. Асалям алейкум. Мехмонходжаев у себя?

Асальхон. Нет его. Здравствуйте, Фазыл-ата, как поживаете?

Бурибай. А-а-а, здравствуйте мастер, как живете-можете? Присаживайтесь, пожалуйста.

Фазыл-ата. Слава богу, слава богу, спасибо.

Бурибай. Как здоровьице, как домашдцы?

Фазыл-ата. Слава богу... Неплохо.

Бурибай. Переехали уже на Урюкзар? Поздравляю с новой квартирой.

Фазыл-ата. Спасибо, спасибо!

Бурибай. Извините за вопрос, мастер, как вы поступили со старым домом? Продали?

Фазыл-ата. Э, зачем мне продавать?! Оброс потомством: тут — сыновья-дочери подросли, тут — зятя-невестки появились, куча внучат... От тесноты небо в овчинку стало. Вот и оставили им старый дом. Да, старик со старухой начали новую жизнь. *(Смеется.)*

Бурибай. На старости, значит, снова, как жених с невестой, зажили? Хорошо. Доброе дело... Итак, чем можем служить?

Фазыл-ата. Служить-то нечем...

Бурибай. Когда же отметим новоселье?

Фазыл-ата *(нерешительно)*. Да вот... заждался я Мехмонходжаева...

Бурибай. Весна сейчас, горячее время. Работы невпроворот.

Фазыл-ата. Доченька!

Асальхон. Слушаю, папаша.

Фазыл-ата. Вы не знаете, где Сакиджан?

Бурибай. Сакиджан? Это тот, который в горсовете работает, ну, Абдуллаев?..

Фазыл-ата. Нет, мастер Сакиджан, маляр.

Асальхон. Так и говорите: Саки-сучок! Его без прозвища и домашние не узнают.

Бурибай. Саки-сучок и Баки-байбак здесь, на массиве Коксу.

Асальхон. Да, да, они на строительстве дома для научных работников.

Фазыл-ата. Ну, значит, там я и найду их.

Звонит телефон. Асальхон берет трубку.

Асальхон. Простите, Мехмонходжаева нет, не приходил... Должно быть, в райисполкоме... Ах, из райисполкома? Тогда, наверно, в стройтресте. Да, да, возможно, скоро придет. *(Кладет трубку на место, телефон снова звонит.)* Кто это? Нет Мехмонходжаева!.. *(Бросает трубку.)*

Бурибай. А вдруг это был сам хозяин, Асальхон?

Асальхон. Душу мне истерзал этот телефон: с утра до вечера — трр-трр... Похоже, так и состарюсь, сидя возле него. Иногда мне думается — может, было бы лучше пойти и поработать на строительстве, глотнуть свежего ветра. Да где уж там... За всю жизнь соринки не подмела!.. Плохо быть единственной дочкой...

Бурибай. Скажите — и возьму, возьму вас своим заместителем... Кто ты? Заместитель Бурибая Базарбаева! *(Смеется.)*

Асальхон. Это что же — из огня да в полямя?

Фазыл-ата, сидящий на диване, отставляет газету, снимает очки и вмешивается в разговор.

Фазыл-ата. Прислушиваюсь к твоим словам, доченька, и нахожу в них большой смысл. Конторская работа изнеживает человека, — да, да. Что может быть полезней, чем работа на воздухе — в летний зной или в зимнюю стужу? Вот мне перевалило за семьдесят, а хожу как джигит. Спросите, в чем секрет? В том, что кости закалены трудом!

Бурибай. Э, мастер, с тех незапамятных времен, о которых вы говорите, и тополя-то ни одного не уцелело. Теперь все зиждется на учете. А для этого нужны конторы, нужны грамотные, сведущие люди. Как же может идти дело без конторы?

Фазыл-ата. Разве я говорю о незапамятных временах?..

Бурибай. Во всяком случае — о николаевских, так ведь?

Фазыл-ата. Я говорю о советском времени. Я-то уж не прятался в тени, пот проливал под открытым небом. Разве меня убавилось? Вот он — я!.. Что ж... глаза стали менее зорки, поясница стала менее гибкой... На то и пенсию получаю от государства.

Бурибай. Так сказать, сало ем да запиваю крепким чаем?

Фазыл-ата. А и так! Мудрецы-то недаром говорили: труд — украшение жизни, а украшение человека — честь!

Бурибай. Асальхон, кончайте-ка печатать акт, дело не ждет: на лесосклад надо ехать. *(Выглянув в окно.)* Вот и машина подошла, бегу! Если хозяин спросит, скажите, что скоро вернусь. С папашей тут поболтайте, чтоб не скучал. Я пошел. *(Уходит.)*

Фазыл-ата. Доченька, кто этот молодец? Сдается мне, что где-то видел его. Не племянник ли Мехмонходжаева?

Асальхон. Нет, папаша, он — из кадров Мехмонходжаева, не племянник...

Фазыл-ата. Не припомню.

Дильбар *(входя)*. Здравствуйте!

Фазыл-ата. Асалям алейкум!

Асальхон *(кивнув Дильбар)*. У меня к вам просьба, Дильбархон. Если позвонит хозяин, скажите, что я здесь. Мне надо сходить в отдел кадров.

Дильбар. А где сам-то?

Асальхон. В стройресте, должно быть. *(Уходя, сталкивается в дверях с Адолят.)*

Адолят. Здравствуйте!

Асальхон. Ой, Адолят-апа, заходите, солнышко наше!

Фазыл-ата. Здоровы ли, невестушка?

Адолят. Слава богу.

Дильбар. Что случилось? Откуда вы идете?

Адолят. Из дому. Поздравьте нас, Латофат стала матерью.

Дильбар. Сын, дочь?

Адолят. Сын.

Все. С внучком поздравляем!

Адолят. Спасибо!

Фазыл-ата. Да будет жизнь его долгой!

Адолят. Да сбудется!.. *(К Дильбар.)* Увидишь дядюшку своего, скажи, что я пошла в родильный дом.

Дильбар. Поздравьте и от моего имени.

Асальхон. И от моего.

Дильбар. Я позже навешу ее, а пока передайте привет.

Адолят. Ну, счастливо оставаться!

Асальхон. Ай да Латофатхон, вот молодчина!

Адолят и Асальхон уходят.

Дильбар. Ну, Фазыл-ата, вы что-то хотели сказать?

Фазыл-ата. Да нет уж, остыл. Вот если б давеча встретил вашего дядюшку, разделал бы в сорок ножей.

Дильбар. А что случилось?

Фазыл-ата. Да так... На днях переехал в новую квартиру.

Дильбар. Поздравляю вас!

Фазыл-ата. Стыдно и спасибо-то говорить...

Дильбар. Простите, на каком массиве этот дом?

Фазыл-ата. На массиве Урюкзар, знаете?

Дильбар *(взволновавшись)*. А что случилось?

Фазыл-ата. Что случилось, что случилось!.. Это дом лишь по названию. Не стыдно ли строить такие жилища? Постеснялись бы людей! Мало ли хороших зданий возведено в последние годы? Тут тебе горячая вода, ванная, газ, тут тебе телефон. Что говорить...

Дильбар. А там, куда вы переехали, всего этого нет?

Фазыл-ата. Есть-то оно есть... Да если одно работает, другое не действует. Особенно же само здание нескладное, доченька. Пойдете мимо — увидите.

Дильбар. И не видя, представляю.

Фазыл-ата. Так и ваш дом — сплошная мука?

Дильбар. Нет, дело не в муке...

Фазыл-ата. Ага, дело не в муке, а в мельнице?

Дильбар. Именно, в мельнице. Вот в этом управлении, в моем дяде. Я тоже в некоторой степени виновата. Дом, в который вы переехали, построен по моему проекту.

Фазыл-ата. Скажите!.. Значит, и на вас можно обижаться?

Дильбар. Выходит, так. Однако между мной и дядей уже возникли разногласия. От проекта ведь совершенно отошли.

Фазыл-ата. Значит, надо было время от времени присматривать за делом.

Дильбар. Что было — то было. Молодость!.. Оторвалась от строительства. Теперь — одна нога здесь, другая — там; мечусь между проектным бюро и стройплощадкой. Я-то поняла свою ошибку, а вот дядя до сих пор понять не хочет...

Фазыл-ата. С Асильходжой, с вашим дядей, я когда-то вместе работал. Хороший был строитель. Да судя по вашим словам, изменился теперь?

Дильбар. Ничего ему не втолкуешь... (*Задумывается.*) Не возьметесь ли за одно дело, мастер?

Фазыл-ата. Коль по душе придется, возьмусь.

Дильбар. Чем сто раз повторять речь, лучше один раз обжечь. Не так ли?

Фазыл-ата. Истинно.

Дильбар. А если так... Кажется, пришел удобный момент, чтобы наставить моего дядюшку на путь истинный. Ваше новоселье, понимаете?

Фазыл-ата. Что мое новоселье?

Дильбар. Терпенье. Когда встретитесь с моим дядюшкой, сделайте вид, что пришли пригласить его на новоселье. Он не откажется, придет, — будьте уверены. Вот тогда-то его дела сами заговорят. Все недостатки всплывут. Смеяться будете вы, скандалить — мы.

Фазыл-ата. Ай, молодчина! Мне этот совет нравится. Значит, доведется мне на старости лет разыграть вашего дядюшку!

Дильбар. Итак, на какой день назначим?

Фазыл-ата. Если успеем, на следующую субботу.

Асальхон (*входя*). Не соскучились? Никто не звонил?

Дильбар. Нет. За разговором не заметили, как и время пролетело.

Асальхон. Хозяин не приходил?

Дильбар. Нет. И вестей не подает. Я буду у Джуры Садыковича. Если появится, позовите меня.

Асальхон. Хорошо.

Дильбар уходит.

Фазыл-ата (*обращаясь к Асальхон*). И мне, что ли, тронуться, доченька, заждался я?

Асальхон. Сколько прождали, что ж теперь уходит! Появится скоро.

Мехмонходжев (*входя*). Здравствуйте, мастер.

Фазыл-ата. А я вас дождался!

Мехмонходжаев. Чем могу служить?

Фазыл-ата. Службы не прошу, так зашел — проведать.

Мехмонходжаев. В смысле проведать, значит. Очень хорошо. (К Асальхон.) Сзовите аппарат. Нет!.. Пока пригласите одного Джуру Садыковича.

Асальхон. Хорошо. (Уходит.)

Мехмонходжаев. Так-то, отец мой! Как видите, работы много. То там собрание, то тут совещание. Немного погода, у нас у самих заседание. Ведь это тоже работа, не так ли, мастер?

Фазыл-ата. А как же! Собрание-совещание — это тоже... работа.

Мехмонходжаев. Кстати, в смысле поздравления... Поздравляю с новой квартирой! Переехали уже?

Фазыл-ата. Да вот — только вас и не хватает. Был я в надежде устроить небольшой праздник новоселья. Именно! Если б вы сами возглавили...

Мехмонходжаев (приосанясь). Ага, говорите, значит, — пришли в смысле новоселья... Непременно буду, принесу поздравления... Как, довольны новой квартирой, мастер?

Фазыл-ата. Неплохо. Да сами увидите, когда придете. Именно!

Мехмонходжаев (самодовольно). Ничего, если будут какие недостатки — исправим. Значит, пришли звать на новоселье? Очень хорошо. Итак, на какой день, на какой час назначено это событие?

Фазыл-ата. Предполагали — в субботу, чтобы на завтра спокойно отдыхать.

Входят Джура Садыкович и Дильбар. Мехмонходжаев представляет им Фазыла-ата.

Мехмонходжаев (Джуре Садыковичу). Сей почтенный старец — один из владельцев дома, только что сданного в эксплуатацию на массиве Урюкзар. Старый мастер, мой бывший сослуживец.

Джура Садыкович. Поздравляю, отец, с новой квартирой. Фазыл-ата. Благодарствую.

Мехмонходжаев. Вот — приглашает на новоселье. В смысле благодарности. (Фазылу-ата.) Джура Садыкович — наш молодой инженер, перевелся недавно из Ассаке. Энергичный кадровик.

Фазыл-ата (Джуре Садыковичу). Вот и славно... Вот и приходите все вместе.

Джура Садыкович. Спасибо.

Мехмонходжаев. Вчера вы, кажется, говорили — есть несколько скандальных дел?

Джура Садыкович. Да, по вопросам техники безопасности. Сейчас принесу документы. (Уходит.)

Мехмонходжаев (Фазылу-ата, указывая на Дильбар). Узнаете?

Фазыл-ата. Да, глазам моим сдается знакомой.

Мехмонходжаев. Моя племянница Дильбар. Видать, забыли. Тоже идет по стопам своего дяди. Когда вы ее знавали, была еще девочкой. А теперь молодой, талантливый архитектор. Дядя — инженер, племянница — архитектор.

Фазыл-ата. Именно!

Мехмонходжаев. Дом-то, в который вы переехали, по проекту этой девушки построен, она и есть автор.

Фазыл-ата (к Дильбар). Живите долго, доченька! В субботу у нас новоселье, буду ждать. Дядюшке вашему я уже говорил. Обязательно приходите.

Дильбар. Спасибо.

Фазыл-ата. Как-никак и ваш труд впитал этот дом. А во что вложишь труд, то станет родным, как свое дитя. Возьмите меня, еду,

иду — да остановлюсь возле дома, в стены которого положил когда-то хоть один кирпич.

Дильбар. Вспоминается прошедшая жизнь?

Фазыл-ата. Именно!.. Не прошедшая жизнь, золотая жизнь вспоминается.

Пауза.

Мехмонходжаев. Прошу, пройдемте в кабинет, чаю потребуем, поговорим. Кстати, вы не забыли наш разговор, мастер? Придете на строительство наставником молодежи?

Фазыл-ата. Как скажете, так и будет — нельзя быть неблагодарным. Но, выйдя на пенсию, я и сам заскучал.

Мехмонходжаев. Значит, с тем условием и придем в гости, чтобы вы нам вырастили достойных мастеров.

Фазыл-ата. Согласен, об остальном дома поговорим, на досуге. До свидания, не буду отрывать вас от дела, пойду. Быть и вам на старости таким же болтливым. *(Смеется.)* Эх, старость не радость, чуть не ушел молчком, стыда бы не обобрался!

Мехмонходжаев. Да что случилось?

Фазыл-ата. Поздравляю вас с новым гостем в этом мире.

Дильбар. Латофат матерью стала, тетушка приходила сюда. Я вам хотела наедине сообщить.

Мехмонходжаев. Мальчик, девочка?

Асальхон. Мальчик, мальчик.

Все. С внуком вас!

Мехмонходжаев. Благодарю.

Фазыл-ата. Таким, как ты, я был в пути, таким, как я, стал нынче ты. Вот теперь и вы стали дедушкой. *(Все смеются, Фазыл-ата уходит.)*

Мехмонходжаев *(к Дильбар)*. Удивительный старик!

Мехмонходжаев и Дильбар заходят в кабинет. Появляется Сакиджан — он навеселе — и тоже пытается пройти в кабинет.

Асальхон *(Сакиджану)*. Эй, эй, нельзя, нельзя.

Сакиджан. Ие! Как это так нельзя? Скажите: «Сакиджан пришел», — двери сами откроются. Глаза ваши — с ума сойти! Брови дугой... расписной... Эх-хе! Я думал — лучше меня в нашем городе никто не покрасит! А тут на тебе: бровки под сажу, губки под красную охру!.. А какое у нас управление? Ст-ст-роительное... А кто в нем лучший маляр? Сакиджан!

Асальхон. Будто бы я вас не знаю, вот чудак! Хорошо знаю, Сакиджан-ака. А сейчас вы идите-ка домой, да поешьте острой шурпы, пропотейте. С потом и вся водка выйдет.

Сакиджан *(возвысив голос)*. Э, нет! Хозяина я хочу видеть! Хозяина, глазки — с ума сойти!..

Мехмонходжаев открывает дверь кабинета.

Мехмонходжаев. Что?! Хозяина глазки — с ума сойти?! Это что за безобразие?

Сакиджан *(присмирев)*. Здравствуйте, хозяин. Я — Сакиджан... Я...

Мехмонходжаев. Кой черт тебя попутал? С пьяницами связался? Иди да протрезвись!

Сакиджан. Если надо домой — сам иду. А теперь — не-ет! Известная вам, жена моя...

Мехмонходжаев. Что, черная кошка пробежала между вами? Понял, понял, с горя, значит, запил. Значит, в смысле—ушла-бросила...

Сакиджан. С женой у нас все хорошо. Однако того... Вот с этим плоховато. *(Шевелит пальцами, будто мусолит деньги.)*

Мехмонходжаев. Вон как! Что же ты ко мне пришел? Заработай, походи. Отправляйся к тому, на кого работал.

Сакиджан *(просияв)*. Во! Правильно, хозяин. Потому и пришел к вам. Получить законно заработанное. Не попрошайничать.

Мехмонходжаев. Значит, в смысле рассчитаться пришел? Ну, Сакиджан, видать, длинный у тебя язык стал...

Сакиджан. У маляра всегда инструмент длинный. Иначе до потолка не достанешь.

Входит Бакиджан, неся свою сумку с инструментами.

Бакиджан. Здравствуйте, хозяин.

Мехмонходжаев. Сколько раз надо говорить — не надо говорить: «хозяин»!

Бакиджан. Надо говорить, не надо говорить... Ладно, хозяин.

Мехмонходжаев. Эй, опять?

Бакиджан. Простите, привыкли мы, хо...

Сакиджан. Э, Баки-байбак! Перебил хребет нашему разговору. *(Мехмонходжаеву.)* Послушайте меня.

Мехмонходжаев. Что еще? Там меня ждут. И где ты заложил... Фу, разит! Сам — как сучок, а выдул целую бочку.

Сакиджан *(смеясь)*. Я этого Баки-байбака обманул. Сказал: иду умываться. Сам — напротив, в чайную. Ну, и выпил чайку... две-сти грамм с прицепом. Признаюсь, виноват. Однако я, хозяин...

Бакиджан. Эй, хватит, да! Пошли домой, Сакиджан.

Сакиджан. Сейчас пойдем, Бакиджан, сейчас. Что я хотел сказать, хозяин?.. Вы приказали: иди к Бадалбаеву на Сакичмон. Мы пошли. Пошли или нет, Бакиджан?

Бакиджан. Да, да!..

Сакиджан. Ну вот, хотя бы поддакивай!

Мехмонходжаев *(к Асальхон)*. Асальхон, принесите-ка мне баланс за четвертый квартал прошлого года.

Асальхон. Хорошо. *(Уходит.)*

Сакиджан. Сказали: иди к Салимджанову, улица Джаркуча, тупик Петух. Пошли. Сказали: иди к Арифходжаеву. Пошли. Три комнаты с передней — облизали, под фарфор разделали. Даже если вашу террасу не считать, и то — сколько денег выйдет! А прораб самой сути не понимает. Одно заладил: «Тебя на стройке не было!» За полмесяца сто четырнадцать рублей сорок копеек выписал. А?

Мехмонходжаев. Мгм... Говоришь, мало выписал? Исправим. Эй, Бакиджан, объясни своему другу Сакиджану.

Сакиджан. Вы мне объясните! Я трезвый, я ни в одном глазу... А если и есть чуть-чуть? Он — трезвый все равно, что я — пьяный. Ха-ха-ха!..

Бакиджан. Знай место для шуток, Саки-сучок!

Сакиджан. Поговори еще мне, Баки-байбак!

Мехмонходжаев. Если не этот прораб, то другой выдаст вам деньги.

Сакиджан. Кто, какой еще прораб?

Бакиджан. Помолчи ты, а?

Мехмонходжаев. Послушай-ка, братец... Есть такие, что справа дают, есть такие, что слева дают. В таком вот смысле...

Сакиджан. Ага, понятно. Значит, мы с левого бока получим. А боком потом не выйдет?

Мехмонходжаев. Все будет законно.

Сакиджан. Хорошо. Но когда мы их, звонкие, в руке будем держать — вот что скажите?

Мехмонходжаев. Послезавтра. Все?

Сакиджан. Едино слово?

Мехмонходжаев. Едино!

Бакиджан. Ну все, пошли теперь!

Сакиджан. Идем, Баки-байбак! Сладили дельце... До свиданья, хо... хо...

Бакиджан. Э-э!

Сакиджан. Ну, что — э-э! Думаешь — «хозяин» на языке у меня? «Ходжаев» я хотел сказать, а «Мехмон» потом прибавить!.. (Оба уходят. Входит Асальхон.)

Асальхон (протягивает папку Мехмонходжаеву). Вот!

Мехмонходжаев. Что это?

Асальхон. То, что вы просили, баланс.

Мехмонходжаев. А-а... отнесите обратно. (Проходит в свой кабинет.)

Асальхон (вслед ему). Так и знала!.. Могли бы просто сказать: выйди.

Картина вторая

Кабинет. Стены увешаны чертежами и проектами. Дильбар, сидя на диване, дожидается Мехмонходжаева.

Мехмонходжаев (входя). Говоря откровенно, куда спокойнее было ходить в инженерах.

Дильбар. Кто это там шумел?

Мехмонходжаев. Саки-сучок. Пьян вдребезги.

Дильбар. Что-то я не замечала за ним такой привычки. А, дядя?

Мехмонходжаев. Э, Дильбар, человек не рождается с привычками, привычки позже нарождаются. Вот он и выкинул сегодня номер.

Дильбар. И все же он мастер — золотые руки.

Мехмонходжаев. Что правда, то правда. Всякую развалину так разукрасит, что любо-дорого... Да, так о чем я говорил? Ага... На собрании крепко досталось начальнику 178-го строительного-монтажного управления Хантураеву. Все очернили: и медленные темпы строительства на массиве Акурюк, и то, что Хантураев нос задрал, перестал быть руководителем и превратился в «хозяина». Начальник треста отметил, что темпы строительства по нашему управлению — удовлетворительны. Вот такие дела... Ладно, оставим собрание, дома расскажу. Что, так зашла или по делу? Если дела твои терпят, может, попозже...

Дильбар. Хоть гоните — не уйду сейчас из кабинета.

Мехмонходжаев. Ты, кажется, не в духе. Ну-ка, слушаю.

Дильбар. Я пришла ругаться.

Мехмонходжаев. Ругаться? Что, с дядей или с начальником управления? Ну-ка, в чем дело? О муже хотела говорить? Ничего, утрясем. Он и сам, твой Бурибай, надоел до смерти: примирите да примирите!

Дильбар. Оставьте это, дядя! Не посмела вас послушаться, да и обожглась, Хватит!.. Видеть его не хочу!

Мехмонходжаев. Нельзя так горячиться, Дильбар. Давайте я вас помирю, а он пусть вымолит прощенье.

Дильбар. Хватит, дядя!

Мехмонходжаев. Ох, воистину ты проткнешь мне печень! Остаться сейчас соломенной вдовой...

Дильбар. Спасибо уж за внимание!

Мехмонходжаев. Опять не угодил? Что-то ты высоко занеслась, а, племянница?

Дильбар. К чему эти обиды, дядя? В том, что моя семейная жизнь не удалась, я не виню вас. Уж если сама не смогла сказать вовремя «нет»... Что прошло, то и быльем поросло. Оставим это, поговорим о деле.

Мехмонходжаев. Хорошо. Что еще?

Дильбар. Я сейчас иду со строительства. Такого насмотрелась, что в глазах потемнело.

Мехмонходжаев. Например?

Дильбар. Проект же нарушен!

Мехмонходжаев. Да в чем оно, это нарушение?

Дильбар. В том, что отступили от утвержденных расчетов! По проекту и внутренние перегородки должны были быть фундаментальными, крупнопанельными. А их ставят из камышитовых плит. Я, как автор, против этого!

Мехмонходжаев. Ну, племянница, в смысле ускорения темпов иногда приходится идти на подобные отступления от проекта.

Дильбар. Простите, дядя, тогда к чему же наши проекты?

Мехмонходжаев. Проект это проект — в смысле замысла, предположения. Для быстреего претворения его в жизнь возможны некоторые отступления. Ты еще только-только создала пять-шесть проектов. Я же возвел сотни строений. Станешь опытной — привыкнешь к таким нарушениям.

Дильбар. Какие же это «некоторые отступления»? Это обман будущих жильцов, просто очковтирательство!.. На чью голову посыплются проклятья? А ответственность?!

Мехмонходжаев. Тебе отвечать не придется, я все принял на себя. Вот так же пришлось и с Джурой Садыковичем спорить. А иначе поступить мы не могли, надо план выполнять. План для того и дается, чтоб его выполняли. А нынешняя обстановка требует ускорения работ.

Дильбар. Ускорения и качества!

Мехмонходжаев. Правильно! Строения наши должны быть качественными. Это ясно. Но сегодняшней день требует плана!

Дильбар. Но, дядя, не означает же: план — отступление от проекта!

Мехмонходжаев. Я и сам это знаю, но повторяю тебе опять: в смысле ускорения темпов приходится и несколько отступать. Совершенно не обязательно, чтобы внутренние перегородки были фундаментальными.

Дильбар. Конечно, чтобы в одной квартире пели, а в другой плясали под эту песню!

Мехмонходжаев. Они не будут столь тонкими, как ты думаешь. Камышитовые плиты — в смысле местного стройматериала — и дешевы, и удобны.

Дильбар. Кто с этим спорит? Но камышитовые плиты хороши лишь для типовых одноэтажных домов.

Джура Садыкович. Разрешите?

Мехмонходжаев. Пожалуйста, Джура Садыкович, заходите, не стесняйтесь. (К Дильбар.) Вот так, племянница, камышитовые плиты — и дешевы, и удобны. Что скажете, Джура Садыкович?

Джура Садыкович. Камышитовые плиты? Они имеют большое значение для строительства...

Мехмонходжаев (к Дильбар). Слышишь, племянница?

Джура Садыкович. Однако они хороши лишь для небольших одноэтажных домов.

Дильбар. Слышите, дядя? Спасибо, Джура Садыкович. Хоть мы и не сговаривались, но оказались одного мнения.

Джура Садыкович. Ах, вот как?

Мехмонходжаев (*резко*). Да, вот так! Говорите, что хотите, но остановить работы я не могу. Уж поверьте моему старому опыту. Это я, с моим опытом, насадил дома на массиве Урюкзар, как рассаду на грядках.

Джура Садыкович. Простите, Асильходжа-ака, мы то и дело хвастаем, что сажаем дома, как рассаду, подаем рапорты об этом. Рассада, конечно, хорошая вещь, но надо ее сажать как следует. Иначе — засохнет, повалится.

Мехмонходжаев. Выбирайте слова, Джура Садыкович!

Джура Садыкович. А что я сказал?

Мехмонходжаев. «Засохнет, повалится...» Рассада, может, и засохнет, и повалится, но дома, которые мы возвели, не повалятся.

Дильбар. Дядя!

Мехмонходжаев. Ты помолчи... Повалятся, говорите? Если хоть один из наших домов повалится, — все мы повалимся, все засохнем. Запомните это. Но сегодня в тресте хвалили-то кого? Нас! И только!

Дильбар. Трест может вознести хоть до небес, но на землю опустят зильцы. Что будет с нашим авторитетом, когда посыплются их жалобы?

Мехмонходжаев. Мы не делаем ничего такого, чтобы бояться жалоб. И авторитет наш не пострадает. Да, да!.

Джура Садыкович. Подождите, Асильходжа-ака!

Мехмонходжаев. Ну, жду. Что хотите сказать?

Джура Садыкович. Да ничего. Мы ведь ваши друзья. И нам хотелось бы по-дружески предупредить болезнь. Вот и все.

Мехмонходжаев. Какую еще болезнь, кто болен? (*Нажимает кнопку звонка, входит Асальхон.*) Принесите холодной воды.

Асальхон. Хорошо. (*Уносит графин.*)

Джура Садыкович. Вам слова нельзя сказать — тут же вспыхиваете, горячитесь. Но ведь ясно — если мы своевременно исправим ошибки, тем самым предотвратим тяжелую болезнь.

Мехмонходжаев. Договаривайте уж, раз сами потянули меня за язык.

Джура Садыкович. Что ж, извольте... Не секрет, что нас заедает текучка и штурмовщина. А последствия этого известны: работа тяп-ляп, хищения и растраты. Чем шумнее свадьба, тем удобней красть подносы. Растраты и хищения — это тот червь, который точит наше управление, это топор, который рубит нас под корень. Болезнь не скроешь: температура выдаст. К чему обманывать себя? Не лучше ли откровенно признать свою болезнь и поискать действенных средств против нее? Объектов у нас много, людей на них — еще больше, а отчетность из рук вон слаба. Стройматериалы утекают на сторону, а мы начинаем искать путей их замены, пускаем в дело черт знает что! Друг скажет горькое, а враг — сладкое...

Мехмонходжаев. Значит, вы — друг, вы говорите горькое? А в тресте хвалят, и, выходит, они — враги, так? Интересно, очень интересно.

Джура Садыкович (*вскипая, но сдерживаясь*). Зачем же так, Асильходжа-ака! Понятно, трест — руководящая организация. Од-

нако не всегда тресту известна наша подноготная, наша повседневная жизнь.

Мехмонходжаев. Продолжайте. Но выдвигать подобные обвинения, не имея конкретных фактов, это, товарищ секретарь парткома, я не знаю...

Джура Садыкович. А вы прислушивались, когда мы приводили факты? Правда, от некоторых лис мы избавились. Но Бурибай и в этот раз вышел сухим из воды.

Мехмонходжаев. Что вы имеете против него, не понимаю! Хорошо, скажете: «Уволь!» — уволью. Но дело свое он знает, таких — поискать! Сами видите, в других управлениях начальники отделов снабжения не могут получить порой даже тех материалов, которые им положены. А этому скажешь: иди в преисподнюю — пойдет! Скажешь: в пасти льва имеются гвозди — сунет руку! Не кичится тем, что начальник отдела, не сидит в кабинете. Сам всюду бегаёт и подчиненных гоняет! Шуточное ли дело — обеспечивать материалами столько крупных строек?! Вот и имей в виду...

Дильбар. На руку он не чист. И всюду ищет таких же нечистых на руку.

Мехмонходжаев. По этому вопросу ты молчи, племянница. Что ни говори, ты его разведенная жена. Хвалить его не станешь, это естественно. Но... не вмешивайся, советуя.

Джура Садыкович. Ладно, терпенье, Камбархон. Не будем наваливаться двое на одного.

Дильбар. Опять — Камбархон?

Джура Садыкович. Простите, Дильбархон.

Мехмонходжаев. Иногда и совесть в вас просыпается, а, Джура Садыкович?

Джура Садыкович. А вы уже вывели меня в бессовестные?

Мехмонходжаев. Нет, нет...

Джура Садыкович. Построенные нами дома... О скольких из них можно сказать: снаружи блеск, а внутри треск? Стоит пройти первому дождю — и в верхних этажах потечет. А водосточные трубы? Ведь они держатся на честном слове! Отвалятся — и пойдут по фасаду пятна, разные верблюды да слоны. Да, мы экономим материалы. Сэкономленное же идет в нечистые руки. Как это назвать? Расхищение... А мы зачарованы одним — гнать план! Как это назвать? Штурмовщина.

Мехмонходжаев. Вы кончили?

Джура Садыкович. Слов еще много, жару не хватает.

Мехмонходжаев. Говорите, я слушаю.

Джура Садыкович. Хватит пока.

Мехмонходжаев. Хотел бы напомнить, что за нашим управлением числятся тридцать два больших и малых объекта. К сожалению, мехмонходжаевых — меньше. Не тридцать два, а один. Иначе — пошел бы на эти объекты и караулил.

Джура Садыкович. Асильходжа-ака!..

Мехмонходжаев. Вы говорили — я молчал. Потерпите же и вы. Коротко: материальная ответственность возложена на определенных лиц. Надо будет — я и сам отвечу. Вот... Вы же здесь еще и года не проработали. Здесь — не Ассаке, фронт работ несколько шире. Правильно, вы секретарь нашего парткома, слушать вас — мой партийный долг, однако ведь и я некоторым образом руководитель. Я должен выполнять свои обязанности. Помогать помогайте, но позвольте уж быть независимым в некоторых вопросах.

Джура Садыкович. Вот как, мои действия — не помощь?

Мехмонходжаев. Помощь, но...

Джура Садыкович. Есть еще и «но»?

Мехмонходжаев. Есть.

Джура Садыкович. Хорошо, поговорим снова, когда вы несколько остынете. Если и это не поможет...

Мехмонходжаев. Угроза?

Джура Садыкович. Нет. Говорить с вами подобным образом меня вынуждают обязанности, возложенные на меня общественностью, в том числе — и вами... (Пауза.) Вот я принес акты о плохом состоянии техники безопасности. (Уходит.)

Мехмонходжаев. Только и осталось, дожив до седин, учиться у вас работать!

Дильбар. Успокойтесь, дядя!

Мехмонходжаев. Это же клевета! Клевета в мой адрес! Я вынесу этот вопрос в трест. В такой обстановке невозможно работать. (К Дильбар.) Ты — свидетельница этого разговора. Все!.. И сама хороша: были претензии — могла бы сказать дома как свой человек. Никакой поддержки от тебя, в смысле... от племянницы! Стояла, молчала...

Дильбар. А что я могла сказать? Как еще вас поддерживать?

Мехмонходжаев. Штурмовщина, видите ли, расхищение!.. Нет, племянница, не того я ожидал от тебя. А твой Джура Садыкович — еще мальчишка, у которого молоко на губах не обсохло.

Дильбар. Разум — не в годах, а в головах, говорят люди.

Мехмонходжаев. Вон как! Видать, потому вы и не сошлись характерами с Бурибаем.

Дильбар. Хватит, дядя. Вы были неправы в споре с Джурой Садыковичем.

Мехмонходжаев. Я неправ... Спасибо. Значит, вы заведомо сговорились. Не ожидал, не ожидал... Плюнуть мне в лицо!.. Кто тебя человеком сделал, кто вывел в жизнь? Когда ты в войну осталась сиротой — я, я тебя кормил, учил, воспитывал. Думал: в путь выйду — будешь мне тростью, поскользнусь — будешь опорой. А ты...

Дильбар. Странно вы говорите... За все ваше добро я благодарна, дядя. Спасибо... Но похоже, что вы хотели подготовить из меня прислужницу, подхалима. Простите, я не гожусь для этого. Моя совесть...

Мехмонходжаев. Ах да, вы — совестливые, честные... А Мехмонходжаев свою совесть с кашей проглотил, так?

Дильбар. Еще раз простите! Но как мне это ни тяжело, я еще раз вынуждена повторить — нет, вы неправы!

Мехмонходжаев (после некоторого молчания, неловко лукавя). Ну, ладно... Что случилось, собственно? Ну, погорячились немного, ну, поколотили друг друга... В смысле критики. Вся беда в нервах, в проклятых нервах!.. Итак, в твоих претензиях разберемся. Дай срок, договорились?

Дильбар. Хорошо. (Уходит. Появляется Бурибай.)

Мехмонходжаев. Что не показывался? Садись.

Бурибай. Доски привез четыреста двадцать кубометров, для полов, сороковка.

Мехмонходжаев. Надо этот лес выделить для дома ученых.

Бурибай. Ого, здравствуйте-пожалуйста! Где дом ученых, где дом знакомых! Нет, хозяин, об этом лесе еще много разговору.

Мехмонходжаев. Оставь пока при себе эти разговоры: момент не тот...

Бурибай. А что случилось?

Мехмонходжаев. Что случилось... Слишком много развелось таких, что кидают камни на нашу крышу.

Бурибай. Пусть себе кидают, Асильходжа-ака. Крыша у нас железная. Упадут, загремят и скатятся.

Мехмонходжаев. Угловатые камни, братец, из тех, что не скатываются. Не только железо, броню пробьют.

Бурибай. Что, неужели и вам досталось на собрании? Вы же были в хороших отношениях с трестовскими. Неужто дадут закидать камнями?

Мехмонходжаев. Да не в тресте, а у нас самих, вот под этой крышей.

Бурибай. Ну, если под собственной крышей — дело пустое. Чепуха это. Как говорится, дунет трубач... Дуньте разок — и все разлетится в прах! А то мигните мне, я им такое устрою — небо в овчинку покажется. Дело простое, хозяин.

Мехмонходжаев. Не называй меня «хозяин»!

Бурибай. Э, да что еще стряслось?

Мехмонходжаев. На собрании Хантураева назвали хозяйчиком, а не руководителем.

Бурибай. Слушаюсь, товарищ Мехмонходжаев! Так правильно?.. Да, признавайте, обещайте, бейте себя в грудь, не забывайте и их потряхнуть. А это не поможет — улучите удобное время и дайте взаймы. Глядишь — они и под ногами у вас. Таким ли человечкам сдвинуть вас с места! Мелочи предоставьте мне, живите себе припеваючи. А под сенью вашей власти и мы проживем.

Мехмонходжаев. Ну, хватит. Оставь-ка болтовню. Что суждено — того не миновать. Говоришь, четыреста двадцать кубометров леса привез?

Бурибай. Да, сороковку. Отструганную, без единого сучка... У приятеля, словом. Взял на выбор.

Мехмонходжаев. Двести кубометров отдай дому ученых. Сколько требовалось для новой школы? Сто пятьдесят кубов? Ладно, дай им пока сто. Остальное отдай Саттарову, пусть покроет недоделки. Чтоб немедленно настлал полы!

Бурибай. Но, хозяин...

Мехмонходжаев. Не возражай, делай, что говорю!.. И скажи-ка мне, ты почему меня обманываешь?

Бурибай. Я вас обманываю?! Когда, в чем?

Мехмонходжаев. Сакиджану денег не выписал? Не выписал. А он прибежал сюда, чуть не осрамил меня перед людьми.

Бурибай. Да пропади они пропадом, ваши Саки-сучок и Бакибайбак! Все улажено, завтра получают. Но всего леса я не могу отдать. Надо что-то придумать, Асильходжа-ака.

Мехмонходжаев. Сказано, не раздражай меня!

Бурибай. Расходов же много! Надо что-то придумать, иного выхода нет. Посчитайте... Шифер на крышу Хамдама-ака, терраса Усманова, отделка вашей веранды...

Мехмонходжаев. Пропади они — и веранда, и отделка! Права моя жена: и так все было под маслом, к чему еще отделка мне понадобилась? Тьфу!

Бурибай. Э, Асильходжа-ака, как же иначе? Дом большой... и друг, и недруг зайдет... Не годится, чтоб веранда Мехмонходжаева встречала гостей малярной желтизной.

Мехмонходжаев. Ну, ладно, хитрец. Сколько леса хочешь взять?

Бурибай. Сорок кубометров — и от всего избавимся.

Мехмонходжаев. Сорок?! Чур с тебя, хватит двадцати.

Бурибай. Нет, без сорока не обойтись. Говорите, Хантураева разделали... А если завтра нагрянет ревизия, мне придется куда хуже.

Впрочем, мне-то что... боюсь, как бы вас не запачкали... Давайте уж сорок.

Мехмонходжаев. Нет, нет. Бери двадцать пять кубов и кончай разговор. Больше не дам.

Бурибай. Воля ваша. Как-нибудь выйду из положения. Там урежу, здесь прибавлю... Теперь подпишите, пожалуйста, вот это.

Мехмонходжаев. Что это?

Бурибай. Два акта. Один — на восемьдесят тонн цемента, который остался под дождем и испортился, другой — на тысячу семьсот штук шифера, на который рухнула стена. И еще эти пятьдесят пять кубов древесины, которая оказалась гнилой и была пущена на дрова. Вот и все. Надо все привести в ажур, хозяин. Ответственности боюсь. А вообще-то... думаете, мне приятно составлять акты? Мне хватает моих шестисот девяноста рублей зарплаты, к чему еще мне, холостяку, лишние заботы.

Мехмонходжаев. Постой!

Бурибай. Слушаю, Асильходжа-ака!

Мехмонходжаев. Не сможешь ли ты сделать одно дело?

Бурибай. Например?

Мехмонходжаев. Начальник треста с похвалой отметил сегодня, что у нас «темпы строительства хороши». Вот бы нам теперь...

Бурибай. Дружка-корреспондента, чтобы нас до самых небес вознес и написал очерк о темпах нашего строительства? Это вы хотели сказать?

Мехмонходжаев (*пристально глядя на Бурибая*). Я еще слова не кончил, а ты уже загадку разгадал... А что? Разве мало у нас дел, которые могли бы послужить примером для других? Вот в этом смысле бы и это... как его...

Бурибай. Очерк.

Мехмонходжаев. Нет.

Бурибай. Фельетон?

Мехмонходжаев. Нет, нет! Репортаж.

Бурибай. Есть у меня приятель, его брат работает в газете. Знаете, Асильходжа-ака, корреспонденты, они падки на такие вещи. Их вечно укоряют, мол, «слабо освещаете дела строителей». Да я ему в один миг все объясню!

Мехмонходжаев. Не спеши, мне в голову пришла одна идея.

Бурибай. Ну-ка, послушаем, к вам не приходят плохие идеи.

Мехмонходжаев. Не льсти, не люблю. В субботу у Фазылата новоселье, веди прямо туда. Как-никак старик, наверно, привел в порядок квартиру к приходу гостей. Вместе и побеседуем, и объясним. Сам все увидит, проверит. Глядишь, и четырех дней не пройдет — репортаж будет готов. А?

Бурибай. Слава вашему отцу, так и сделаю.

Мехмонходжаев. Коль справишься — ого! — грудь расправлю, руками размахнусь. Только держись!..

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Картина третья

Комната в новом доме. Отсюда можно пройти в другие комнаты. Несколько дверей — одни открыты, другие прикрыты.

Фазыл-ата занят тем, что прибавляет к стене сюзане, дабы прикрыть пятна, напоминающие слонов.

Айш-аб-уви. Натворил дел, э-эх! Да разве можно в этот дом приглашать людей? Привели бы в достойный вид, а там и гостей бы звали.

Фазыл-ата. Потерпи, жена, не казни, покуда всего не узнала...

Слышится стук в дверь.

Айша-буви. Ой, горюшко, кто-то пришел! Идите же сами открывать!

Фазыл-ата открывает дверь, входит Замира.

Айша-буви. Ну, есть? Принесла?

Замира. Лолахон из сундука достала. *(Раскрывает сюзаны и шитый золотом палас.)* Кроме того, купила несколько пластинок. Вот, мама, поставь для вас?

Айша-буви. Постой-ка, доченька, некогда.

Замира *(открывает крышку радиолы, ставит пластинку. Звучит песня)*. Слышите, мама?

Айша-буви. Да, да, слава ее голоску, звенит точно фарфор. Что твой соловей!..

Замира. А вот это — Тамара Ханум. А это — «Вальс».

Айша-буви. Вальс? Это чья же артистка?

Замира. Да что вы, мама! Вальс — название музыки. Под него танцуют, вот так... *(Замира показывает, как танцуют вальс.)*

Айша-буви. А-а, поняла... так бы и говорила — композитор.

Фазыл-ата. Объясняешь матери? Объясняй, объясняй. Пока не поймет — не отстанет. Я вот тоже — и поседел, и оглох, отвечая на ее вопросы.

Айша-буви. При вас слова нельзя сказать: тут же, как камень на голову свалитесь, — только бы перебить.

Фазыл-ата *(лукаво)*. Прости, старая, прости. Недалеко и до беды, как бы нам не поссориться нынче. Все-таки люди придут...

Айша-буви. Не носить бы вам бороды, э-э! Назвать столько гостей!.. *(Указывая на пятна, расплзшиеся по стенам.)* Что скажут, увидя это? Не стыдно вам?.. И в чьем доме — у мастера Фазыла!

Фазыл-ата. Того ради и позвал, жена, чтоб увидели!.. Ты-то чего стыдишься? Они смотрели, они принимали-активировали — пусть же они и стыдятся... *(Из соседней квартиры — через стену — слышится хрип.)* Ого! Друг мой Абдусамат нынче, видать, пораньше вернулся. *(Возвизвись на стену)*. Как заливается-то!.. Давай, валяй погромче... Отводи душу!

Айша-буви. Что вы там усталились на стенку, клопа увидели?

Фазыл-ата. Оглохла, что ли, не слышишь?

Айша-буви. Опять, значит, добрался до дивана. Ой, горюшко, что твоя труба!

Фазыл-ата. Пусть Замира пойдет — скажет, чтоб перевернулся на бок.

Айша-буви. Человеку, который ей в деды годится? Сходите уж сами иль постучите.

Фазыл-ата. Постой-ка, жена. *(Стучит в стену. Из соседней квартиры доносится голос.)*

Голос. Да?

Фазыл-ата. Абдусамат..

Голос. Слушаю, мастер.

Фазыл-ата. Перевернитесь иль на левый, иль на правый бок...

Голос. А-а, вон вы о чем... Ладно, сделаю...

Фазыл-ата. Сделайте уж, приятель.

Айша-буви. Пусть-ка зайдет, когда гости соберутся. С него станется — опять захрапит.

Фазыл-ата. Скоро гости соберутся. Абдусамат, заходите.

Дильбар *(входя)*. Здравствуйте!

Фазыл-ата. Здравствуйте, дочка, заходите.

Дильбар. Ну как, готовы? Можно начинать новоселье?

Фазыл-ата. Можно, дочка, все готово. Кто придет-то?

Дильбар. Все. Как, справимся?

Фазыл-ата. Не тревожьтесь, за все я сам в ответе. Видите, как разукрасил квартиру...

Айша-буви. И что вытворяет старый — не пойму.

Фазыл-ата. Не ломай понапрасну голову, жена. Взгляни лучше кругом. Нравится?

Дильбар. Словно дом молоденькой невесты.

Айша-буви. Ах, дочка, и впрямь начинаю вспоминать времена, когда была невестой. Жизнь была — прошла она, где сейчас те времена...

Фазыл-ата. А чем плохи твои нынешние времена? Иль расчета хочешь, старая?

Айша-буви. Типун вам на язык! Пожелали б чего хорошего...

Дильбар. Да уж пусть все будет по-хорошему, чтоб дело наше удалось. Гости в той комнате разместятся? Можно?

Айша-буви. Проходите, проходите.

Все уходит в другую комнату. Сцена некоторое время пустует. Входит Асальхон.

Асальхон. Разрешите?

Замира (*появляясь*). Заходите, пожалуйста. Здравствуйте!

Асальхон. Вот, хоть и нестоящий подарок...

Замира. Почему же нестоящий, что может быть лучше цветов?

Асальхон. Ой, подохнуть!..

Замира. Что? Как вы сказали?

Асальхон. Ничего, ничего, это я так... (*Смотрит себе под ноги*). Вот проклятая!

Замира. А-а, туфли жмут?

Асальхон. Да нет... не знаю...

Замира вдруг смеется. Входит Фазыл-ата, смотрит на происходящее.

Замира. Такой уж пол у нас. У вас каблук застрял в щели...

Приносит калоши для Асальхон.

Фазыл-ата. Сейчас, сейчас... Расстегни-ка пряжку да отойди в сторонку, дочка. Достану твою туфельку. (*Старается.*) Мой совет тебе, дочка: когда приходишь к нам, не надевай туфель на каблучка-гвоздиках. Вот, держи... Целехонькие.

Асальхон. Спасибо... И каблук цел!.. Да я, кажется, раньше всех пришла?

Айша-буви (*входя*). Заходите, детка, добро пожаловать! (*Здороваются.*) Садитесь, будьте, как дома...

Асальхон. Спасибо, тетушка. (*Садится и озирается по сторонам.*) Хорошо... (*Внезапно.*) Замирахон, что это у вас так много дверей? Раз, два, три, четыре, пять...

Замира. Кто его знает... Иногда мы сами путаемся в них.

Асальхон (*не зная, что сказать*). Пусть уж много, чем ничего... Как ни говорите — новая квартира...

Замира. Асальхон, вы играете на пианино? (*Жестом указывает на пианино.*)

Асальхон. Нет, не умею. Я далека от этого. Вот в нашем управлении работает Бурибай Базарбаев, — может, знаете? Уж такой веселый, такой говорун, все умеет. Если и он придет, заставим поиграть для нас. Говорил, что — умеет.

Замира. Базарбаев? Кем он работает? Новенький?

Асальхон. Он из отдела снабжения.

Замира. Нет, не знаю.

Асальхон. А архитектора Дильбар Каримову знаете?

Замира. Ее знаю.

Асальхон. Так это ее муж! Правда, они разошлись... Пусть, пусть придет, мы его заставим поиграть, хорошо?

Замира (*кивнув*). Идемте, пока гости не пришли, я вам дам что-нибудь на ноги. А то растерялась и калоши вам сунула. С ума сошла!..

Асальхон. Не беда. (*Уходят.*)

Бурибай (*входя*). Здравствуйте!

Фазыл-ата. Здравствуйте, здравствуйте, заходите!

Вслед за Бурибаем входит корреспондент

Бурибай. Познакомьтесь с нашим уважаемым гостем, мастер. (*Знакомит с корреспондентом.*)

Фазыл-ата. Пожалуйте, пожалуйте.

Корреспондент. Здравствуйте, мастер. Поздравляю с новой квартирой. (*Указывая на стены.*) Как вы тут прибрали! Будто и не новоселье, а свадьба.

Бурибай. Скажите уж, как в магазине подарков. Это наш известный газетчик — Тулкун, слышали, наверно? Очень... очень острое перо у него.

Фазыл-ата. Как же, как же, наслышан про Тулкунджана.

Корреспондент. Вы уж слишком, Бурибай-ака...

Бурибай. Не скромничайте, Тулкунджан. (*К Фазылу-ата.*) Да, мастер...

Фазыл-ата. Слушаю...

Бурибай. Что, кроме нас, никого еще нет?

Фазыл-ата. Соберутся. Пройдемте пока в комнаты, прошу!

Корреспондент. Действительно, пока не собрались гости, может быть...

Бурибай. Осмотрим квартиру, так?

Фазыл-ата. Да, кстати... Вот память... Асальхон же здесь!

Бурибай. Так бы и говорили, мастер! Вы уж тут покажите свою квартиру, а я побегу к ней... не заскучала бы.

Фазыл-ата. Вот и хорошо.

Фазыл-ата и корреспондент уходят. Бурибай, метнувшись к зеркалу, торопливо поправляет галстук. Входит Дильбар.

Бурибай (*глядя в зеркало*). Э... э... И вы?... Пожалуйте!

Дильбар. Ах и вы здесь? Могла бы, значит, и не приходиться...

Бурибай. Нет, почему же... Дильбархон, не хватит ли обид? Давайте... мир! Честное слово, а?..

Дильбар. Послушайте!.. Не будем портить чужого веселья. Вы меня не знаете, я — вас!

Бурибай. Что уж так... Хоть я и виноват...

Дильбар. Бросьте, не говорите!.. Не о чем мне толковать с вами.

Бурибай. Не о чем... со мной?.. Значит с другим?..

Джура Садыкович (*входя*). Здравствуйте, Дильбархон!

Бурибай (*кивая на него*). Легок на помине! (*Уходит.*)

Дильбар. Заходите, Джура-ака! Ой, простите, Джура Садыкович!

Джура Садыкович. Первое было лучше, Дильбархон.

Дильбар. Как-то невольно...

Джура Садыкович. И все же лучше...

Пауза.

Дильбар. Джура-ака, здесь, может быть, произойдут странные вещи... У меня к вам просьба: ничему не удивляйтесь.

Джура Садыкович. Какие вещи?

Дильбар. Это пока тайна.

Айша-буви. Ой, горюшко мне!.. Здравствуйте, пожалуйста, дорогие гости! (*Здороваются.*)

Дильбар. Что, мой дядя, Мехмонходжаев, еще не приходил?

Айша-буви. Нет, нет. Пришел один высокий, а с ним тоненький юноша. Потом еще эта девушка — Асальхон. Дочка моя — Замира...

Входят Замира и Асальхон.

Замира (*бросаясь к матери*). Ах, мама, опять ругаете меня?

Айша-буви. Ой, чтоб тебе!.. Как испугала.

Замира. Здравствуйте, Дильбархон!

Асальхон. Здравствуйте!

Дильбар. И вы, значит, пришли...

Асальхон. Да уж... привыкла приходить раньше хозяина — раскрыть окна, проветрить кабинет.

Айша-буви. Ну, проходите, проходите, пожалуйста.

Входят Фазыл-ата, корреспондент и Бурибай.

Фазыл-ата. О-о-о, проходите, гости, проходите, добро пожаловать. Прошу в комнаты.

Бурибай (*начиная представлять гостей корреспонденту*). Вот это — один из молодых инженеров нашего строительного-монтажного управления. Недавно избран секретарем парткома. Джурабай-ака, так сказать... Джура Садыкович Садыков.

Джура Садыкович (*с сарказмом*). Сами-то вы представились?

Бурибай. А как же! Мы старые знакомые.

Дильбар (*знакомясь с корреспондентом*). Дильбар Каримова.

Джура Садыкович (*подражая Мехмонходжаеву*). Молодой, талантливый архитектор.

Стучат в дверь.

Голос Мехмонходжаева. Разрешите?

Асальхон. Пришел, пришел!

Айша-буви (*Фазылу-ата*). Что же вы стоите? Открывайте!

Фазыл-ата. Э, кто это запер дверь? Пожалуйста, заходите. (*Дергает дверь — она не открывается.*) И кому нужно было запирать?! Сейчас, сынок, сейчас.

Общими усилиями распахивают дверь.

Мехмонходжаев. Эге, мастер, все не можете оставить шутки? Привет, общий привет!

Фазыл-ата. Какие тут шутки! Нарочно распахнутыми держал. Видно, кто-то по неведению захлопнул. Такие уж двери. Как пойдут дожди — все: откроешь — не запрешь, запрешь — не откроешь. Прошу без обид. Пожалуйста, проходите.

Мехмонходжаев. А-а, исправим. Новые двери всегда так... пока не просохнут — свое поют.

Фазыл-ата. Где же невестушка наша?

Мехмонходжаев. Невестушка привыкает быть бабушкой. Захлопоталась.

Фазыл-ата. Ага, ага... Ну, лишь бы была здорова.

Мехмонходжаев. Фазыл-ата!

Фазыл-ата. Слушаю, сынок.

Мехмонходжаев (*показывая на марлевый полог, свешивающийся с потолка*). Что это? На Урюкзаре москитов как будто бы не водится. Что случилось? Зачем в доме сетка от комаров, а?

Фазыл-ата. Нет... Так это, так...

Мехмонходжаев. Штукатурка обвалилась?

Фазыл-ата. Да, немного. При побелке несколько... Именно... Когда наверху ходят, сылется, проклятая, как запоздалый весенний снег. Завесил, значит, чтоб вас не осыпало.

Бурибай (*тронув Мехмонходжаева за плечо*). Асильходжа-ака, познакомьтесь с нашим гостем... Тулкунджан, корреспондент наших центральных газет.

Мехмонходжаев. Вот как! Очень хорошо. Тулкуний — в смысле корреспондента, значит? Очень хорошо! Мехмонходжаев... Я ваши... как их... да, да, рассказы и очерки читал. Мастерство и талант — они так! — смолоду дают себя знать. Правильно действуете, товарищ Тулкуний!.. А квартиру вы уже показали товарищу, Фазыл-ата?

Фазыл-ата. Именно. Все показал — и кухню, и газ...

Мехмонходжаев. Отлично... Из двадцати четырех квартир пятьдесят процентов предоставлены пенсионерам. Строительство завершили в три месяца и десять дней.

Бурибай. Тулкунджан все это изобразит в лучшем виде, не так ли?

Корреспондент. Постараюсь.

Фазыл-ата. Дорогие гости, как бы там все не остыло. Прошу, прошу! Продолжим разговоры за столом.

Все один за другим проходят во внутренние комнаты.

Мехмонходжаев. Бурибай!

Бурибай. Слушаю, Асильходжа-ака!

Мехмонходжаев. Мне кажется — это угощение затеяно неспроста, понимаешь? Хитрый старик пригласил нас в смысле «посмотрите, что вы построили». Да, да, это я тебе говорю. Как этот Тулкуний?

Бурибай. Пока доволен, рот до ушей. Да я еще волю в него пару стопок белой, чтоб, значит, старика не обидеть. Смазанный рот становится стыдливым.

Мехмонходжаев. Будь осторожен. Этот... как его?..

Бурибай. Очерк.

Мехмонходжаев. Нет.

Бурибай. Фельетон?

Мехмонходжаев. Да нет же!

Бурибай. А-а, репортаж!

Мехмонходжаев. Да, да, репортаж.

Фазыл-ата. Заждались все!

Мехмонходжаев. Сейчас. (*Указывая на стены*.) Что же вы, мастер, омрачили тряпками свежесть новой квартиры? Снимите их.

Уходят в другую комнату.

Сакиджан. Есть кто? Эй! Переехали, что ли, отсюда?

Фазыл-ата. Заходи, заходи, сынок, где ты запропастился?

Сакиджан. Привет! Баки здесь?

Фазыл-ата. Нет.

Сакиджан. Пусть теперь мне кто-нибудь скажет: «Приходи с Баки-байбаком!» Разрази меня гром, с таким человеком у меня дружба врозь пойдет!

Фазыл-ата. Да что случилось, что шумишь?

Сакиджан. Зашел за ним — спит. С работы — прямым ходом в кровать! Разбудил, ладно. Ехали вместе. Не успели с машины сойти — как сквозь землю провалился! Вот он какой! А гости — собрались уже?

Фазыл-ата. Проходи, еще только по рюмочке выпили.

Сакиджан. Куда же я без этого Баки-байбака?

Бакиджан (*появляясь в дверях*). Здравствуйте, здравствуйте! С новосельем вас!

Сакиджан. Интересно узнать, куда ты исчез?

Бакиджан. Не с пустыми же руками приходите... (*Протягивая подарок*.) От чистого сердца... не обессудьте, отец.

Сакиджан. Скажи: «От нас обоих», Баки-байбак.

Фазыл-ата. Спасибо, спасибо, сынок! Ну-ка, проходите к столу.

Сакиджан. А кто там есть, Фазыл-ата?

Фазыл-ата. Асильходжа, Дильбархон, Джурабай, Асальхон...

Сакиджан. И Асальхон здесь? Вот и хорошо. Для тебя, Бакиджан, будет работенка.

Бакиджан. Ну-ну...

Сакиджан. Как сядет за стол Асальхон — штукатурка с ее лица вмиг посыплется, краска слиняет. Вот и будет тебе занятие — заново отделявать фасад...

Бакиджан. И что ты к ней цепляешься, Сакиджан? Хорошая девушка...

Фазыл-ата. К столу, к столу! Прошу...

Бакиджан и Сакиджан проходят во внутренние комнаты, где продолжается шир. Появляются Айша-буви и Замира.

Фазыл-ата. Ну-ка дочка, ставь свою музыку. А ты, жена, затопи свою печь, подпусти дымку: самое время...

Раздаются звуки вальса. Из внутренних комнат, вальсируя, появляются Бурибай и Асальхон. Садятся на диван. Возвращается Замира, и Бурибай испуганно вскакивает с места. Замира смеется, увидя, что костюм его вымазан известкой.

Замира. У вас вся спина белая! Видать, к стенке прислонились... Погодите, я принесу щетку. (*Убегает*.)

Асальхон (*Бурибаю*). Вечером, в восемь, возле кино, да?.. (*Выходит*.)

Замира (*вернувшись со щеткой*). Повернитесь, я вас почищу. Бурибай. Нет, нет, милая девушка! (*Сняв пиджак, накидывает его на плечи Замиры*.) Ну-ка, дайте мне щетку... (*Заигрывает, потихоньку поглаживает ее щеткой*.)

Замира. Ой!

Бурибай. Что, пчела ужалила? Кстати, вы замужем, милая?

Замира. Нет, только что кончаю десятый! Я к вам, как к гостю, с уважением, а вы что мне нашептываете? Уж лучше очиститесь от грязи.

Бурибай. Ого, да вы кусаетесь, милая?

Замира. Есть у вас братья?

Бурибай. А что, а что?..

Замира. Да нет, так просто...

Бурибай. Говорите уж...

Появляется Асальхон.

Асальхон. Бурибай-ака, где же вы?

Замира (*Бурибаю*). Мне кажется, что вы оказались самым жидковатым из братьев. (*К Асальхон*.) Это и есть тот человек, которого вы расхваливали?

Асальхон. Я краснею за вас, Бурибай-ака.

Бурибай. Уж как хотите, Асальхон! С вами буду жить, а с ней (*указывает на Замиру*.) — гулять! (*Уходит во внутренние комнаты*.)

Асальхон. Ах ты, поганая рожа! *(Собирается уходить, но вдруг видит дымок, тянущийся из трещины в стене.)* Пожар, пожар!.. *(Убегает.)*

На крик появляются тости, бегут на кухню. Дильбар, Фазыл-ата и Айша-буви срывают со стен паласы и сюзаны, прячутся за дверями.

Джура Садыкович. Интересный факт мы видим, а, Дильбархон?

Дильбар. Только так и можно убедить моего дядюшку. Иначе его не наставишь на путь истинный.

Появляются Сакиджан и Бакиджан.

Сакиджан. Плита — есть, дымохода — нет!

Бакиджан. Кирпичами дымоход заложили. Вот ведь молодцы!

Сакиджан *(указывая на перемазанное сажей лицо Бакиджана)*. Э, приятель! Я думал — ты Асальхон разукрасишь, а ты себя отделал!

Бакиджан. А ты на себя взгляни! *(Желая вытереться, тянется за одним из паласов, кучей наваленных на столе.)*

Сакиджан. Стой, стой, измажешь все! *(Оба смотрят то на паласы, то на стены — и смеются.)*

Бакиджан. Бежим, Саки-сучок! Хозяин на нас подумает...

Оба прячутся. Появляется Мехмонходжаев. Взгляд его падает на Дильбар и Джуру Садыковича.

Мехмонходжаев *(к Дильбар)*. Ну, что вы ржете! Нашли над чем смеяться! Тьфу!

Появляются Бакиджан и Сакиджан.

Бакиджан. Что случилось, а?

Мехмонходжаев. Черта случилось, дьявола случилось!

Сакиджан. Да что вы делали, хозяин? Вы весь в саже...

Мехмонходжаев. Кашу варил, лепешки пек!.. Провалиться бы мне, а не по гостям шляться!

Корреспондент *(направляя фотоаппарат)*. Асильходжа-ака!

Мельком взглянув на него, Мехмонходжаев закрывает руками лицо.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Картина четвертая

Приемная. В открытое окно видна панорама строительства. Дильбар, сидя на диване, кого-то дожидается. Из кабинета выходит Асальхон.

Асальхон. Ой, надоело!..

Дильбар. Что еще?

Асальхон. Кошмар!.. *(Звонит телефон.)* Алло, кто?.. Кого?.. Базарбаева?.. Сейчас. *(Положив телефонную трубку на стол, выходит.)*

Джура Садыкович *(входя)*. Здравствуйте, Дильбархон. Фельетон читали?

Дильбар. Читала. Ну и отделал... Я и то звонила, звонила вам... не дозвонилась.

Джура Садыкович. Я в райкоме был.

Дильбар. А что, вызывали?

Джура Садыкович. Да нет, сам пошел.

Дильбар. Не секрет — зачем?

Джура Садыкович. Не секрет. Во-первых, надо было дать информацию о ходе строительства. Во-вторых, договориться об обсуждении фельетона. *(Кивнув на двери кабинета.)* Что слышно там?

Дильбар. Плохо!.. Заварила я кашу — боюсь, добром не кончится...

Джура Садыкович. У страха глаза велики. Ничего постыдного вы не совершили, что же бояться? Наоборот...

Дильбар. Ах, если бы так...

Джура Садыкович. Пусть каждый посмотрит моими глазами и... *(Замолкает, глядя на нее.)*

Дильбар *(вспыхнув)*. Не смотрите так...

Джура Садыкович. Простите... Вы напоминаете мне... самого близкого человека. Поэтому, может быть, и оговариваюсь... называю вас Камбархон.

Дильбар. Ой!.. Она... оставила вас?

Джура Садыкович. Нет... Когда я вернулся с фронта, узнал, что она погибла.

Дильбар. Погибла?.. Как?

Джура Садыкович. Это длинная история, Дильбархон. Как-нибудь в другой раз... *(Задумывается.)*

Дильбар. Извините, что разбередила вашу боль...

Джура Садыкович. Ничего, Дильбархон, ничего... Иногда хочется с кем-то поделиться. А вы для меня...

Входит Бурибай, берет со стола телефонную трубку.

Бурибай. Алло... Алло... Гм, нет никого... *(Бросил. Взглянув на Дильбар.)* Что, добились-таки своего? Но запомните — не только фельетонов, черта не боюсь! Не пройдет ваш номер!.. *(Уходит. Не здороваясь ни с кем, проходит Мехмонходжаев.)*

Джура Садыкович *(к Дильбар)*. Да... Говорят: кто напуган — первый кулаками машет... Пойдемте-ка на строительную площадку.

Дильбар. Идемте. *(Оба уходят.)*

Возвращается Асальхон и, прикрыв двери кабинета, садится за пишущую машинку.

Сакиджан *(входя)*. Хозяин здесь?

Асальхон. А вы с делом пришли или как?

Сакиджан. Что там с делом — с новостью, Асальхон!

Асальхон. Сгорел дом у Фазыла-ата?

Сакиджан. Эх! Такая прелестница, а как грубо говорите!

Асальхон. Так что же еще?

Сакиджан. Хозяинна в газете разгромили.

Асальхон. Опять шуточки?

Сакиджан. Такими вещами разве шутят? Возьмите-ка сегодняшние газеты!

Асальхон *(показывая)*. Вот «Правда».

Сакиджан. Нет...

Асальхон. «Известия».

Сакиджан. И не тут.

Асальхон. «Строительство».

Сакиджан. Да нет же!.. В «Кизил».

Асальхон. ...Узбекистан? Кажется, хозяин недавно брал. Сейчас принесу. *(Проходит в кабинет.)*

Появляется Бакиджан, подкрадывается к задумавшемуся Сакиджану.

Бакиджан. Эй, Саки-сучок, меня прозвал байбаком, а сам за одной газетой целый год ходишь!

Сакиджан. Фу, байбак, напугал!

Бакиджан. У меня уже терпение лопнуло!

Сакиджан. Что твое терпение? Тут поважней дело лопнуло! (Асальхон возвращается с газетой.) Вот оно, то самое!..

Бакиджан. В самом деле...

Сакиджан. То-то!.. На новоселье у Фазыла-ата корреспондент был? Был. Писал? Писал. Мехмонходжаева дядей окрестил, Базарбаева — племянником! Говорят, так отхлестал, такие слова нашел — со змеи шкуру спустят!

Бакиджан. Маленький большого повалил, а? Ай-яй! Ну-ка, дай сюда, взгляну разок!

Сакиджан. Э! Ты уж до того жуешь слова — у меня душа выскочить хочет! Слушай лучше, прочту самую суть... (Читает.) Фельетон «Дядя и племянники»...

«Всегда, где тонко, там и рвется.
Тому примеров — миллион.
Но помолчим о том, что было.
О том, что есть, наш фельетон.

Дядя и племянники, братцы-свояки, подобные Мехмонходжаеву и Базарбаеву, могут творить чудеса. 150 кубометров леса, 1700 плиток шифера, 80 тонн цемента они запросто отправили в глотку, пылинки не оставили. И то интересно, что до сих пор не подавились...»

Бакиджан (перехватив газету, читает). «В окнах шпингалетов нет, в плитах — дымохода...» (Смеется.)

Асальхон. Точно! Квартира Фазыла-ата.

Бакиджан. Чистенько ведь штукатурит корреспондент.

Сакиджан. Читай не спеша! Там еще много всего!

Бакиджан (читает). «...Бурибай без лестницы хватает с неба звезды. После него ни Утренней звезды, ни Полярной не останется...» (Взглянув на Асальхон.) Вот тебе раз! Тут до смысла не доберешься!..

Сакиджан. Намеки, браток, намеки!

Бакиджан. Эй, постой! (Читает.) «...Бурибай завлек Мехмонходжаева в свои сети...»

Асальхон. Чтоб и самого разорвало, и его сети!

Сакиджан. А в конце ясно пропечатано: «Бурибай залепил уста Мехмонходжаева медом. Тулкун».

Бакиджан. Эй, Саки-сучок, так это давешний корреспондент — ростом с ламповое стекло? Поди ж ты! Недаром его назвали «Тулкун» — «Волна»: всех перебаламутил!

Бурибай (поспешно войдя). Здесь хозяин?

Асальхон (неприятно). Что уж так — на шести ногах?

Бурибай. Ну, от вас и на семи убежишь.

Сакиджан. Не поставьте в вину, племянник, интересуемся... Говорят, на весь мир прославились?..

Бурибай. Ну, у волка пасть всегда в крови — задрал он овцу или нет. Это ж просто критика. Проверят. Выяснят. Так нет здесь хозяина? (Уходит.)

Асальхон (вслед ему). Типун тебе на язык!

Бакиджан. Видал? Ему все как с гуся вода.

Сакиджан. Ишь ты!.. Задрал он овцу или нет, а?

Бакиджан. Верно говорят: не умеешь работать — умеи болтать.

Сакиджан (направляясь к выходу). А погоди-ка, Бакиджан! Я для Асальхон загадки припас. Отгадаете, Асальхон?

Асальхон. Ну, загадайте, посмотрим.

Сакиджан.

Слово скажет — кисло всем.
Хоть и худенький совсем,
Море водки выпьет он.
Кто же это, Асальхон?

Асальхон. Скажу — не обидитесь?

Сакиджан. Не обижусь.

Асальхон. Это вы и есть, Сакиджан-ака!

Сакиджан. Э, нет, не угадали! Разгадка будет — Бурибай. (Смех.) А ну-ка, еще одну!

Асальхон. Ну, ну...

Сакиджан.

Нет в саду у нас воды,
Нет воды — горьки плоды.
Есть очаг, да нет трубы,—
Что же это, Асальхон?

Асальхон. Минуточку, сейчас, подождите... Вот! Это дом Фазыла-ата!

Сакиджан. Верно, молодец! (Смех.) А вот и еще вспомнил:

Брюхо толстое носил,
А волос не отрастил.
Лук завел — стрел не добыл.
Отгадайте, Асальхон!

Асальхон. Это? Бакиджан-ака!

Сакиджан. А вот и нет. Это — сам Мехмонходжаев. (Смех.)

Внезапно входит Мехмонходжаев. Сакиджан, смутившись, предостерегающе подмигивает Бакиджану. Но тот, не понимая его, повторяет загадку. Асальхон вновь смеется, повторяя: «Ой, Мехмонходжаев!» И тут оба, наконец, видят Мехмонходжаева.

Мехмонходжаев (к Асальхон). Мехмонходжаев?! Вот как?! Вы... Найдите-ка мне Бурибай!

Асальхон. Хорошо. (Уходит. За ней убегают и оба друга.)

Раз за разом звонит телефон. Мехмонходжаев смотрит на аппарат, но трубки не снимает.

Асальхон (вернувшись). Нет, не нашла. (Снимает телефонную трубку, слушает.) Хорошо, сейчас... (Протягивает трубку Мехмонходжаеву.)

Мехмонходжаев (в трубку). Слушаю... А-а, привет, товарищ Хантураев. Как здоровье?.. Ха-ха-ха... Значит, в смысле — справиться обо мне... Да вот так, как видите... Да, хорошо... (Бросив трубку на рычаги, к Асальхон.) Что вы даете мне каждого, кто звонит? (Про себя.) И тот выбрал момент, чтобы дать пощечину. Но... не смейтесь над другими: ответит смехом он своим... (К Асальхон.) Где Бурибай?

Асальхон. Говорю же — не нашла!

Мехмонходжаев. Что, земля под ним разверзлась, провалился?

Асальхон. Не знаю, в кабинете его нет.

Мехмонходжаев. Нет в кабинете — может быть на складе, на стройплощадке. Кто ищет — тот найдет! А вы, как увидите парочку парней, так и начинаете хи-хи-хи...

Асальхон. Если кто и хи-хи-хи, то другие бубнят в телефон да-да-да! Впору ноги протянуть...

Мехмонходжаев. Йе! Вы, кажется, тоже язык отрастили!..

Асальхон. А что же делать? Каждый раз за черного пса белый отвечай!.. Если это и значит быть секретарем — то плевала я на это! (Садится писать заявление.) Пришел, наконец, и мой день!..

Мехмонходжаев. Думаете — Соломон умер, и джины освободились? Ошибаетесь.

Входит Бурибай.

Бурибай. Вы искали меня, хозяин? Чем могу...

Мехмонходжаев. Подожди. (К Асальхон.) Ошибаетесь!..

Асальхон. Ошибаюсь или нет — вот мое слово!.. Пойду на строительство, чистым воздухом дышать!

Уходит. Бурибай и Мехмонходжаев мгновение молчат.

Мехмонходжаев. Видал? Начинается... (Направляясь в кабинет.) Идем!

Картина пятая

Кабинет. Двери закрыты. Мехмонходжаев прозно надвигается на Бурибай.

Мехмонходжаев (тыча газету в лицо Бурибай). Это что? Репортаж?

Бурибай. Фельетон...

Мехмонходжаев. Молчать! Даже стены встали против меня. Это — твоя изворотливость? Я-то думал, что ты ловкий человек... Ошибался...

Бурибай. Бейте, ругайте... стою того! Но что делать, если домашние расчеты не оправдались на базаре?

Мехмонходжаев. Признайся уж — хотел брови подвести, да глаз выдавил.

Бурибай. Признаюсь... Но все же... выход есть.

Мехмонходжаев. Провались твой выход!..

Бурибай. Честное слово! У меня есть такие документы, что все, кто подымал на вас руку, запросят прощенья. Все факты и цифры, приведенные в фельетоне, — вымысел, клевета!

Мехмонходжаев. Молчи, мерзавец!.. Разве в газете напишут неправду? Все твои проделки! Ты мне ответишь!..

Бурибай. Отсохни язык мой, хозяин! Ложь, клевета! Коль не верите, я книгу покажу — все в полном порядке, кирпичик к кирпичику.

Мехмонходжаев. Значит, он все с потолка взял, так что ли?

Бурибай. В общем и целом — так. Но были и такие, которые играли ему на руку.

Мехмонходжаев. Это опять — в смысле Дильбар и Джуры Садыковича?

Бурибай. А как же?.. Дильбар неблагодарной была — такой и осталась. А Джура... неужели вы не понимаете, что он метит на ваше место?

Мехмонходжаев. Д-да-а... Коль в своем доме родилась беда, за исцелением пойдешь куда?

Бурибай. Вот именно! Наконец-то вы начинаете понимать... Едва не случилось так, что жирные отъедались, а палки худому доставались. Я-то, конечно, привык и к гневу вашему, и к ругани. Но мой совет — будьте осторожны... с теми.

Мехмонходжаев. Тссс...

Дильбар (входя). Как поживаете, дядя?

Мехмонходжаев (насмешливо). С тех пор, как обо мне спрашивается, хорошо.

Дильбар. Можно и без насмешек...

Мехмонходжаев. А с каких это пор ты прокисла, как уксус?

Дильбар. А кому приятно слушать ненужные колкости?

Мехмонходжаев. Гм... Слава богу, что у тебя есть дядя, которого можно колоть до смерти.

Дильбар. Никто вам смерти не желал. Если уколют вас — больно и мне.

Мехмонходжаев. Наделала делов — да еще...

Дильбар. О чем это вы? Что я такого сделала? Что касается фельетона, я к нему...

Бурибай (к Дильбар). Когда неприятель бежит, много становится героев.

Мехмонходжаев. Нет, я еще не бегу... И не собираюсь, хоть небо на меня обрушьте!..

Дильбар (гневно). Сдержитесь, дядя!.. Уж лучше позже поговорим.

Мехмонходжаев. Нет, я не могу сдерживаться, пока справедливость не будет восстановлена!

Дильбар. Дядя! Вы опять повторяете — справедливость... А вы видели комнаты левого крыла на втором этаже?

Мехмонходжаев. Видел. Ну и что же?

Дильбар. Вы и теперь будете утверждать, что отступления от проекта незначительны?

Мехмонходжаев. Опять проект, опять скандал!.. Вы дадите мне работать или нет?.. И кстати... В смысле совета... держись подальше от Джуры Садыковича, если не хочешь позора...

Бурибай (насмешливо). Вот так-то, милая!

Входят Джура Садыкович и Фазыл-ата с кирпичом в руках.

Мехмонходжаев держится, как будто ничего не случилось.

Мехмонходжаев (к Фазылу-ата). Прошу, прошу!.. Как дела?

Фазыл-ата. Да вот... жаловался Джурабаю...

Мехмонходжаев. Опять жалобы?

Фазыл-ата. Именно.

Бурибай. Мне идти?

Мехмонходжаев. Подожди!

Бурибай. Хорошо, хорошо...

Мехмонходжаев. Так в чем же дело, мастер?

Фазыл-ата. Взгляните сами... (Показывает кирпич.) Что это? Ведь сырцовый кирпич — и то лучше!..

Бурибай. Не скажите, мастер! Есть, так сказать, некоторая разница — и в цене, и в цвете...

Фазыл-ата. Разве что — в цене... Но с таким кирпичом мне не приходилось иметь дело. У меня обычай каков? Кладу кирпич в воду... если появится хоть один пузырек — выбрасываю такой кирпич. (Показывая кирпич, который держит в руке.) А этот что? Положи его в воду — размокнет, как булка... что уж там пузырьки... (Разламывает руками кирпич.) Где это слыхано, чтобы семидесятилетний старик кирпичи разламывал рукой?! Что это значит?..

Бурибай. Выходит, и за качество кирпича — я отвечаю?

Джура Садыкович. А к чему принимать его у завода? Ведь это — брак!

Мехмонходжаев. Куда же ты смотрел, Бурибай?!

Бурибай. Да что случилось, в конце концов? Ведь он останется под штукатуркой!..

Джура Садыкович. Мы строим не курятники, а жилье для людей, товарищ Базарбаев! Понятно?..

Бурибай (притворно). Понятно... (Хочет уйти.)

Джура Садыкович. Погодите, Бурибай... Я хотел бы показать вам, что остается под штукатуркой. Дом пенсионера должен послужить для нас уроком. (К Мехмонходжаеву.) Послезавтра состоится заседание партбюро, будем обсуждать фельетон. (К Бурибаю.) Вам тоже надо присутствовать. Готовьтесь!

Бурибай. Пожалуйста! К ревизии я всегда готов.

Мехмонходжаев. Обсуждайте сколько угодно, Джура Садыкович, факты, приведенные в фельетоне,— ложь! Вот пусть Бурибай скажет...

Бурибай. В основном — ложь.

Джура Садыкович. Но, выходит, есть и правда?

Мехмонходжаев. Все, что сказано в мой адрес,— клевета! В смысле объяснения я все это докажу...

Джура Садыкович. Как бы горше не вышло.

Мехмонходжаев. А мне бояться нечего. Квартальный план я выполнил? Выполнил. В моих домах люди живут? Живут!

Джура Садыкович. Верно. На первый взгляд у нас все в порядке, но...

Мехмонходжаев. Опять «но», опять упреки!..

Джура Садыкович. Терпенье, товарищ Мехмонходжаев! Наряду с вами и я отвечаю за недостатки в работе нашего управления. Я же не пытаюсь вылезти сухим из воды. А вы не хотите признать самых серьезных упущений. Вот в чем наши разногласия.

Мехмонходжаев. В смысле повторения опять говорю: ложь! Клевета и подсиживание!.. Это я понимаю в смысле подкопа под Мехмонходжаева, в смысле посягательства на его кресло?

Джура Садыкович. Вот, вот! Вся беда в этом: в зазнайстве, в нежелании понять настоящую дружбу!

Мехмонходжаев. Слова и слова! Нет уж, пойдемте туда, где работают, пойдемте на строительство! Там увидим, Джура Садыкович, что сделал я и что сделали вы! Выскажете мне там свои претензии — и вы, и Дильбар... Идемте!

Сцена некоторое время пустует. Входят Бакиджан и Сакиджан.

Бакиджан. Куда же положить газету? Асальхон не видать...

Сакиджан. Клади на стол, Баки-байбак.

Бакиджан. Ладно... А прощенья у кого попросим? Хозяина-то тоже не видать.

Сакиджан. Нет так нет. Тем хуже для него!

Бакиджан. И надо было тебе загадывать! Вконец осрамил. Как-никак Мехмонходжаев раньше не был таким уж...

Сакиджан. Раньше, раньше!.. Чего скрывать? В последнее время-то что было? Задрал нос выше подъемного крана.

Бакиджан. Может, и так, Саки-сучок. Но не «верблюды» же твои прозвище! Взял и вывалил целый ворох колючек. Надо же...

Сакиджан. Надо!.. Колючки и были нужны.

Бакиджан. Постой, Саки-сучок! А как оно теперь будет — с хозяином-то?

Сакиджан. Как? Пиши пропало...

Бакиджан. Уж ты скажешь!..

Сакиджан. И скажу! Спросят: кого поставим на место Мехмонходжаева? Укажу тебя, Баки-байбак! Это подойдет?

Бакиджан. А если я тебя укажу, что будешь делать?

Сакиджан. Я-то? Сяду вот так... *(Садится на стул Мехмонходжаева.)* Потом... Во-первых, накрутил бы хвост Бурибаю. Во-вторых... *(Звонит телефон, оба вздрагивают. Сакиджан осторожно берет трубку.)* Алло, Сакиджан слушает... Нету здесь Асальхон, могу Бакиджана позвать.

Бакиджан. Кто это?

Сакиджан. Не мешай, Баки-байбак. *(В трубку.)* Кто такой Бакиджан? Мастер — золотые руки, собой красавец. А главное — не женат и с этим не торопится...

Бакиджан (*нажимает на рычаг*). Э, чтоб тебя, Саки-сучок! Говорил бы, да не заговаривался. А если он влюблен в Асальхон? Что подумает?

Сакиджан. Да голос-то девичий был, Баки-байбак! Подруга, наверно.

Бакиджан. Так что ж ты раньше не сказал? С девушкой я и сам бы поговорил. (*Показывая газету.*) Куда же девать эту газету?

Сакиджан. Говорят тебе, клади на стол!

Бурибай (*вбегая*). Скорую помощь! Авария. Хозяин с лесов свалился! (*Бакиджан и Сакиджан убегают.*) Вот беда! А ведь этот Джура ходит — не свалится. (*Набирает номер телефона.*) Скорая помощь?.. Что, как? Милиция?.. (*Испуганно вешает трубку.*) Будьте здоровы, э!..

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Картина шестая

Лето. Большой зеленый двор. С одной стороны двора — вход в особняк Мехмонходжаева, с другой стороны — вход в квартиру Дильбар. Возле арыка, на деревянной кровати — чорпае, расположился, полулежа Мехмонходжаев.

Джамаль-хола и Адолят продолжают начатую ссору.

Джамаль-хола. И не подумала, что осрамит... Кто дядю своего не уважил, кто брата моего не защитил? Она, все она — ваша племянница!..

Адолят. Да ей ведь тоже трудно...

Джамаль-хола. Господи! И вы еще защищаете ее? Хотя, правда, — она ваша племянница, не наша племянница. Когда сойдется родня, чужому хуже огня! Так пусть ей повылазит моя хлеб-соль!..

Адолят. Вай, что вы говорите? Если она ела вашу хлеб-соль, то не сидела сложа руки, по хозяйству бегала, по дому вам помогала! (*Взглянув на Мехмонходжаева.*) Что же вы-то молчите, будто в рот воды набрали? Если вы мне — муж, она — племянница. Какой палец не порежь — все больно.

Мехмонходжаев. Вот! Наконец-то ты прозрела. Тут Дильбар — твоя племянница, тут я — твой муж, а посередине — ты.

Адолят. Извелась я с вами вконец!

Мехмонходжаев. Как сама говоришь, какой палец ни порежь — все больно...

Адолят. Больно, больно...

Мехмонходжаев. А, значит, — остерегись порезов!.. Если уразумела, вот и помири нас — в смысле дядю и племянницу.

Джамаль-хола. Да, да, и пусть-ка Дильбар о хорошем кричит, да о плохом молчит. Разве мой брат добро забудет? Уж если дядя с племянницей не сговорятся, недруги найдут способ, чтоб с него шкуру содрать и соломой набить.

Адолят. Вай, что вы все говорите? Разве Дильбар враг своему дяде? Молчите, э!

Джамаль-хола. А вы знаете, что ваша Дильбар спелась с этим Садыковым? Нет! Он прибрал ее к рукам, он натравил ее на моего брата, вот как! А она и опозорила Асильходжу...

Мехмонходжаев (*Джамаль-хола*). Постой, постой, сестрица, ты от кого это наслышалась?

Джамаль-хола. Бурибай рассказал. Все донес — не разлил, не расплескал.

Мехмонходжаев. Этот подлец еще и тебя заморочил?!

Адолят. Вот видите! И вовсе не Дильбар опозорила вашего брата, а, сказать правду, во всем виноват этот, подобный шуке, Бурибай, чтоб ему провалиться! С кем поведешься — от того и наберешься...

Мехмонходжаев. Да замолчите вы, наконец, или нет? Дадите покой?! В газете меня пробрали? Пробрали. С лесов я свалился? Свалился. Покалечился? Покалечился. Чего вы еще хотите?.. Видать, не успокоюсь, пока не уйду. *(Уходит на улицу.)*

Адолят. Сколько-раз говорила, пусть будет скромнее достаток, да спокойнее дней остаток.

Джамаль-хола *(вскипев)*. Что еще вы болтаете? Не зная покоя ни днем, ни ночью, для кого же зарабатывал мой брат? Для вас! Ради кого он лез из огня в полымя? Ради вас!

Адолят. Да сколько нас всего-то, чтобы не напасть на нас? Детских забот давно уже нет... Вон у людей полон дом детворы и то довольствуются малым да живут спокойно. А в этом доме принесут ли чего, придет ли кто — все сердце вздрагивает...

Джамаль-хола. Ой, Адолят, не будьте неблагодарной...

Адолят. Так надоело все — умереть впору! Каждый день скандал...

Джамаль-хола *(лукавя)*. Будет, будет, Адолят, не расстраивайтесь. Что поделаешь — житье-бытье!.. Тут уж без забот да без хлопот не обойтись. Стоит ли из-за каждого пустяка слезы лить?!

Адолят. Э, оставьте!.. Кто пережил — тот и познал.

Джамаль-хола. Да чего же вам еще? Владеть таким прекрасным домом, иметь такого рачительного мужа!.. Чего еще не хватает? Благодарствуйте!..

Адолят. Пусть голодно брюхо, да спокойно ухо!.. Прекрасный дом... А что в нем проку, если полон раздора? Сгори он до тла!

Джамаль-хола. Вай-вай, придержите язык! И доброму, и худому слову ангелы творят «аминь»! Господи! Что, муж вам иголки загоняет под ногти? Ведь не ктонибудь — Мехмонходжаев! Какую дверь не потяни — раскроется перед ним. Или, как иные денежные, он меняет жен, берет молоденьких? Нет же, и дверь не хлопнет дома!..

Адолят. Только этого мне еще не хватало! Нет уж, давно прошли времена, когда говорили: трясина жену, как грушу, — покорно будет слушать!..

Джамаль-хола. А я скажу: не перечь мужу — и будет твой дом райским садом!

Адолят. Эх, милая, ничего не понимаете, а туда же — беретесь защищать своего брата.

Джамаль-хола. Ну да! Вы понимаете!.. Видать, от большого понятия-то и скандалы у вас каждый день. Так объясните же, если чего не понимаю!..

Адолят. Ваш братец... С тех пор, как о нем написали в газете, он ходит сам не свой. И во всем винит Дильбар и ее сослуживца, который совсем ни при чем. Дильбар, видите ли, его враг...

Джамаль-хола. Так-так... Недалеко, значит, и до ги-партова... Вот она, Дильбар: родного дядю — побоку, а с чужим снюхалась!.. Чем бы в тени его широкой посиживать...

Адолят. И это, конечно, верно... Но все у меня на душе темно, все кажется, что стою у пропасти и кто-то столкнуть меня хочет...

Джамаль-хола. Сердце у вас затемнилось, Адолят, святым нужно чего-нибудь пожертвовать.

Адолят. Э, все у вас одно и то же! Чуть что — святые, ангелы...

Джамаль-хола. Ладно, хватит. И никогда-то не вникали мои советам, теперь разве послушаетесь... *(Слышен стук в калитку.)* Тссс...

Голос. Асильходжа-ака!

Адолят открывает калитку, входит Джура Садыкович

Джура Садыкович. Здравствуйте! Как поживаете, все ли живы-здоровы?

Адолят. Спасибо.

Джамаль-хола. Слава богу!.. (К Адолят.) Об этом и говорят: не подметешь — гостей назовешь.

Джура Садыкович. Не беспокойтесь, тетушка, я не гость. Как говорится, видевши единожды — знаком, видевши дважды — друг в дом.

Джамаль-хола. Что ни говорите — чужой человек...

Джура Садыкович. Ладно уж, тетушка!.. Где больной-то? * Вот, пришел проведать...

Джамаль-хола. Да ведь беспокойный человек он — Асильходжа. И больной-то не полежит на подушках. Только что вышел.

Джура Садыкович. Не зализавши ран, так сказать?

Адолят (расстилая скатерть на черное). Именно, не зализавши ран. Садитесь, пожалуйста, вернется он сейчас.

Джура Садыкович. Да нет, пойду. Загляну как-нибудь в другой раз.

Адолят. В кои-то веки пришли да так пустым и уйдете? Хотя пиалушку чая выпейте, вскипел.

Джамаль-хола. Да, да, выпейте, сынок. Ваша, значит, доля. Суждено — так издали явится, не суждено — из рук валится.

Джура Садыкович. Ну, что ж, пить так пить! Пиалушку, пожалуйста, выпью.

Джамаль-хола. Так-то, сынок... От чая никто не умирал.

Адолят. Вы уж посидите, поговорите, а я сбегая, позову его. И то уже скучал...

Джамаль-хола. Идите, идите, Адолят, хорошо надумали. (К Джура.) Тут он, недалеко, до угла дойти... Услышал бы, что приходили да ушли — расстроился бы...

Джура Садыкович. Как знать, тетушка, может, и порадовался бы?

Джамаль-хола. Кому же и знать брата, как не мне! Нрав собаки — хозяин ведает, говорят.

Джура Садыкович. Ай да тетушка!.. Что ж вы сразу-то не сказали?

Джамаль-хола. А вы и не знали?

Джура Садыкович. Чего?

Джамаль-хола. Как — чего? Нрав вашего Мехмонходжаева. Страсть до чего открытая душа, за другого — жизнь отдаст, ничего не пожалеет... Спрос, говорят, не грех — вы что, тоже под рукой моего брата находитесь?

Джура Садыкович. Да, вместе работаем.

Джамаль-хола. И сама подумала о том же. Хорошо, значит, понимаете его? Па-а... То-то и сказано: один — добром вернет, другой — злом швырнет. Потому говорю, сынок, что уж до костей меня проняло. Дильбар-то знаете?

Джура Садыкович. Племянницу Асильходжи-ака? Как же, знаю Дильбархон.

Джамаль-хола. Перво-наперво, Дильбар — племянница не Асильходжи, а его жены...

Джура Садыкович. Вон оно как!

Джамаль-хола. Ох, старость — не радость, заговорюсь, да и утеряю нить... О чем было я?... А, вспомнила!.. И Бурибая ведь знаете?

Джура Садыкович. Да, знаю.

Джамаль-хола. Неплохим был мужем, расторопным, как ветерок. Скажу я вам: умеет наживать да не терять, с единой-то головой два участка имеет. И вот такого мужа выгнала Дильбар — и ходишь-то не так, и сидишь не эдак. Разошлась, да... Теперь, слышно, снюхалась с каким-то Джураевым или Садыковым, знаете, наверно, его. Такой, говорят, человек, что и спящей змее покоя не даст.

Джура Садыкович. Да кто вам это наговорил?

Джамаль-хола. Бурибай... Или кривду сказал, речи его не прямы?

Джура Садыкович. Ну, если Бурибай — то прямы... как серп.

Джамаль-хола. Так-то... Не человек, говорят, — сущий бес. И хозяина вашего затаскал туда-сюда. По словам Бурибая, он-то и столкнул Асильходжу с лесов. Поглоти его земля! Спихнув моего брата, сам, наверно, и хотел сесть на его место, — что скажете?

Джура Садыкович. Если так, неважный, видать, человек.

Джамаль-хола. К слову все пришлось, уж не сочтите меня, старую, болтливой.

Джура Садыкович. Людские речи для людей и предназначенны, тетушка. Ведь вот же — от вас я и узнал, какие негодяи водятся в нашем управлении.

Джамаль-хола. Будьте и вы осторожны, сынок. Дай вам бог здоровья, очень уж вы мне пришлись по нраву!

Входит Дильбар.

Джура Садыкович. Привет, молодой талантливый архитектор!
Дильбар. Привет! Добро пожаловать, товарищ секретарь парткома!

Джамаль-хола. Вай, чтоб мне пропасть! Партком, оказывается...

Джура Садыкович. Пожаловал... Хотел дядюшку вашего проведать, да не застал.

Дильбар. Явится. Далеко не уйдет больной человек. Где-нибудь поблизости...

Джамаль-хола. Сейчас, сейчас придет, дорогой!

Дильбар. А пока его нет, хочу показать вам свой новый проект. Как, есть у вас желание?

Джура Садыкович. Ну еще бы!

Дильбар. Пройдемте в комнаты.

Джамаль-хола (к Дильбар). Адолят еще не подмела у тебя. Проводи-ка гостя ко мне. Уж такой скромный, такой приятный человек. (Дильбар вместе с Джурой направляется к особняку, Джамаль-хола продолжает говорить ей вслед). Послушай-ка, Дильбар! Не хотела, да уж скажу... Коль не быть твоей звезде с Бурибаем, выходила бы ты за такого вот человека! И я соглашусь, и дядюшка твой...

Дильбар. Хорошо, тетушка. (Пропустив Джуру к особняку Мехмонходжаевых, направляется к себе — за проектом).

Джамаль-хола. Эй, Дильбар, брось-ка ты своего бездельника Садыкова, не отставай от этого вот... Нрава он мягкого, да и мне по нраву пришелся.

Дильбар. Ах вы, тетушка, тетушка!.. Понравился вам? Так это же и есть Джура Садыкович!

Джамаль-хола. Вай, чтоб мне провалиться! Что же я натворила!.. (В расстройстве совершенно обмякает.)

Входит Адолят, за ней — Мехмонходжаев.

Мехмонходжаев. Добро пожаловать, Джура Садыкович! (Джамаль-хола без сил опускается на землю, ее уводят в дом.) Что тут случилось?

Дильбар. Тетушка не знала, кто такой Джура Садыкович, и говорила ему всякой всячины.

Мехмонходжаев. Ах ты, сестрица моя безмозглая, что надделала, а? *(К Джура Садыковичу.)* Вы уж извините!..

Джура Садыкович. Ничего, ничего! Посмеялись — и все.

Мехмонходжаев. Ну... каким ветром занесло, Джура Садыкович?

Джура Садыкович. Да вот — пришел проведать.

Мехмонходжаев. Кого?

Джура Садыкович. Как — кого? Вас, конечно!

Мехмонходжаев. Ну, если так... польщен, польщен, Джура Садыкович.

Входят Бакиджан и Сакиджан, приветствуют остальных.

Бакиджан. Смотри-ка, Сакиджан, и Джурабай-ака здесь...

Сакиджан. Значит, и мы верно надумали, Баки-байбак.

Джура Садыкович. Именно! Верно надумали.

Адолят. Пожалуйте, пожалуйста!..

Мехмонходжаев. Проходите сюда, *(указывая на чорпаю.)*, располагайтесь, как дома.

Бакиджан. Не надо беспокоиться из-за нас, мы пойдем сейчас.

Сакиджан. Просто — проведать пришли. Не хлопчите, тетушка!

Адолят. Какие хлопоты? Барана, что ли, режем?

Сакиджан. А и нарезать бы... жирного!

Бакиджан *(указывая на Сакиджана)*. Лишь бы не козла! *(Пауза.)* И то сказать — легко отделались, а, Асильходжа-ака?

Мехмонходжаев. Жизнь сохранил, значит, с прибылью остался.

Сакиджан. А как упали, в телесах опали, а?

Мехмонходжаев. Ну, что нового на строительстве?

Джура Садыкович. Можно сказать, дела идут успешно. Сдали, наконец, дом ученых. Вчера же туда и вселяться начали.

Мехмонходжаев. Ну как, ничего? Разговоров нет? В смысле критики...

Джура Садыкович. Нет, нет, жильцы довольны.

Мехмонходжаев. Значит, недаром мы скандалили, а, Джура Садыкович?

Сакиджан. Если уж вы скандалите, то всегда недаром, хозяин! Ие, простите, не я виноват, язык сболтнул: привык.

Мехмонходжаев. Смешком, смешком, а душу из человека вынешь, каналья! Вот чем меня восхищаешь...

Сакиджан. Да что — я? Восхищаться, так Джурой Садыковичем. Что скажешь, Баки-байбак, или неверно говорю?

Бакиджан. Ты скажешь — да неправда, Саки-сучок?! *(К Мехмонходжаеву.)* Нет, кроме шуток, все довольны Джурабаем-ака. Дела, как штык!

Джура Садыкович. Ну, уж похвальба нам совсем ни к чему. Работать споро да хорошо, строить добротные и красивые дома — это просто наша обязанность, наш долг перед народом. *(К Мехмонходжаеву.)* А разрешено ли будет у вас спросить — когда на работу?

Мехмонходжаев. Не знаю. Как доктора скажут...

Сакиджан. Словом, поправляйтесь скорей. А теперь разрешите нам идти, Асильходжа-ака. Вставай, Баки-байбак!

Бакиджан. Есть, Саки-сучок! Я готов!

Мехмонходжаев. Нет, не разрешаю. Воля гостя — навестить, но воля хозяйская — отпустить!

Сакиджан. Да нет, надо идти, а то... известная вам, моя жена...

Мехмонходжаев. Обижусь!.. Все предвкушал, что снова поем твоего плова. Язык отбил в больнице, восхваляя тебя... Хватит, садитесь, до смерти соскучился без вас!

Сакиджан. Настанет последний день — потрать на плов, и последние деньги — потрать на плов!.. Уж если хотите плова, ладно, утешу. Но...

Мехмонходжаев. Никаких «но»! Говорю же — сердце стеснилось. Если и на это скажете: «Нет, пойдем!» — что ж, вольному воля, не смею держать.

Сакиджан. Идет! Такой плов сготовлю, что мертвый восстанет и есть попросит. (К Джуре Садыковичу.) Не уйдете, Джура Садыкович?

Джура Садыкович. Что ж... на корабле у всех одна судьба.

Сакиджан (к Адолят). Ну, тетушка, несите-ка рису чистого да сала душистого!..

Мехмонходжаев. Слушай, Сакиджан, хочу задать тебе два вопроса...

Сакиджан. Ну-ка, ну-ка, что там?

Мехмонходжаев. Первый, в смысле уточнения: вы с Бакиджаном братья? Или только имена у вас схожие?

Сакиджан. Здравствуйте-пожалуйста!.. Столько работали вместе, можно сказать, пуд соли съели — и до сих пор не знаете?!

Бакиджан. Имена наши, действительно, схожи...

Сакиджан. А сами разве не схожи? А, Баки-байбак?

Бакиджан. Еще как схожи, Саки-сучок!

Все смеются.

Сакиджан. Послушаем теперь и второй вопрос!

Мехмонходжаев. Нет, второй задам, когда отведаем плова.

Голос. Асылходжа!

Сакиджан. Мастер пришел! (К Бакиджану.) Идем, бросим угольков в очаг. (Поздоровавшись с Фазылом-ата, уходят.)

Мехмонходжаев. О-о-о, заходите, заходите, Фазыл-ата!

Джура Садыкович. Здравствуйте!

Фазыл-ата. Здравствуйте, здравствуйте! Сам пришел, но беды не привел. Как здоровье?

Адолят. Здравствуйте!

Фазыл-ата. Здравствуйте! Как поживаете, невестушка? Рады, что муж вернулся жив-здоров?

Адолят. Спасибо! Конечно же... Проходите, пожалуйста!

Фазыл-ата. Вот об этом и говорят, что беда на волоске держится. И то сказать — обошлось... Хорошо, что леса были низкими...

Мехмонходжаев. Да уж... поспешишь — спотыкнешься, спотыкнешься — упадешь. Не леса виноваты, я сам, мое упрямство. Ведь полагал, что Дильбар, раз она моя племянница, все снесет. Совсем ее замотал!.. А возьмите Джуру Садыковича...

Фазыл-ата. Когда гнев приходит, разум уходит, сынок!

Мехмонходжаев. Что скажешь — одинокого волк задирает!.. Оторвался от масс, приказ стал для меня превыше всего. А там — разные благодарности. Голова и закружилась!.. Приветы да подношения, ложная слава... Недалеко стало и до того, чтобы жуликов прикрывать... Безответственность — вот что поддерживало мое упрямство и привело к позору. Раздваивался до последнего предела. Во мне жило как бы два Мехмонходжаева. Один мне твердил: держись своего упрямства, стой на своем; а другой убеждал: признай свои ошибки, присоединись к лучшим из лучших. Вот теперь-то, наконец, я и выбрал второго!..

Фазыл-ата. Раз у вас хватило духа сказать такое, значит, беда покинула вас, сынок!

Мехмонходжаев. Это вы говорите, мастер! А как я взгляну в глаза своим товарищам? Готов к любой ответственности. Готов собственным потом смыть налипшую грязь, лишь бы не исключили из партии!

Джура Садыкович. Говорят, повинную голову меч не сечет. Что скажете, мастер?

Фазыл-ата. Верно. *(Слышится голос Бурибая.)* Явился, негодяй...

Мехмонходжаев. Простите меня, но я хотел бы серьезно поговорить с этим мерзавцем.

Джура Садыкович. Совещание перед бюро?

Мехмонходжаев. И еще какое совещание!.. Предоставьте уж это мне, Джура Садыкович! Прошу вас...

Фазыл-ата. А я-то не знал, как откланяться. Вот и случай. Разрешите мне...

Мехмонходжаев. Нет, не разрешаю! И Бакиджан здесь, и Сакиджан. Обижусь, если уйдете.

Джура Садыкович. Ладно, ладно, остаемся...

Фазыл-ата. Хорошо, хорошо!..

Бурибай. Что вы трогаетесь, мастер, садитесь! Попрзднуем — ведь Асильходжа-ака вернулся.

Фазыл-ата. Не беспокойтесь, не беспокойтесь... *(Встав с места, направляется в летнюю кухню.)*

Бурибай. О-о-о!.. Здравствуйте, хозяин! *(Мехмонходжаев недвижим.)* Не трогайтесь, не трогайтесь с места, хозяин, я это — так... Как здоровье, как вернулись? А что — нога? В порядке? Не обижайтесь — не смог навестить в больнице: дела! Кирпич, древесина, цемент, следствие...

Мехмонходжаев. Что, и следствие началось?

Бурибай. Да, таскают. Но это ничего, лишь бы были здоровы...

Мехмонходжаев. Спасибо, здоров. Садись. Положи свои свертки. Разве старому начальнику волокут подношения? Когда видят нового, отрезаются от старого.

Бурибай *(быстро)*. Ах, вот как? Кто же? Кого назначили? *(Опомнившись.)* Э-э, бросьте шутить, Асильходжа-ака!... Что, вас снимут из-за одного фельетона? Будьте спокойны! Много-много — выговором отделаетесь... *(Протягивает пачку денег.)*

Мехмонходжаев. Что это?

Бурибай. Э-э, что спрашивать, хозяин... Как-никак, лежали в больнице, лишние расходы, то-се...

Мехмонходжаев *(указывая на оттопыренный карман Бурибая)*. А это что?

Бурибай. Вино самодельное... Думал, посмотрим — каково получилось.

Мехмонходжаев. Лей! Побольше лей!

Бурибай. Вот так и говорите! *(Наливает и протягивает.)*

Мехмонходжаев. Лей и себе... Поднимай!..

Бурибай. За ваше благополучное возвращение и за благодепствие на работе!

Мехмонходжаев. Поднимай!

Бурибай. Нет уж, вы!..

Мехмонходжаев *(выплескивая вино в лицо Бурибая)*. Подлец!

Бурибай. Ие, хозяин!.. Хи-хи-хи. Здорово, ха-ха-ха... Еще не выпили, а уж захмелели? Люблю ваши шутки! Как же, как же... Тоска заела!.. Давайте поднимем...

Мехмонходжаев. После всего, что было, после всего позора — ты еще принес выпивку в этот дом?!

Бурибай. Асильходжа-ака!..

Мехмонходжаев. Это не вино — аркан! Аркан, который стянул меня с тобой! Сеть, расставленная для меня! Яд, который затуманил мои глаза!..

Бурибай. Но, хозяин!..

Мехмонходжаев. Сам лакай свой яд, жулик, негодяй, блюдолиз!

Бурибай. Ну, что вы, Асильходжа-ака! В конце концов...

Мехмонходжаев. Сдохни со своим Асильходжой, мерзавец! (Поднимая трость.) Садись, мошенник, садись!.. Приносил подарки — принимал... Так теперь деньги подсовываешь?

Бурибай. Дело не в деньгах...

Мехмонходжаев. Да, дело не в деньгах. Но совесть-то моя — что, в могилу ляжет? Сна лишился, мира домашнего лишился!.. (Входит Джура Садыкович, Мехмонходжаев его не видит.) Подлец!

Бурибай. Ну, ну, Асильходжа-ака, не слишком-то распалитесь!.. (Поднимается с места, намереваясь улизнуть.) А-а, Джурабай-ака! Пожалуйте, пожалуйста!.. Вот — у хозяина сердце стеснилось, так он на мне зло срывает, тешится. (К Мехмонходжаеву.) Говорите, говорите же, пусть и секретарь нашего парткома послушает.

Появляются все гости.

Мехмонходжаев. Стой, не удирай, подлец!

Джура Садыкович (Мехмонходжаеву). С кем равняешься-то?!

Мехмонходжаев (остывая). И то правда, Джурабай. (Пауза.) Вон! С глаз долой, сукин сын!

Бурибай, метнувшись в сторону, исчезает.

Фазыл-ата. Что вам было расстраивать себя, Асильходжа?..

Сакиджан. Мигнуть бы нам, мы бы его тут же в котел.

Бакиджан. И осквернил бы плов, Саки-сучок!

Мехмонходжаев. Племянница! Дильбар!

Дильбар. Да, дядюшка?..

Мехмонходжаев. Подойди ближе, садись... Садитесь, Джура Садыкович, садитесь, друзья! (Пауза.) Слушайте, Бакиджан и Сакиджан... задаю вам свой второй вопрос: возьмете меня к себе в помощники? Коль буду здоров, еще исправлю свои ошибки. Да, да, ведь нет труда высокого и низкого, чистого и грязного...

Сакиджан. С одним условием: если простите нам давешнюю загадку.

Джура Садыкович. Какую еще загадку?

Мехмонходжаев. Брюхо толстое носил,

А волос не отрастил...

Сакиджан. Сам он тут, а спесь забыл,—

Отгадайте-ка, друзья!

Фазыл-ата. Мехмонходжаев!..

Авторизованный перевод с узбекского Рауфа Галимова и Зои Гумановой.

„Из Китайской тетради“

Мимо Байкала...

За окном провода.
А на них, словно в нотной тетрадке,
Сели знаками птицы,
Качаясь, хвосты опустив;
Гармонист в ноты глянул,
Запела в вагоне трехрядка...
Покатился, как с кручи,
Знаменитый байкальский мотив.
Струны-рельсы поют.
Весь открытый для взоров,
Подпеваёт баском
Старикан, работяга Байкал.
Сам глядит удивленно,
Как мимо столбов-дирижеров
Поезд, словно котенок,
Пробегаёт по клавишам шпал...
Тот мотив подхватив,
Прибайкальское чуткое эхо
Мчится рядом упрямо,
В туннели ныряет со мной,
Оркеструя его
Гулом, грохотом, звоном и смехом,
Поднимает на скалы
И гонит прибрежной волной.
А волна нарастает
И в сердце струится упорно.
То хлестнет будто плеть,
То обнимет, как добрая мать,
Сердце чутко забьется,
Думам снова просторно.
Я гляжу на Байкал
И глаза не могу оторвать.
То нахмурится он,
Этот труженик добрый и шалый,
То смеется,
Играя волнами — подобьем бровей.
Шлюпки пляшут

И пляшут на гриве седого Байкала.
Весь он —
                                чудо-симфония,
Музыка к песне моей...
Ой, шуми ты, тайга —
Сибирячка, в ушанке лохматой,
Ой, гудите вы, рельсы,
Изгибаясь в тугую дугу,
Пойте скалы, —
Вы стаей медведей косматых
Пьете небо в Байкале,
Застыв на крутом берегу.
Разгуляйся, Байкал,
Я люблю твоё буйное пенье,
Окати мое сердце
Живительной, хлесткой волной!
Дай мне мудрость твою,
Дай размах твоего вдохновенья,
Будь мне музыкой к песне,
Будь в песне надолго со мной.

Оставлял я сердце на границе...

Как зебра, шейю водит
Шлагбаум полосатый,
А музыка сегодня
Наш лучший провожатый.

От полосатых будок
Китай навстречу мчится,
А сердце я как будто
Оставил на границе...

Да, сердце я оставил
На родине, — понятно.
Я скоро из Китая
Вернусь к нему обратно.

Без сердца жить смогу ли?..
Но что я замечаю:
Нас праздничностью улиц
И музыкой встречают.

Ты, сердце, здесь! Ты радо!
Так вырази стихами
Стихию жарких взглядов
И жарких встреч с друзьями.

Привет, Китай!

Привет, Китай, великая земля,
Прими, страна весеннего рассвета,
Мою любовь, что много лет жила
Во мне, чтоб стать подарком от поэта.

Я много повидал озер и рек,
Лесов дремучих, гор седых и строгих.
Везде, где быть обязан человек,
Меня водили трудные дороги.

И вот теперь широкая одна
Ведет в страну, в которой дружат мило
Неповторимых храмов старина
И звонкое горенье юной силы.

Той юной силы, чей упрямый шаг
Пролег строкой в поэму героизма,
Чей кумачевый пятизвездный стяг
Несет страну на крыльях
к коммунизму.

И я, свою любовь с тобой деля,
Зажегся новых песен ярким светом.
Привет, Китай,— великая земля,
Китай, страна весеннего рассвета!

Перевел с узбекского В. Ляпунов.

Не знают устали

Стучат, стучат послушные станки —
И льется пряжа световым каскадом,
Как искорки, мелькают челноки,
И цех гудит веселым водопадом.

У девушек румянец на щеках,
Во взгляде их «Спасибо» мы читаем:
Родной наш герб советский
на станках —
Тепло сердец с друзьями разделяем.

На тонких тканях — вешние цветы...
Работают здесь, устали не зная.
Нарядными становятся черты
Великого, могучего Китая.

Вся страна — огромная школа

Погляди, это дети идут,
Светел взгляд, как заря поутру.
Мудрость знаний они обретут —
Школ объятия ждут детвору.

Вечер. Школа теперь — каждый
дом.

Пожилые мамыши, отцы
Иероглифы пишут с трудом —
Учат дети их, как мудрецы.

К свету, к знаниям стремится
народ,

Стала книга отрадой сердец.
Несдержимо движенье вперед
Всей страны — из конца в конец.

Стала школой огромной страна,
Труд и творчество любит Китай.
Всем народам свобода дана:
Созидай — и твори, и мечтай.

Забудь навеки

Отчаянье гнало бездомных с земли
В хибары пловучие: участь одна...
Чанцзян, отразиться в тебе не могли
Ни золотом — солнце, ни медью — луна.

От неба укрытая джонками, ты
Печально носилась — грозна, широка.
Голодных ты видела — лишние рты...
О, сколько ты их поглотила, река!

А нынче кварталы растут у воды,
И голод народом навек позабыт,
Потомки скитальцев не знают беды —
Свободы лучи осчастливили быт.

Дома окаймляют твои берега —
Вчерашние кули счастливо живут.
Зеркальная гладь твоих вод широка,
В ней солнце, луна, улыбаясь,
плывут.

Навеки, Чанцзян, ты навеки вольна,
Как твой богатырский, свободный народ.
И вечно сиять будут солнце, луна,
Любуясь красой своей в зеркале вод...

Перевел с узбекского Л. Шабтай

СВИНОПАС

Рассказ

В летний полдень, когда над степью полыхал зной и все замерло, изнемогая от духоты, старый Дауске ехал на своем сером осле по песчаной тропинке, ведущей к дому Рзамбета.

Он торопился. Он пинал ишака ногами и тыкал палкой. И если бы в наше время не существовало автомобиля, то можно было бы считать, что старый Дауске мчался быстрее птицы. Во всяком случае, за тонкими ногами ишака уследить было невозможно, так часто они мелькали на желтом песке.

День был горяч, но что могло в эту минуту сравниться с пламенем, обжигавшим сердце Дауске. Лучи солнца казались злыми, но разве существовал гнев, равный гневу старого Дауске! Нет. Все страшное в мире меркло перед тем, что испытывал он в этот летний полдень.

Вместе с ослом Дауске влетел во двор Рзамбета и здесь остановился, пораженный увиденным.

Рзамбет, который, в мыслях Дауске, должен был рыдать от отчаяния, метаться, терзаемый угрызениями совести, этот Рзамбет преспокойно спал в тени каратала и выводил носом беззаботную песенку.

Дауске хотел закричать, высыпать разом сотню самых страшных проклятий. Но почтенная седина его не позволила сделать этого. Он только плюнул три раза за порогом, прошептал молитву и лишь тогда подошел к Рзамбету.

С негодованием и удивлением Дауске смотрел на спящего. Он раздумывал над ним, как раздумывает лиса над ежом, не зная, за что ухватить его. Наконец, старик протянул короткую палку, которой обычно погонял ишака, и толкнул ею Рзамбета. Толчок был далеко неласковым, потому что Рзамбет моментально открыл глаза и испуганно уставился на гостя.

— Что случилось, Дауске-ага?

— Ты еще смеешь спрашивать, что случилось! О, всемогущий, дай мне силы сдерживать негодование.

Рзамбет старательно потер лоб, чтобы прогнать дремоту, которая мешала ему разобраться в происходящем.

— Прежде всего садитесь, Дауске-ага,— произнес хозяин и, поднявшись, освободил место на кошме.— Садитесь и рассказывайте все по порядку.

— Чтоб я сел!— Дауске отступил от кошмы, словно на ней копошился по крайней мере десяток скорпионов.— Я не сяду...

— Отчего же не сесть? Отдохните, а я тем временем приготовлю чай.

— И чай пить не стану,— все с тем же раздражением отмахнулся старик.

— Тогда велю приготовить ваше любимое кушанье.— Стараясь соблазнить гостя, Рзамбет приложил к губам пальцы и причмокнул.— Вы ведь любите плов из курятины?

Дауске скосил глаза на хозяина:

— Мало ли что я люблю.— Он вытер пот с почти черной от ветра и солнца морщинистой шеи и помахал своим цветным платком вокруг лица.— Разве можно есть в этом доме?

— Ого!— поразился Рзамбет.— Что я слышу от уважаемого Дауске! Прежде вы не пренебрегали моим угощением.

— Прежде...— состроил плаксивую гримасу старик.— Прежде можно было. А теперь...

Озадаченный Рзамбет открыл рот в удивлении.

— В ваших словах кроется какой-то смысл. Объясните, пожалуйста!

— А, зачем объяснять. Твое сердце должно само подсказать причину,— ответил с горечью Дауске.

Хозяин недоуменно развел руками, признаваясь в своем полном бессилии понять что-нибудь.

— Не знаю.

— Так-таки и не знаешь?— затряс куцей бородкой Дауске.

— Плохой же ты мусульманин, если не догадываешься, что в доме твоём правоверному есть грешно.

Рзамбет снова потер лоб, теперь уже старательнее:

— Почему же?

— Потому!— повысил свой голос Дауске.— Потому что здесь все пропитано свинячьим духом.

Старик принялся нашептывать молитву и по обычаю поднял ладони к ушам.

Как ни был Рзамбет ошарашен обвинениями Дауске, все же улыбнулся и показал гостю ряд белых, удивительно веселых зубов:

— Я все-таки не могу ничего уяснить в ваших словах.

— Не можешь уяснить!— взвизгнул Дауске.— Так сходи на болото и посмотри!— Старик махнул палкой в степь, где зеленели заросли камыша.— Там твой сын Пардебай играет с поросятами.

— Ах, Пардебай,— засмеялся Рзамбет.— Он любит играть со всякой живностью — от собак да поросят за уши не оттянешь.— Голова и плечи, и все могучее тело Рзамбета колыхалось от смеха.— Мы ведь тоже в детстве любили возиться со щенками. Еще, помню, меня вот за этот палец укусил ваш Джульбарс...

— О чем болтает глупец!— ужаснулся Дауске и замахал руками на хозяина.— Ты хуже своего неразумного сына. Последний раз я переступил порог этого дома. О милостивый бог, прости мое прегрешение!

Дауске плюнул с остервенением и заторопился к своему ишаку, который, не ведая о сути спора и не предполагая, что оскверняет себя, спокойно пощипывал траву во дворе Рзамбета. Старик оттянул палкой глупое животное и вырвал из его зубов остатки зелени.

Глядя, как рассерженный Дауске скользит ногами по животу осла, пытаясь сесть на него, Рзамбет весело сказал:

— Если вы боитесь осквернить себя прикосновением к поганому животному, так зачем садитесь на ишака? Чем он лучше свиньи?

— Не задерживай меня!— огрызнулся Дауске.— Я и секунду не могу находиться здесь. Тьфу, тьфу!— И старик стал тыкать палкой своего осла, пытаясь привести его в движение, что, как известно, сделать не так-то легко. Прежде чем передвинуть ногу, ишак повел ушами, помахал хвостом, потом зевнул и в заключение издал звук, похожий на рев льва. Лишь после этих предисловий, он, не торопясь, направился вон со двора Рзамбета, где все, по словам Дауске, было пропитано свиным духом и напоминало о грехе.

— Так как же насчет ишака?— крикнул вслед неугомонный хозяин.

Дауске не мог остаться побежденным. Не таков был старик. Он повернулся и сказал строго:

— Да будет тебе известно, что сам аллах разрешил мусульманам ездить на осле. И Магомет— пророк его— пользовался этим животным...

Чувствуя себя на высоте, Дауске гордо поднял голову, на которой красовалась белая шогирме— круглая папаха из овчинного меха, увенчанная красным сукном. Старик знал, что надо носить уважаемому человеку в его возрасте.

Минуту-две, а может и больше, он ехал, не разбирая дороги, не замечая ничего вокруг себя,— гнев еще бушевал в груди Дауске. Только успокоившись— а для этого потребовалось время,— он стал раздумывать над происшедшим. «Хорошо, что я отказался от плова,— удовлетворенно решил Дауске.— Хоть его жена и вкусно готовит, от одного запаха жареного мяса можно проглотить язык, но лучше поступиться животом, чем осквернить душу». Сознание собственной правоты привело старика в благодушное настроение. Однако ненадолго. Он вспомнил, что, приглашая сесть, Рзамбет взял его за локоть. «Я осквернен,— зашептал в ужасе Дауске.— Что же теперь делать? Как очистить себя от этого свиного духа?» Единственной мерой, которая, по его мнению, могла способствовать очищению, была палка, и старик принялся дубасить по рукаву собственного халата, выбивая затаившийся там запах проклятого богом животного. В усердии своем он не жалел ни материн, ни своего локтя.

— Зачем вы бьете себя, дедушка?— услышал он чей-то голос.

Дауске вздрогнул и поднял шогирме, чтобы увидеть человека, заставшего впопыхах.

— Тьфу!— плюнул он. На дороге стоял тот самый Пардебай, из-за которого старик пережил сегодня столько неприятных минут. Мало того, мальчишка держал на руках крошечного розового поросенка. А вокруг— о всемогущий!— возились, чавкая и похрюкивая, свиньи. Целое стадо.

— Неразумное животное!— огрел палкой своего осла Дауске.— Куда ты меня завез?

Он повернул ишака, но пока тот соображал, что надо сделать прежде— повести ушами или махнуть хвостом, свиньи принялись чесаться у его ног. А какая-то любопытная тварь даже осмелилась ткнуть носом в галошу самого Дауске.

— Все! Я погиб,— беззвучно прошептал старик и закрыл глаза, чтобы не видеть бездны, в которую падала его оскверненная душа.

Осел не сразу, но все-таки выполнил волю хозяина, повернулся и засеменил в сторону аула. Так он нес ослепленного страхом Дауске до нового перекрестка и здесь, на перепутьи, остановился. Старик открыл сначала один глаз— проверил, нет ли поблизости поганых животных, потом— второй и, только окончательно убедившись, что опасность миновала, облегченно вздохнул:

— Бисмилло!

Однако грех, который он принял, прикоснувшись к отвергнутой богом твари, лег на его душу тяжелым камнем. Молитва, произнесенная трижды, вряд ли могла помочь. Надо было принять чрезвычайные меры, скажем, отрубить правую ногу или хотя бы опалить ее огнем. Но ни то, ни другое не устраивало Дауске. О том, чтобы расстаться с ногой не могло быть и речи. Опалить? Больно. Как-то давно Дауске случайно сунул палец в огонь, так потом месяц стонал и охал. Нет, с огнем шутки плохи. И Дауске решил расстаться с правой галошей — ведь, в сущности, она осквернена прикосновением свинячьего носа. Пусть и погибает.

Не без колебаний, не особенно горюливо старик стряхнул с ноги галошу. Она упала на горячий песок со стуком, от которого жалостливо вздрогнуло сердце Дауске. Все-таки галоша была почти новая, без единой заплатки.

«Я совершил все, что в моих силах,— подумал старик.— Пусть сам бог оценит жертву и очистит бедного Дауске от греха».

Так с босой ногой он и вернулся в свой дом.

Исчезновение галоши не такое уж большое событие, чтобы повлиять на жизнь целого аула. Никто, кроме жены Дауске, и не заметил пропажу. Да и жена не стала кричать, как обычно, и называть мужа старым ослом и ротозеем, а только сказала:

— Не смог носить галоши, будешь ходить босым.

И вышвырнула вторую галошу в конуру, где сидел на цепи дряхлый Джульбарс.

С новой потерей Дауске смирился легко. Раз уж пала на его голову божья кара, так одной галошей не отделаешься. Тут снимай с себя все, вплоть до любимого шогирме.

Однако судьба человека поворачивается иногда совсем неожиданным образом. На другой день, когда старый Дауске сидел на пороге собственного дома и предавался горестным размышлениям по поводу случившегося, во двор вошел сорванец Пардебай.

— Вот, дедушка, ваша галоша. Я нашел ее на дороге,— сказал он, беззаботно улыбаясь и хитро поглядывая своими большими черными глазами на Дауске.

Да, это была та самая галоша, которую старик принес в жертву всевышнему. На ней, должно быть, еще остались следы свинячьего пятка. Поэтому Дауске не поблагодарил мальчишку за находку, не угостил сладкой дыней, а лишь проворчал:

— Ладно. Нашел, так нашел. Брось ее здесь и ступай себе!

А когда Пардебай ушел, старик полез в конуру к Джульбарсу и вытащил оттуда вторую галошу. К счастью, пес не успел отгрызть ей носок, хотя и усердно старался сделать это своими немощными зубами. «Хорошо, что кобель дряхлый,— подумал Дауске.— Иначе от галоши уже ничего не осталось бы».

Обувая свои жилистые, задубленные горячим песком ноги, старик рассудил так:

— Если сама судьба возвращает человеку жертву, следовательно, она не угодна богу. Видно, я не осквернен, и душа моя чиста.

Снова старик оказался в галошах и снова, оседлав своего ишака, отправился путешествовать по степным дорогам.

Ездил он столько же, как и прежде, но его ишаку казалось, что дороги стали много длиннее. И животное не ошиблось. Дауске огибал болото, объезжал дом Рзамбета. А если путь пересекали пасущиеся свиньи, старик поворачивал назад, давал крюк километра в два. Дауске перестал резать сухой камыш вблизи пастбища, боясь осквернить себя запахом поганных животных, и ездил за топливом в соседний кишлак, что лежал за каналом.

Постепенно число домов, которые обходил Дауске, увеличилось. В одном стали готовить свинину, в другом — топили сало и поили им больного, в третьем жил ветеринар, ухаживающий за поросятами. А чем меньше оказывалось дворов, куда мог заявиться гостем Дауске, тем грустнее становилось у него на сердце. Любил старик и перекинуться словом с односельчанами, и осушить пиалу другую ароматного чая, а если придется, то и откусать жирного плова.

До самой глубокой осени таил в себе обиду Дауске, а когда созвали колхозное собрание, старик не вытерпел и спросил председателя:

— Зачем разводить скотину, мясо которой грешно класть в котел?

Председатель был человек крутой. Но ответил мягко:

— Если мы будем сеять только то, что жуем зубами, — поля наши опустеют, а амбары порастут колючкой. Наши братья, которые ткут для нас одежду и делают галоши, любят свинину. Так не долг ли степняка дать брату то, что он любит? А?

Дауске промолчал.

Председатель же добавил:

— Свиноферма принесла колхозу в первый год сто двадцать тысяч рублей дохода. На следующий год мы сдадим свинины на полмиллиона рублей. Народ получит больше мяса, а артель наша станет богаче. Вот откуда появится новая школа, откуда возьмутся дома для престарелых колхозников. Понятны ли вам, Дауске-ага, мои слова?

Дауске кивнул. Ему было все понятно. Одно смущало старика: как совместить доходы колхоза с шариадом, как добыть богатство, не творя греха. Но на этот вопрос ему никто не мог ответить.

...Прошла зима и не одна. Прошло лето и тоже не одно. Много раз природа меняла одежду — теплый и белый мех на легкий золотистый шелк. И Дауске надевал то ватный халат, то легкий чапан. Осел по-прежнему носил хозяина бесконечными тропами и по-прежнему огибал дворы, где таился грешный дух. Но в степи уберечься от осквернения было уже трудно. Свиной стало так много, что любая дорога пестрела отпечатками острых копыт. Всем этим поросячьим скопищем командовал сын Рзабета — Пардебай. Он вырос и стал свинарем. Пардебай издали кланялся Дауске, но старик не удаивал его даже взглядом. И вообще для него не существовали люди, продавшие свою душу шайтану. Им не было места в раю, где предполагал обосноваться навечно Дауске. Старик твердо держался раз избранного решения, и ничто не могло его поколебать.

Но время, как вода, течет и камень. А сердце Дауске было не таким уж твердым. Иначе бы не произошло события, о котором до сих пор с удивлением рассказывают в нашем ауле.

Однажды весной старуха собралась готовить баурсаки, а нечем было затопить очаг. Дауске отправился к берегу канала за старым камышом. Пока старик на своем неторопливом осле объезжал скотные дворы да поросячьи выгоны, на небе собирались тучи. Подул ветер. Старик стал погонять осла и уже не разбирал дороги. Он кинулся напрямик к ближнему болоту, к камышам.

Гром рывкнул во всю свою шайтанью глотку, молнии рассыпались белыми угольками по степи и хлынул дождь. Какой дождь! Арал и Аму, кажется, соединились вместе и всю свою воду выплеснули на голову Дауске. Он прижался к животу ишака и так застыл, готовясь встретить конец света. Мимо с воем и свистом пролетал ветер, что-то визжало, мяукало, рыкало в зарослях, трещал ломающийся камыш...

Конец света, конечно, не наступил. А вот гроза скоро окончилась. Ветер понес тучи куда-то дальше, в другую сторону степи, и там они

продолжали поливать весеннюю землю. Потом глянуло солнце — теплое южное солнце. Глянуло неожиданно, будто выпорхнуло из облаков. Но этому Дауске не удивился. Он никогда не удивлялся тому, что происходило на небесах. Но вот то, что он увидел на земле, его удивило и огорошило. Рядом с ним, уткнув морды в густой камыш и дрожа от страха и холода, попискивали поросята. Целый десяток. Они были маленькими и смешно помахивали своими розовыми хвостиками.

Передать чувство, охватившее Дауске, трудно. Вначале он подумал, что этот свинячий выводок упал сверху вместе с дождем. Но тут же отверг эту греховную мысль, поскольку на небесах не место погани — она водится лишь в преисподней. Затем старик сделал совершенно правильный вывод — поросята во время грозы отбились от стада, что паслось у болота, и теперь не знают, как вернуться домой.

После такого заключения ему, как правоверному, следовало плюнуть, сесть на осла и податься прочь. Вместо этого Дауске почесал сухой затылок, прикрытый широкой шогирме, и сказал:

— Небось свинья, будь она трижды неладна, ищет своих отверженных богом детей. А они тут вязнут в болоте и того гляди утопнут. Так они могут наверняка попасть в преисподнюю, которая, как известно, начинается с трясини и кончается логовом шайтана.

Случись это несколько лет назад, старик, конечно, не стал бы переживать по поводу гибели поросят, а наоборот помог бы им поскорее отправиться на тот свет. Но, как уже говорилось, время, как и вода, точит и камень. Сердце Дауске стало мягче, а мысли разумнее. Он решил: свиньи как-никак колхозные. Вроде, и он хозяин этой твари.

Кряхтя и отплеываясь, старик вытащил поросят — одного за другим — из болота и пустил на чистое, твердое место. Они визжали, отбрыкивались, не понимая опасности, лезли назад в трясину, но Дауске геройски боролся со свинячьим упрямством и, наконец, победил.

— Тьфу! — с остервенением швырнул он последнего поросенка на бугорок. — Видно, им все-таки место в преисподней, ишь как рвутся в болото.

Затем Дауске взобрался на осла и погнал впереди себя выводок.

Нельзя сказать, что путешествие это было для старика приятным и легким. Бестолковые животные металась из стороны в сторону, поворачивали назад, пищали и хрюкали. Только одолев полпути, Дауске научился управлять своим грешным стадом. И это оценили мальчишки и старухи, выбежавшие на шум из своих дворов. Не поступаясь истиной, можно сказать, что почти весь аул встретил поросячий выводок и проводил его до самого свинарника.

Вот тогда-то и назвал какой-то остролов старика свинопасом. Назвал в шутку, хотя и с уважением.

Без радости принял этот титул Дауске. Он возмущался и доказывал, что вынужден был совершить невольный грех. Но люди почему-то не принимали близко к сердцу злость старика. Они смеялись.

А прозвище так и осталось за ним. И теперь, если кто из приезжих спрашивает, где найти Дауске, то дети обязательно добавляют: «Это какого Дауске, свинопаса?» — и показывают на человека, который едет по дороге на своем старом сером осле. Едет прямо, не оглядая дворы и выгоны, не минуя дома Рзамбета и его сына Пардебая — настоящего свинопаса, известного всей степи.

Перевел с каракалпакского *Ал. Бендер.*

Если Любишь...

Роман¹

Глава двадцать пятая

...Я вспоминаю героев книг, они, как вехи на дороге жизни. И если мне, читателю, захочется увидеть жизнь пореформенной Руси, то, пожалуй, лучше всего вспомнить толстовского Константина Левина, а первую мировую войну лучше всего увидеть в Григории Мелехове, годы гражданской войны — в Павле Корчагине, годы становления советской деревни — в Семене Давыдове, а Отечественную войну — в Василии Теркине... Люди-вехи.

Мне подумалось, что жизнь Вахида Турсунова может служить вехой удивительного роста человека Востока, человека Азии. Я знаю, что Турсунов, прочитав эти строки, скажет: «Ну, уж это вы, дорогой Джевед, как говорят, загнули. Какой я герой, какая я веха? Оглянитесь, таких ведь миллионы!»

Я вижу перед собой его пышные, чуть седеющие волосы, спокойное улыбочливое лицо, его руки, узкие и мускулистые. Вижу его громадный кабинет, небольшую чертежную доску у окна, карту во всю стену со знаками настоящего и будущего и столик с автоматической телефонной станцией — перевел рычажок и говори с любой электростанцией, любой энергетической стройкой Средней Азии.

Мне кажется, что он мало изменился, такой же волевой, такой же собранный, сдержанный.

Нам приходится иной раз встречаться по работе. То у него в Управлении, то у нас, в Академии наук. Ведь оба мы энергетики. Три года назад, в 1957 году, мы были в числе членов советской делегации на Международной конференции энергетиков в Белграде. Меня и Турсунова поместили в одном номере, но виделись мы не часто. Вахид уходил рано и приходил рано, осматривал город, принимал участие во всех экскурсиях на заводы; вечером он молча сидел за письменным столом и что-то писал своим бисерным почерком в маленькой записной книжке...

¹ Продолжение. См. «Звезда Востока» №№ 2,3,4 за 1961 г.

Конференция должна была рассмотреть весьма актуальный вопрос о помощи слаборазвитым странам. Мы за несколько дней до открытия ознакомились с докладами, на первом пленарном заседании сразу должны были начаться прения. И вот наступил день открытия конференции. Утром Вахид сказал:

— Предстоит серьезная борьба.— Я знал, о чем он говорит. Он решил выступить по процедурному вопросу: о приглашении на конференцию энергетиков Народного Китая, их опыт трандиозных энергетических сооружений был бы чрезвычайно полезен...

В прениях выступил и я. Я предложил использовать в энергетических целях уже имеющиеся в слаборазвитых странах ирригационные системы. Было признано, что это весьма приемлемая рекомендация для стран Азии и Африки.

После моего выступления поднялся с места президент одной крупной фирмы и стал ратовать за развитие электрификации в азиатских и африканских странах. Его сладкие речи никак не вязались с кричащими фактами колониального гнета. И когда он закончил свое выступление, я встал и сказал, что по статистическим данным в колониальных странах, особенно в тех, где добывается нефть, крайне низкий уровень электрификации, словно существует прямая связь: где больше нефти, там меньше энергии. Колонизаторы всегда заинтересованы больше взять и меньше дать.

В зале раздались аплодисменты.

— Ты посмотрел бы на его физиономию!— говорил мне вечером Вахид.— Словно проглотил горькую пилюлю. Но нашу-то пилюлю он проглотит, а ты скажи: почему он стал таким добрым, почему вдруг стал ратовать за электрификацию Азии и Африки? Ясно, это всем становится ясно: он боится за свою нефть, он хочет укрепить позиции, прослыть добрым дядей, дескать, нате вам пару тепловых станций, топите котлы моей нефтью, но меня не трогайте.— Турсунов широко шагал по гостиничному номеру и продолжал рассуждать вслух:— Он и с нами будет соглашаться. Да, да, вот увидишь.— Вахид рассмеялся.— Помнишь, раньше их рисовали с толстыми животами, в цилиндрах? Теперь они другие. Они теперь говорят: «Мы за русских», «Русские оказались славными парнями». Эти господа знают, что наша техническая и экономическая помощь бескорыстна, они хотят, чтобы и их «помощь» тоже сошла за бескорыстную. Вот в чем фокус.

Турсунов всегда говорит темпераментно, увлеченно. Он умеет дойти до самой глубины вопроса.

Мы говорили только о делах. Никогда, ни разу не спросил он у меня об Ираде, может быть, и не видал ее с тех пор. Может, только на съездах, на сессиях.

Но однажды произошел случай, который как-то приоткрыл мне Турсунова и с этой стороны. Накануне в республиканской газете была напечатана фотография Ирады и ее речь на сессии Верховного Совета республики. Я увидел газету на столе Турсунова. Портрет Ирады, напечатанный на внутренней странице, лежал сверху других газет. Турсунов перехватил мой взгляд, спокойно взял сверху газету и положил в средний ящик стола. Прошло несколько трудных минут молчания. За это время мы словно поговорили о многом: об Ираде, о трудностях любви, о неразделенном чувстве, горечь которого не проходит и к старости. Потом я что-то спросил, и он ответил. Мы заговорили о делах, но я еще долго думал о том, что произошло, о том, что я узнал у Турсунова.

Мы долго не виделись. Но жизнь часто сталкивала нас. Мы снова очутились в одном номере гостиницы «Москва». Вечером Турсунов подолгу сидел за письменным столом, он очень тщательно гото-

вился к своему выступлению. В Кремле шло Всесоюзное совещание энергетиков.

— Ты понимаешь,— говорил мне Турсунов,— нужно за пять минут суметь сказать все, что мы сделали за многие годы, а за две минуты рассказать о завтрашнем дне. У меня на учете каждое слово.

Я с нетерпением дожидался выступления Вахида. Он выступал в конце вечернего заседания. Все в зале были утомлены. Никто не обратил особого внимания на Турсунова. Но как только он стал говорить, все участники совещания втрепенулись и стали слушать.

Речь Турсунова была интересно сконструирована: все цифры, расчеты как бы «укреплялись на местности». Он говорил о горной реке Кинджике, об узких ущельях, где протекает она, разрезая гранитные горы, река огромной энергетической мощности, с громадным падением. На этой реке уже выстроено 16 гидростанций, а будет построено еще четыре, каждая примерно такой же мощности, как Куйбышевская ГЭС на Волге. В глубоких каменных ущельях взрывы опрокинут в реку гранитные берега, взрывы сами построят плотину и это будет самое дешевое электричество: пятая часть копейки за киловатт. Вслед за этим примером возникает основная мысль — быстрее и дешевле строить, применяя новые прогрессивные способы строительства, новую технику. Тепловые станции на угле, газе, атомной энергии. Электрификация и ирригация новых земель — степей, пустынь, а это значит, создание новых городов, новых совхозов... И еще — соединение энергетических колец в единую в Средней Азии и Казахстане автоматическую систему.

Турсунов сумел захватить аудиторию. Сидевший в президиуме Никита Сергеевич, глядя на Турсунова, что-то записал в блокнот.

Я сам захотел осмыслить все, о чем говорил Турсунов. Может быть, тут было дело не в том, где и когда и какой мощности будут построены электростанции, а в том, что вся эта общая картина, представленная в речи Турсунова, свидетельствовала о грандиозных темпах роста всей страны, с каждым годом укрепляющей свое могущество, идущей навстречу близкому будущему — коммунизму.

— Ты правду говоришь?— с волнением спрашивал у меня Турсунов, когда я рассказал ему об общем впечатлении от его речи.

— Конечно, правду. Зачем мне тебе...

Лицо его стало серьезным и озабоченным.

— Это очень хорошо,— сказал он. Он, вероятно, подумал, что теперь ему легче станет доказывать какие-то положения госплановцам...

Он весь в будущем, в завтрашних новых проектах, в новых стройках.

Мы часто говорим, пишем, что сумели воспитать командиров производства, людей нового типа. Да, сумели. Таких у нас действительно миллионы.

Турсунова выдвинуло время становления Советской власти в Туркестане, становления нашей промышленности, как выдвинуло везде в нашей стране людей с земли, людей из народа, людей, подобных Вахиду.

О себе Турсунов рассказывал немного, всегда с доброй усмешкой, дескать, какие в старину были смешные люди.

...Ему было четырнадцать лет, когда он приехал с отцом из кишлака в Ташкент. В том году это был боевой красногвардейский, рабочий, пролетарский Ташкент. Впечатлений было много, но самое сильное — трамвай. Отец, кишлачный плотник, привыкший самостоятельно отвечать на все вопросы, так объяснял устройство трамвая. Дескать,

все дело в столбах. Трамвай притягивается к столбу. А так как столбов много, то он так и передвигается от одного столба к другому. Почему притягивается трамвай? Это же очень понятно. Есть слово «ток». Ток может убить человека, но он «тянет» трамвай, в токе все дело. Отец был плотником, он знал, что есть такое слово «ток». «Если ты дотронешься до трамвайного столба — тебя убьет», — говорил отец. Вахид убедился в справедливости отцовских слов: никто к столбам не притрагивался. И все-таки что-то заставило его поколебаться...

Однажды, после долгих раздумий, преодолевая страх, Вахид все-таки притронулся пальцем к столбу.

— С этого момента, — смеется Турсунов, рассказывая, — я стал энергетиком. — Он долго смеется, убеждая, что это, конечно, неправда, что его просто послали в школу, а потом — на рабфак и никто у него не спрашивал о склонностях к электротехнике. Но я знаю, что в этом поступке весь характер Турсунова.

Так, я помню, на одной небольшой электростанции очень быстро срабатывался турбинный подшипник. Искали, искали — и никак не могли найти причины. Турсунов исследует каждую деталь, осматривает, ощупывает, чуть не лижет. Все мы немного посмеиваемся над ним. От нас ждут чисто инженерского решения — что толку от этого ощупывания, оглядывания. В кармане корпуса турбины Турсунов нащупал песок. Мы были поражены — откуда там мог оказаться песок? Так родилось решение: построить отстойник для очистки воды. В этой скрупулезности тоже весь Турсунов: уж если что надо выяснить, то он выяснит все детально. Он такой человек.

После окончания института в Москве, Вахид поехал на Днепрострой, оттуда вместе со многими строителями приехал на Кинджик. В те годы я еще плохо знал Турсунова. Его работа на монтаже тепловой электростанции многое определила и в его, и в нашей жизни. Все мы тогда узнали Вахида таким, каким до того времени не представляли себе.

...После пуска обводного канала строительство тепловой электростанции стало главной задачей. Откачка воды из котлована, разворот бетонных работ на сооружении плотины — все требовало электричества, а его не хватало. И не только не хватало. Как-то в степи ветер скинул на землю опору линии электропередачи. Остановились экскаваторы, пришлось вываливать массу из бетономешалок, остановились моторы насосов — жизнь на Головном узле замерла. Мы заходили в барак и первое время двигались как слепые, вытянув впереди себя руки. Только два дома казались нам ярко освещенными — столовая и «Голубые скалы»: у Сабиры и Тахтабаева горели керосиновые лампы. У нас в бараке Бессараба соорудил из консервной банки каганец; фитилек, пропитанный машинным маслом, чадил, но кое-какой свет все же давал.

Потом говорили, что бригада монтажников во главе с Турсуновым прибыла на место аварии раньше, чем линейные монтеры. Когда те приехали, опора уже стояла. И все-таки почти на сутки прекратилась работа на Головном узле.

Жить так дальше было невозможно. Одно дело, когда высоковольтная линия являлась единственной дорогой электричества. Но теперь есть свои котлы и турбогенераторы, надо поскорее ввести их в строй, чтобы, как тогда говорили, не висеть на волоске.

Ежедневно Краснянская собирала десятников и бригадиров, «группу Турсунова». Обсуждали все до мелочей. А мелочей было мно-

го, очень много. Электростанция, доставленная Турсуновым, за свою сорокалетнюю службу имела добрую историю. Но жизнь изрядно потрепала старушку.

Нужно было одновременно достраивать здание, вести монтаж оборудования и ремонтировать его. В котле ремонтировались топки, система охлаждения и облицовка. А в это же время котел укрепляли на фундаменте, и тут же над ним укладывали перекрытия и стропила.

Турсунов оборудовал свою маленькую мастерскую, а нужен был завод. Приходилось одни детали возить в Ташкент, другие — в центральные механические мастерские. За что ни возьмись — все требовало рук и времени. Там, где должно было работать пятьдесят человек, толкалось двести. Иногда не хватало и этих двухсот, и тогда дядя Петя, залыхавшийся, вспотевший, вбегал в барак и, сняв затуманенные очки, близоруко поводил глазами:

— Есть тут кто? Живо к Турсунову!

Турсунов — это уже не фамилия, а словно пароль.

— Вчера у Турсунова котел затопили, — так люди обменивались новостями.

Говорили и так:

— Сейчас у Турсунова хорошо с колосниками, но питательный насос опять барахлит.

Наконец оборудовали котельную. В машинном зале установили паровую турбину и генератор. Заканчивали монтаж распределительного устройства, от него по линиям будет распределяться энергия.

Срок пуска станции приближался. Уже говорили, что котел вот-вот затопят и тогда будет ток, свой собственный ток. В эти последние дни и от разных людей я слышал о Турсунове:

— Вчера у Турсунова хотели котел затопить — не дал.

Эту новость принес Христофор.

— Почему не дал? — удивился Рашид.

— Говорит, запасного насоса не хватает, — ответил Христофор и продолжал: — Чудак. Разве на всю машину наберешь запасные части...

Потом я слышал, как возмущалась в «Голубых скалах» Ирада:

— Из-за какого-то насоса!. Как он не понимает... Для нас сейчас энергия...

Все удивлялись: как мог такой человек, как Турсунов, столько сил положивший на строительство ВТЭС, как он мог теперь тормозить работу всего узла, затягивать пуск станции.

Все на Головном узле говорили об упрямстве Турсунова.

— Подумаешь, нет запасного насоса!

На правом берегу Кинджика в новом высоком здании красного кирпича находилась временная тепловая электрическая станция — ВТЭС. Перед ней, за забором из колючей проволоки, заканчивался монтаж линии. Еще несколько часов и можно будет пустить станцию. В котельную подвезли уголь. Последний зимний ветер с гор разметывал угольную пыль. Может, и впрямь можно затопить котел? Нет, не велит Турсунов. Почему? А вот почему.

В громадном котле — это не котел в буквальном смысле, это сложное теплотехническое устройство, называемое котлом, — закипает вода, и пар под давлением в двадцать атмосфер подается в турбину. Турбина вращает генератор, и механическая энергия превращается в электрическую. Принцип ясен, но... Пар расходуется в больших количествах, в котел все время надо нагнетать воду, ее подает так называемый питательный насос. Если он сломается, то вода будет уходить, а стенки котла, охватываемые пламенем из топки, могут быстро про-

гореть, и тогда... Об этом лучше не думать. Может быть взрыв, страшный взрыв. Но если даже и не будет взрыва, то вся станция пропала — нужен новый котел.

Турсунову говорили, что в случае поломки насоса, можно затушить топку. Но он вполне резонно замечал, что и это очень непросто. Водой затушить топку нельзя: от резкого изменения температуры лопнут колосники, отойдет облицовка... Турсунов настаивал: привезу новый насос и пустим станцию, а пока энергия есть.

В тот день Турсунов уехал в Ташкент за насосом. А ночью ветер опять повалил опору. Краснянская звонила Торизо, тот выслушал ее и сказал, что примет меры.

Под утро дежурный механик ВТЭС получил приказ из отдела главного энергетика: дать ток.

Начали растапливать котел. Десятки людей собрались сюда. Ведь это по существу было такое же торжество, как и пуск обводного канала. За месяц закончить монтаж станции — это был рекорд!

Лица всех были взволнованы и напряжены.

— Жаль, что нет Турсунова, — сказала Анна Яковлевна и в этот момент, наверно, все почувствовали некоторую неловкость, словно все были в заговоре против Турсунова. Но эта неловкость длилась недолго. Кочегары, видя всеобщее внимание, старались изо всех сил. Время шло. Работали кочегары, но давление пара поднималось очень медленно. Прошло два часа. Ожидание многим стало надоедать. Люди начали расходиться. Наконец на станции остались Краснянская, Джураев, Ирада и еще несколько человек.

Мы были в столовой, когда вдруг загорелся свет.

— Ура! — закричал Кандыба.

— Ура! — закричали все находящиеся в столовой.

Когда мы кричали «ура!», радовались, тормозили тетушку Сабиру, на станции был самый напряженный момент.

Дежурный электрик первый заметил, что уровень воды в котле ниже нормы. Он бросился к насосу. Насос работал! Он думал, что прекратилась подача воды. Электрик доложил об этом Краснянской. Все молча смотрели в зеленое стекло, за которым уровень воды был без движения, но ниже красной полоски. Значит, где-то, в каком-то месте уже сейчас прогорает котел. Удивительно, что при этом насос работал, а уровень воды не повышался. Пар по-прежнему вырывался из котла и с огромной силой ударял в лопасти турбины, все механизмы работали нормально. Только уровень воды не поднимался. Время шло медленно и необыкновенно быстро. Его было очень мало, может быть, всего тридцать минут до взрыва...

Кто-то посоветовал выгрести уголь, кто-то позвонил в электроотдел; оттуда прислать человека отказались и посоветовали: смотрите сами, вам виднее. Так прошло минут семь-восемь. Краснянская сказала, что раз уровень воды не снижается, то, значит, питательный насос работает.

— Может быть, он просто подает меньше? — предположил Джураев.

— Да, конечно, — поддержала его Ирада. — Но как поднять уровень воды?

Прошло еще минут десять. Позвонили в электроотдел. Девичий голос ответил, что дежурного нет на месте, но на Головной узел человек уже выехал на аварийной машине.

Езды от Управления до Головного узла, езды даже самой быстрой, было не менее получаса.

— Шадманова,— приказала Краснянская,— идите на бетонный завод и оттуда позвоните, как там дела.— Затем она обернулась к Джураеву и что-то сказала ему. Он не ответил.

— Я никуда не уйду,— ответила Ирада.— Я буду здесь.

Прошло еще несколько минут. Кочегары по приказанию Краснянской перестали подкладывать уголь. Дежурный электрик вышел во двор. Все молча проводили его глазами и переглянулись. Потом электрик возвратился.

— Едет,— сказал он.— Наверно, «летучка».— И после недолгого молчания добавил:— Аварийная...

Минут через пять кто-то снаружи ногой треснул в дверь. Она распахнулась. Вошел Турсунов. Оглядел зал, пошел к котлу. Постоял у насоса, потом у урвня. Спросил одного из кочегаров.

— Давно затопили?

Тот ответил.

Затем подошел к щиту и долго глядел на показания приборов, обернулся и засмеялся. Ирада говорила, что из груди его вырвался не то смех, не то всхлип.

— Ну как?! Работаем?!

И все окружили Турсунова и тоже начали смеяться.

— Это такое стекло,— говорил Турсунов.— Уровень ниже полосы; так и должно быть...— И сделался серьезным и сказал дежурному электрику:— Гаси топку,— и пошел к турбине, стал слушать.

Потом он недолго говорил с Краснянской и Джураевым и уехал на линию, где упала опора,— в степь.

Вечером опять погасло электричество — опять выключили ВТЭС, но на рассвете зажглось,— это устранили аварию на высоковольтной линии.

Говорили, что Турсунова хотят разбирать на бюро, но на Голодном узле Вахида не было. Он уехал в Ташкент «добывать насос».

Когда он приехал, через два дня, было официальное открытие станции. Торизо разрезал ленточку, и в это время над входом загорелась лампочка. Праздновали пуск станции недолго. Торизо уехал, гости разошлись. Я слышал, как Турсунов говорил Джураеву что-то о разумном риске. Джураев ответил:

— Победителей не судят,— и протянул ему руку.

— Не в этом дело, я хочу, чтобы вы все поняли...— ответил ему Турсунов.

Глава двадцать шестая

Не так легко усмирить Кинджик. Мчатся его воды и по обводному каналу и по руслу. Правда, не так он широк, как прежде. Из воды проступили островами мелкие места. Отошла вода и от берегов, а все-таки не уступает река, не уходит вся в обводный канал. Чуть пониже от головной части обводного канала с обоих берегов начали отвоёвывать у воды сушу.

На бетонном заводе сделаны плиты. К берегу подвезли горы камней и гравия. И пока перемычка шла посуху, все было благополучно. Но когда подошли к воде, поняли, что камнями, даже большими, и даже бетонными плитами не утихомирить Кинджик.

Менжевецкий предложил навести понтонный мост— и в один день, вернее за несколько часов, сбросить с него одновременно такую массу камней и бетонных плит, чтобы завалить реку. Это был совершенно правильный путь. Много лет спустя громадные реки будут перекрывать именно таким способом. Правильный-то правильный, но нужно

доставать понтоны, строить мост — все это реально, но долго. Время! Время! Начало работ в котловане все затягивалось.

Приезжал Торизо и при всех на площадке ругал Вадима Семеновича за то, что технический отдел чего-то не предусмотрел. Вадим Семенович лишь пожимал плечами.

— Что вы молчите? Что вы жметесь?— разбушевался Торизо.— Где ваш график? Опять будете говорить, что срывается по не зависящим от вас причинам?!

Вадим Семенович молчал.

— Где Краснянская? Почему к ней нельзя дозвониться? Что за безответственность?

Он послал несколько человек на поиски Краснянской, и все вернулись ни с чем. На Головном узле Анны Яковлевны не было. Потом выяснилось, что начальник Головного узла и парторг строительства Джураев выехали на двуколке. И даже не взяли с собой кучера.

— Безответственность, граничащая с вредительством,— кричал Торизо.— Устроили прогулку! Нашли время!..

Он оставил на стройке Вадима Семеновича, а сам уехал взбешенный.

А в это время Краснянская и Джураев сидели в колхозной чайхане в горном кишлаке Сапльч. Чайхана стояла над Кинджиком. Два больших столба, опущенные в воду, поддерживали крытую веранду, в которой размещалась чайхана. От нее через реку был переброшен мост, основанием которого служили большие бревна, переплетенные хворостом. Бревна тоже стояли в воде. Связанные из прутьев громадные корзины, наполненные камнями, предотвращали наступление Кинджика на ту часть берега, в которую ударялась вода.

Кроме пути, предложенного Менжевецким, был еще один способ усмирить Кинджик. Здесь, в горных кишлаках, давно привыкли усмирять воду, заставляли ее работать на себя. Жители кишлаков строили перемычки и запруды, и вода шла на гору. Она приводила в движение мельницы, чигири, качавшие воду в сады.

Краснянская и Джураев объехали четыре кишлака, осмотрели десятки сооружений и вернулись на Головной узел. В тот же день в кабинете Краснянской было решено в строительстве перемычек применить методы народной гидротехники.

Когда Анна Яковлевна сообщила об этом решении Торизо, он с язвительной вежливостью ответил, что давно с любопытством наблюдает ее страсть к экспериментам и что это ему надоело настолько, что он вынужден будет принять, как он сказал, кое-какие организационные меры.

Разговор с Торизо Анна Яковлевна слово в слово повторила всем собравшимся. Ирада, присутствовавшая на совещании, решила тут же позвонить Торизо и высказать ему свое негодование. Когда много дней спустя она мне об этом рассказывала, глаза ее загорелись таким гневом, что я невольно вспомнил Эльпиде.

Решено было Торизо не звонить. Парторг Джураев предложил сначала закончить перемычку, а потом уже разговаривать с начальством. При этом он добавил, что обо всем расскажет в обкоме партии. Все согласились с ним. А это, конечно, было ошибкой. Нужно было Ираде сразу позвонить Торизо, а Джураеву тут же рассказать в обкоме о том, как неудачно складываются отношения между начальником строительства Торизо и начальником Головного узла Краснянской. Напрасно этого не сделали. Правда, на совещании присутствовал Вадим Семенович. В тот же вечер он обо всем доложил по телефону Торизо и даже пытался высказать свое мнение, но тот был непреклонен.

— Дело уже сделано,— сказал он Вадиму Семеновичу.

На следующий день на плотине появились новые сменные инженеры и производители работ — пришли мирабы из Кайданлыка, Сапылыка, Чумбайлыка. Старики осмотрели перемышку, недовольно покачали головами, тут же развели костер и сели пить чай. Потом они сказали Анне Яковлевне о своем плане, и работа закипела.

Громадные проволочные корзины опускали в реку и заполняли камнем. Так, шаг за шагом, отвоевывали землю у Кинджика. Головную перемышку закончили на второй день вечером и сразу перешли на низовую перемышку. Но в котлован все еще просачивалась вода, и тогда перемышку стали заваливать гравием и песком. Это была уже не борьба — Кинджик сдался, и вся вода пошла в русло обводного канала. Теперь все дело было в насосах, ибо между перемышками образовалось довольно большое озеро, нужно было его поскорее выкачать. Экскаваторы по дороге подошли к самому берегу. Дальше вести полотно дороги для экскаваторов было невозможно. Грунт был мягкий, топкий, как у нас говорили — подвижный. Надо было сначала выкачать воду.

В последних числах февраля на берегу Кинджика мне пришлось встретиться снова с монтером Карнакерьяном.

В экскаваторном парке было несколько запасных моторов. Мы их монтировали на берегу, прикрепляя к сбитым наподобие плота шпалам.

Нужно было до конца смены пустить насосы.

Мы закрепили мотор, Карнакерьян подвел кабель. Я стал укреплять рубликник на столбе. Потом мы надели на валик подвесной ремень, включили рубликник и насос заработал. Карнакерьян засмеялся от удовольствия.

— Есть! — кричал он. — Станция готова!

Мы дали поршням немного разразботаться. Постояли, послушали, а когда пошла вода, появился Басит Атакулов — наш сменщик.

— Вот тебе раз, — воскликнул Карнакерьян, — мы монтировали, а он будет сливки снимать!

— Пожалуй, — улыбнулся Басит.

У Карнакерьяна было приподнятое настроение. После смены мы пошли вместе с ним, но он по дороге вспомнил, что не сказал Баситу Атакулову, как поступить в случае аварии, и помчался назад.

Мой путь лежал к «Голубым скалам». Еще утром Алмазов сказал мне, чтобы я зашел после смены к Тахтабаеву и взял у него нормативы для экскаваторов, стоящих на дне старого русла реки.

Я шел быстро. Но не успел я взяться за ручку двери, как вдруг она открылась и оттуда вышла Ирада.

— Джевдед, это вы? — воскликнула она. — Как вы сюда попали?

В голосе Ирады волнение, в глазах смущение и растерянность. Она стояла на пороге и загораживала собой вход, стояла молча и глядела на меня, казалось, невидящим взором.

И вот тут-то я понял, насколько я молод, неопытен, глуп. Неопытен не потому, что молод, а потому, что слишком доверчив. Я всегда верил словам и не присматривался к поведению людей. И вот — непонятное, неожиданное.

«Люди должны доверять друг другу», — сказал мне однажды Кандыба. Но как быть, если около тебя находится такой, как Архипка, который готов спереть один из двух твоих глаз? Поэтому нужно быть предусмотрительным. Но я забывал, что жизнь не совсем проста.

Когда в дверях показалась Ирада, я чуть не сошел с ума. Она была такая растерянная... И она явно не хотела, чтобы я вошел. Почему?!

— Джевдед!.. Это вы?

— Да, это я. Разве я тут никогда не бывал? Почему вы так удивились, Ирада?

— Не то, чтобы я удивилась...— сказала она. Голос у нее дрожал от волнения.— Просто, знаете... Потому, что за последнее время не заходили сюда...

— Я прихожу по необходимости...— с достоинством ответил я, понимая, что сжигаю за собой мосты.— Сейчас мне надо увидеть Тахтабаева!

— Тахтабаева? А вот он,— Ирада показала движением головы в сторону железнодорожной будки.— Как раз он сюда идет.

В самом деле, Тахтабаев шел по берегу, медленно, вразвалочку. Дойдя до шлагбаума, он остановился и стал рыться в карманах. Я двинулся ему навстречу. Пока я дошел до него, он уже успел вытащить из кармана трубку и раскурить ее...

— В чем дело?— спросил он строго, увидя, что я остановился перед самым его носом.— У вас авария?

«Да, у меня авария»,— хотелось мне ответить.

— Какая там авария?— сказал я тоном человека, которому сейчас море по колено.— Экскаватор стоит в воде. Мы, ведь, Мавлян-ака, сейчас налаживаем насосную станцию!

— Знаю! И слава богу, что вы теперь не на горе, а в воде. Сколько мне из-за вас доставалось!.. Теперь душа моя спокойна. Чего тебе?

— Алмазов прислал, нужны новые нормативы.

— Ах да! Нормативы... Я совсем забыл. Пойдем!

Ирады в «Голубых скалах» не было. Комната была пуста, темна и прохладна.

— Где они? Уже ушли, что ли?— произнес Тахтабаев, собираясь сесть на маленькую табуретку, стоявшую за широким старым тонконогим столом. Он произнес эти слова безразличным тоном, не подозревая, как мне тяжело стало от его слов.

— Кто ушел?— спросил я.

— Ирада и новый начальник...— проговорил он.

— Кто?

— Да этот самый... Неужели не знаешь! Ну, жених ее!..

Сердце мое забилось сильно-сильно, жар охватил голову и щеки. Чтобы скрыть это от Тахтабаева, я отвернулся и, задыхаясь от горя, взглянул в окно... Лучше бы я не смотрел туда! Около старого тополя, одиноко возвышавшегося за серыми замшелыми камнями, медленно шла Ирада и — ну, конечно же, Турсунов. Я знал, что это он, ясно видел его, но не хотел верить своим глазам.

— Посмотрите сюда, Мавлян-ака,— сказал я Тахтабаеву.— Кто это рядом с Ирадой?

Он неохотно встал с места, подошел к окну, взглянул, вернулся обратно и сел на место.

— Турсунов... Не узнал?..— ответил он лениво.— Я же тебе сказал. Ирада и он сидели здесь за столом. Сначала они ругались из-за станции. Ирада говорила, что, когда Турсунов велел затушить котлы, в ней что-то надорвалось, ведь станцию так все ждали...— Тахтабаев посмотрел на меня и грустно покачал головой.— Да, все ждали... Это она правду сказала — все ждали. А он, Турсунов, один пошел против всех. Я сначала тоже на него сердился.

— Ну?— спросил я.

— Что ну?

— Что было дальше?

— Он сказал, что должен был пойти против всех и что не мог рисковать... Я, говорит, знал, что теряю... Понимаешь, Бекиров, он знал, что теряет, и все-таки пошел на это. Тут и я понял: нет, мы все ошиба-

лись, а он был прав. А если бы случилась авария? А он, может, и за Ираду боялся...

— А Ирада?— спросил я.

— Она спорит. Могло, говорит, и не быть аварии, вы, говорит, просто боялись... А Турсунов стал такой печальный: «Неужели вы не в состоянии понять меня?» Говорили о чем-то долго. О чем? Кто знает, что он шептал? Какая-то ночь, были вместе, говорит. Вижу — разговор не для меня. Взял и ушел. Пошел к стрелочнику, попросить у него заварки. А он купил в Ташкенте плиточного чаю, ножом его режет. Ну и, конечно, посидел у него. Раньше тоже был такой чай. Очень душистый.

Итак, Турсунов. Вот оно что! Значит, Ирада подбежала к двери «Голубых скал», потому что увидела меня. Встала на пороге, загородила ход — ни туда, ни сюда! Теперь понятно... Здесь сидел Турсунов. Может быть, это он велел Ираде не пускать меня. Хитро сделано!

Неужели Ирада способна... И нашли укромное место. Полутемная комната... Но почему они выбрали именно это место? И неужели все, что она мне говорила раньше у себя дома, — была игра? Пошутила или обманула? Почему же она заперлась тут с этим человеком? Стало быть, она все еще не может его забыть? Теперь-то я начинаю понимать. Я никогда не думал, что надо мной кто-нибудь вздумает так посмеяться...

Я долго стоял у окна.

— Ты что? Оглох?— закричал Тахтабаев, трясая меня за плечи.— Чего стоишь, как столб?

Я повернулся, посмотрел в его чуть раскосые живые острые глаза.

— Мавлян-ака! Как вы думаете: для чего тут сидели Турсунов с Ирадой? Что между ними могло быть?

— Как что?— возмутился он.— По тому, как они украдкой поглядывали в мою сторону и говорили шепотом, я понял, что разговор шел о тонких чувствах. Впрочем, кто его знает. Ты говоришь, пришел за нормативами?

— Да, Мавлян-ака! Дайте мне нормативы, я вам завтра верну.

— Не забудь! А то новый начальник в любой момент их может потребовать.— Тут до меня впервые дошли эти слова.

— Новый начальник?

— Ну, да. Краснянская ушла от нас!

— Как ушла?! Анна Яковлевна?!

— Да! На ее место назначен Турсунов. Вахид Турсунов.

— Турсунов!

— А ты не знал? Я ж тебе говорил...

— Турсунов!— Значит, Ирада разговаривала в «Голубых скалах» с начальником Головного узла!.. Я был потрясен.

— А Анна Яковлевна? Куда ее?

— Она получила назначение на Волгострой. Говорят, там начато крупное дело.

Значит, от нас ушла Анна Яковлевна, славная и умная женщина. Она не умела думать о своем благополучии, не любила выделяться, не подчеркивала, что знает много. А знала она очень много.

...Христофор лежал на койке, а Николай сидел рядом и играл на гитаре и пел: «Моя Лара, моя Лара».

Я сидел на табуретке и слушал: «Моя Лара, моя Лара». Мне было больно.

— Чего не идешь обедать?— спросил Николай.— Скоро столовая закроется.

— Не хочу!— ответил я.— Играй!

— Что с тобой?— стрельнул в меня Христофор своим единственным глазом.— Тебе нездоровится? Говори, что случилось!

— Ничего особенного! Анны Яковлевны у нас уже нет! Слышали?
— Да,— сказал Николай.— Мы тоже только что об этом узнали. Очень жаль, что она ушла от нас. Но мы, дорогой друг, слышали и другое.

— Что именно?

— Вместе с Краснянской уезжает Ирада.

— Ирада? Кто это вам сказал?

— Один человек.

— Кто?

— Один человек.

— Кто?!!

— Не шуми, Джедвед,— Христофор привстал на постели, опираясь на подушку.— Ты не шуми.

...Как все это непохоже на тебя, Ирада! Нужно ли мне верить тому, что увидел и услышал? Но кому же верить, если не самому себе?

Надо что-то предпринять! Но что? Искать Ираду? Нет. Ни за что! Я разделся, лег и мгновенно заснул.

Проспал вечер и ночь. Меня разбудил голод.

— Почему это ты сегодня пришел раньше всех?— спросила Сабир-а-хола, когда подавала мне чай в жестяной кружке.— И почему такой мрачный? Идешь или только пришел с работы?

— Иду,— ответил я.— Мы теперь в дневной смене.

— Ираду видел?— спросила она и бросила на меня испытующий взгляд. Взгляд мне показался подозрительным. Опять что-нибудь выпытывает.

— Нет, не видел!— соврал я.— Работать приходится много. Очень устаю. Все некогда.

Глава двадцать седьмая

Тело Екатерины Васильевны нашли в Ташкенте. Туда срочно выехали Мансуров и Джураев. Говорили, что она покончила с собой, но потом стали известны страшные подробности этого убийства. Ее нашли в арыке неподалеку от дома ее приятельницы-библиотекарши.

Выяснилось, что приятельница ничего не знала, а лишь догадывалась, что Екатерина Васильевна приходила с кем-то. Да, она в тот день вечером пришла домой и заметила, что журналы лежат не там, где она всегда их кладет. На кухне остались две невмытые тарелки, две вилки, два стакана. Значит, приходили двое.

Когда эти сведения дошли до нас и когда после похорон Екатерины Васильевны возвратились Мансуров и Джураев, я не мог найти себе места.

За несколько дней до смерти Екатерина Васильевна написала мне записку:

«Дорогой Джедвед! Простите, что я так вас называю, мне очень нужно поговорить с вами о себе и еще об одном человеке, которого вы знаете. Я вас очень прошу, как только вы освободитесь сегодня, немедленно приходите ко мне. Я вас долго не задержу.

Не подумайте чего-нибудь. Мне просто надо с вами поговорить.

Е. М.»

Хорошо, что я не порвал этой записки.

Было так. Я пришел в барак поздно, когда уже стемнело. Рашид подал мне записку и сказал:

— Кто-то приходил к тебе. Какая-то женщина. Я спал, она сказала, что тебя вызывают...

Он не читал записки, спросонья в полутьме не обратил внимания и на того, кто приходил.

Я сначала решил не ходить, а потом все-таки пошел. Екатерина Васильевна открыла мне, шепнула:

— Тише! Мансуров только что пришел. Пообедал и заснул. Давайте поговорим здесь.

— Давайте,— согласился я.

— Джевдед! Помните, я рассказывала вам, что познакомилась с механиком Любимовым, вы его назвали Мушуком, помните?

Я молчал.

— Конечно, помните,— продолжала Екатерина Васильевна.— Вы извините меня за откровенность, он захватил меня как человек, ну, если хотите, как мужчина. Я бываю с ним кое-где у знакомых.

Она замолчала, задумалась, может быть, прислушалась. Было тихо.

— А недавно он попросил меня помочь ему. Поехать с ним в город и...— она замаялась,— словом, помочь. Я, конечно, отказалась. Разве я могу пойти на это? Джевдед, вы знаете этого человека. Кто он? Я рассказал Екатерине Васильевне все, что знал о Мушуке.

Когда я рассказывал, она кивала головой.

— Боже, боже мой, я так и знала, так и думала. Я боюсь его, вы понимаете?

Послышались шаги. Екатерина Васильевна быстро отворила дверь. Я вышел. С тех пор я больше ее не видел.

Я шел домой растерянный.

...Вместе с Джураевым на грузовой машине мчимся в Ташкент. В милиции и в прокуратуре заинтересовались таинственным убийством Екатерины Васильевны. Самый точный адрес убийцы дал я. Подозревали несколько человек, в том числе и Мушука, грабителя и рецидивиста. Я думал, меня будут ругать, может быть, обвинят, что я косвенно виновен в смерти Екатерины Васильевны, но оказалось не так. Во всем была виновата сама Екатерина Васильевна, которая, по-видимому, сначала оказалась соучастницей Мушука, а потом испугалась и...

— Но если бы я раньше принес эту записку, при ее жизни,— говорил я прокурору и следователю,— может быть, ничего такого не случилось!

— Как знать. Подробная любовь часто кончается трагически. Ведь Мушуку больше всего нужна была соучастница...

Джураев успокаивал меня.

— Знаешь, теперь уж не вернешь. Я тоже совсем недавно совершил ошибку. Турсунов наш, конечно, золотой человек, но надо было бы за Краснянскую повоевать. Это моя вина. Упустил момент, а когда поехал в обком, было уже поздно. Поругали, конечно, Торизо, а что толку? Где сейчас Анна Яковлевна?

— А правда, где сейчас Анна Яковлевна?

— Собирается на Волгострой. Будет тоже начальником Головного узла, больше нашего в несколько раз.— Джураев помолчал и добавил:— Не легко было мне с ней, очень она требовательный человек, но хороший... коммунист.

Джураев задумался, видно что-то вспомнил, и улыбнулся.

— Знаешь, что такое коммунист?— спросил он. И стал говорить, словно вспоминая чьи-то слова:— Коммунист— слово латинское, коммунист от слова общий. Коммунистическое общество это— все общее: земля, фабрики, общий труд. Вот что такое коммунизм. Никогда не слышал?

Я отрицательно покачал головой.

— А я помню. Я ведь родился на железной дороге — двадцать второй пост, знаешь, может быть, недалеко от Урсатьевской. Там родился. Отец и все мои — на железной дороге. В семнадцать вступил в Красную гвардию, а в двадцатом, в самый голод, был в Москве. Послали меня как секретаря укома, и я слышал Ленина на съезде комсомола. Вот эти слова про коммунизм он сказал. — Он помолчал и, взвешивая слова, добавил: — У таких, как Краснянская, Тахтабаев, тоже есть коммунистическое чувство. Все для общего дела. О себе не думают...

...Мансуров встретил меня с печальной улыбкой, пожал руку и долго держал в своей руке. Потом поблагодарил.

— Его найдут, — сказал он. — Обязательно найдут. — Мансуров сморщил лицо, словно от боли. — Она была очень доброй женщиной...

Мансуров изменился, похудел. Он действительно очень любил Екатерину Васильевну. Но в какую-то минуту мне показалось, что, оплакивая ее, он оплакивал больше себя, свою неудавшуюся семейную жизнь. И еще я заметил, что, когда Мансуров говорит об Екатерине Васильевне, в словах его чувствуется мужество и уверенность, те свойства, которые никогда не были присущи ему, когда она была жива. Может быть, после смерти жены он почувствовал облегчение, пусть даже пока и не осознанно.

Прошло несколько дней, на стройке одна новость сменялась другой. Заговорили, что строить плотину нельзя, ибо как раз там, где нужно было рыть котлован, оказались сплошные скалы. Ни ковшом взять, ни взорвать. Кто распространял такие слухи, я не могу сказать, однако об этом говорили все.

В котловане озер не стало. Только в глубоких местах остались небольшие лагуны. Осторожно пробираясь в резиновых сапогах, я впервые посуху пересек бывшее русло Кинджика. Экскаваторы по-прежнему жались к берегу. Но все уже было готово к дальнейшему продвижению. По сухим местам проложили шпалы и рельсы. У трех насосов, которые обслуживала смена Алмазова, экскаватор пока не работал, там царствовал монтер Карнакерьян. Если даже насосы работали «как часы» (любимое выражение Карнакерьяна), он всегда находил себе дело. Был чрезвычайно деловит и сосредоточен.

Меня он встретил восклицанием:

— Ну как, закончил уголовные дела?

— Закончил.

— Вот и хорошо. А у меня, понимаешь, второй номер барахлит.

К нам через Кинджик шел Алмазов. Подойдя, он пожал мне руку и ничего не спросил, сказал только:

— Кончать надо с этой водой. — Он осмотрел насосы. — Выровните шланги! — крикнул он Христофору. — Где Николай?

— Пошел шланги подтаскивать, — ответил Христофор.

Алмазов успокоился и засмеялся:

— Черт знает, что такое, — сказал он, — были мы экскаваторщиками, а превратились неизвестно во что. А как включается этот мотор? — Алмазов указал резиновой перчаткой на один из моторов. Рашид включил мотор, развернул шланг.

— Ну-ка, посмотрим, что у нас получится.

Карнакерьян со всего размаху ударил резиновой перчаткой по рубильнику. Ножи рубильника вошли в гнезда, мотор завыл, загудел. Валик завертелся, насос стал подавать воду, загоняя ее в широкий шланг, по которому она поднималась в обводный канал.

Я окинул взглядом весь котлован. Огромное каменное поле, состоящее из округлых валунов, было заполнено множеством людей. Землекопы грузили камни. То и дело какая-нибудь машина буксовала, со

всех сторон ее облепляли люди, и машина медленно выкатывалась из рва, который она же вырыла задними колесами. Сотни людей бродили на огромном участке по колено в воде.

Качать воду, признаться, дело скучное и монотонное. И все-таки мы все вертелись вокруг станции. Утром мы осматривали экскаватор, рельсы, предполагая каждый день начать работу, а затем, ругаясь, шли к насосам.

Как-то к насосной станции подошел Турсунов в сопровождении Мансурова.

— Знаете, старина,— сказал Турсунов Алмазову,— надо с водой кончать. Завтра поставьте у моторов одного монтера... И все!

— Правильно,— авторитетно подтвердил Карнакерьян.— Нечего им здесь делать...— Он указал на Алмазова, на меня.

— Один электромонтер тут, пожалуй, не управится, Вахид Саматович,— сказал Мансуров,— дело ведь не только в моторах! Надо еще управлять работой всего объекта, перетаскивать шланги...

— В таком случае, поручите это Тахтабаеву,— перебил его Турсунов,— скажите ему, пусть на завтра обеспечит людьми насосные станции. Терять зря время нельзя. Назначьте, Абдулла Садыкович, столько людей на моторы, чтобы завтра к вечеру воды на участке не было. Завтра с утра начинаем рыть котлован.

Потом Турсунов спросил, где работают молодые экскаваторщики.

— Часть из них осталась тут,— ответил Мансуров.— Я дал указание...

— Где тут?

— На котловане...

— А кому дали указание? Краснянской? Мне? Может быть, Тори-зо?— скептически улыбнулся Турсунов.

— Нет... Направили в распоряжение Кинджикстроя. Они, видимо, получили назначение на деривационный канал. Мы часть тут... Мы взяли выпускников и...

— Очень приятно слышать вместо «я» — «мы». Но я спрашиваю о школе. Шадманова докладывала, что для своей смены она хочет взять шесть выпускников. Это возможно?

Мансуров расхохотался.

— Ну, уж если вам докладывала Шадманова, будьте уверены... она сумеет взять кого ей надо.— Сказав это, Мансуров испугался. Ведь совершенно неожиданно для себя он намекнул на личные отношения этих двух людей.

Турсунов не обратил ни малейшего внимания на прозрачный намек.

— Очень похвально с ее стороны,— сказал он.— Так вот, Абдулла Садыкович, мы с вами условились: экскаваторы завтра должны быть на своих площадках. И работать!

— Все будет как приказано!— ответил Мансуров.— Но один экскаватор я оставлю на берегу. Не возражаете?

— Мы же об этом говорили,— уже с досадой произнес Турсунов.— Пусть выравнивает берег. И давайте вечером соберемся: вы и сменные инженеры. Джураева мы хотим сделать бетонщиком, а Шадманову ответственной за котлован.— Турсунов пожал каждому из нас руку и пошел на перемычку.

— Насчет тросов как?— спросил Алмазов.

— Тросами обеспечу всех!— с достоинством ответил Мансуров и пошел вслед за Турсуновым.

Такой это был человек, Мансуров. Вместо того, чтобы идти за начальником, ему бы еще сегодня следовало организовать доставку тросов. Но он считал, что главное — быть на глазах у Турсунова.

На следующий день мы, как обычно, занялись осмотром машины. Я полез, правда, на этот раз уже не по своей воле, на стрелу, смазал валик. Провозился почти час. Когда слез, Андрей Захарович показал резкие перегибы на тросе. А Мансурова все не было. Не было и Кандыбы с Дураниди, которых с утра послали на склад. Только к вечеру нам привезли новый трос. Решили не откладывать, и сегодня же заметить его.

Было уже совсем темно, когда Андрей Захарович занял свое место.

— Ну, теперь мы перероем весь Кинджик.— Вид у него был такой, словно он только что спас челюскинцев.

Он запустил экскаватор сначала на холостой ход. Мы все стали прислушиваться. Хороший экскаваторщик слышит, не заедают ли рычажные передачи. Плавное ли включение и выключение муфт и тормозов. Не обнаружив угрожающего шума, убедившись в нормальном действии пусковой и регулирующей аппаратуры, Алмазов остановил экскаватор и велел нам идти спать.

Так мы, хоть и было приказание Турсунова, и не начали рыть котлован. На некоторых экскаваторах люди оставались на всю ночь. В эту ночь, видно, не спал и Турсунов. Утром на участок створа плотины пришли все строители Головного узла.

Только мы начали работать, как на борту экскаватора неожиданно появился Мансуров.

— Мне очень интересно,— закричал он в ухо Алмазову,— какая здесь глубина грунта? По проекту, тут блюдцами расположен конгломерат.

— Что это такое?— спросил я.

— Цементированная галька. Несколько миллионов лет назад...— начал Мансуров.

— Ладно,увидим,— ответил ему Алмазов.— Но меня интересует другое. Какова будет высота верхнего бьефа плотины?

— Пока это не так важно!— ответил Мансуров.— Мы только начинаем рыть котлован. Гребень должен достигать десяти метров. Это вас устраивает?

— А длина плотины?

— Двести метров. Но она будет широкая. Гораздо шире, чем вы думаете! Метров семь-восемь. Так что по ней смогут проезжать автомашины. Одним словом, это будет длинный мост через Кинджик. За верхним бьефом возникнет целое озеро, откуда по бетонированному деривационному каналу, длиною в девятнадцать километров, пойдет вода в сторону Кок-Бугуза. Учтите, вода по этому каналу постепенно снизится до семидесяти метров. И за счет падения появится энергия, которая и будет вращать турбины.

— Когда мы все это увидим?

— Когда? Это зависит от нас самих.

— По-моему, не только от нас, но и от вас...— возразил Алмазов. Он быстро опускал ковш в прорытую уже довольно глубокую траншею и выбрасывал породу на берег.— Но вы видите, какой грунт?— сказал Андрей Захарович.— Видите— тяжелый, глыбы, рыть очень трудно. Сердце мое чувствует, что тут что-то неладно.

Мансуров не отходил от нас. Он даже взял кирку и решил помочь Христофору и его нижникам, которые прокладывали путь для экскаватора.

Работа не спорилась. Ковш то и дело скользил по грунту. А когда зубцы его цеплялись за пласт, земля вокруг шевелилась. Новый трос натягивался до предела— вот-вот оборвется. Алмазов перебрасывал

ковш с одного места на другое, цеплял там, где грунт ему казался более рыхлым.

Я стоял рядом с ним, пораженный неподатливостью почвы. Машинист молчал. Было не до разговоров.

Мансуров ушел.

Сквозь грохот машины послышался женский голос.

— Алмазов, Алмазов! Выключайте рубильник.

Я вышел на борт. Да, это был ее голос. Около экскаватора стояла Ирада. Сердце мое забилося. Я не видел Ираду больше недели. За это время она заметно победнела и осунулась.

— Здравствуйте, Ирада!— сказал я и вдруг вспомнил последнюю встречу.— Как вы сюда попали?

Она улыбнулась. Она поняла, что я повторил ее слова, сказанные у входа в «Голубые скалы».

— Что у вас тут происходит?— спросила она, поднимаясь в машину и подходя к Алмазову, который все еще сидел на месте, ожидая указаний.— Вахид Саматович мне сказал, что с грунтом у вас не в порядке.

— Скандал! Камней вроде нету, а ковш ничего не берет! Одно мучение.

— Слезайте вниз!— приказала Ирада.— Давайте посмотрим, что там такое!

Ирада и Алмазов обошли экскаватор сзади, подошли к яме и остановились. Потом Ирада живо прыгнула на дно ямы, туда же спустился Алмазов. Когда они вылезли, Ирада спросила:

— А у Юлдашева? Такая же история?

— Еще хуже!— ответил я.

— Да, это конгломерат... И напрасно мы пытаемся снять его ковшем.

— А что нам делать, Ира?

— Вам ничего делать не надо! Конгломерат будем взрывать... Потом решим, как его убрать. А пока работу прекратите.

— Чем нам заняться?

— Готовьте дорогу назад, на берег. Отведите машину. Завтра начнем взрывные работы. Турсунов прислал меня проверить котлованы и установить возможность работы экскаваторов. Экскаваторам тут делать нечего. Я сейчас доложу. Христофор, здравствуйте!— Она пожала ему руку.— Вот как получается. Только начали — уже остановка. Но это мы знали...

Эх, если бы и мы все заранее знали!

Я обернулся и увидел, что рядом со мной стоит Карамат и смотрит на Карима, который у своей машины разговаривает с Ирадой.

— Я очень соскучился по вас, Карамат! Где вы были?— спросил я.

— В командировке... Разве не знали? Я была в Ак-Чулаке. Почему вы скучали по мне? Здесь была Ирада.

— Ирада!— с горечью повторил я.

— Что случилось, Джевдед?— Карамат заглянула мне в лицо. Голос у нее был заботливый.— А, Джевдед?

— Ничего не случилось.

— Поссорились? Или... или... Бросьте, Джевдед, все будет хорошо!

— Я и так бросил. И так все хорошо.

Карамат посмотрела в ту сторону, где стояли ее Карим и моя Ирада, потом снова взглянула на меня и пошла, бросив на ходу:

— Как хотите. Я вмешиваться больше не стану!

Появились два моста через Кинджик, две перемычки, преграждавшие путь воде. Между ними был котлован. По насыпям непрерывным потоком шли машины. Многие машины буксовали, останавливая движение. Пришлось расширить дорогу, в начале и в конце переправ поставить регулировщиков. Ими стали паромщики. На одной из перемычек проложили рельсы. На правый берег для строительства деривационного канала и силового русла переправляли экскаваторы. Начальником участка правого берега и силового русла был назначен Менжевецкий.

Неподалеку об бетонного завода, у самой подвесной дороги, появился небольшой домик, сложенный из нескольких бетонных плит. Он был разгорожен на две части. Из «конторы» дверь вела в маленькую комнатку с небольшим окном. Это была так называемая спальня. Здесь жил Менжевецкий. Сюда он приходил днем на полчаса и отдыхал. Закрыв глаза, он сидел у письменного стола в глубоком мягком кожаном кресле с высокой спинкой, бог весть откуда появившемся здесь, в бетонном домике. После отдыха Менжевецкий снова выходил на участок, как всегда бодрый и энергичный.

В первой комнате, в конторе, днем и ночью пылала жаром электрическая печь. В контору приходили люди греться. Только греться, ибо громко разговаривать и курить категорически запрещалось.

— Вы видите, голубчик,— объяснял Менжевецкий какому-нибудь рабочему, нарушившему запрет и закулившему сигарку,— вы видите, сударь, что я никогда в этих... так сказать, аппаратах не позволяю себе курить. Хотя,— широкий жест рукой,— все свидетели, что и работаю я немало, и курю тоже много. Но согласитесь, в комнате, где живешь, должен быть, если не элементарный уют и порядок, то хотя бы свежий воздух. Не так ли?

После такого выговора, виновный обычно несколько минут ошалело смотрел на Менжевецкого, а потом, пожав плечами, уходил из конторы, и больше туда с дымящейся сигаркой не заходил.

Я рассказал об этом, чтобы показать манеру обращения Менжевецкого с рабочими. Манера эта удивляла всех, но действовала безотказно, куда лучше, чем ругань.

В тот же день Кандыбу, Христофора, Рашида и меня послали к Менжевецкому с двумя новыми тросами. На его участок по железной дороге пришли два экскаватора, нужно было заменить изношенные тросы. Мы разгулялись у конторы и пошли разыскивать Менжевецкого.

Мы нашли его на «верхней отметке». Он стоял с десятником на высоком откосе у реки и был похож на полководца во время сражения. Брезентовый плащ развевался на ветру, но Сигизмунд Генрихович был слишком воодушевлен или слишком занят, чтобы обращать внимание на ветер. Он показывал десятнику рукой на котлован, видимо, что-то объясняя. Под ними бесновался Кинджик. Подойти к Менжевецкому было невозможно — перед нами высилась стена. Мы пошли в обход. А когда поднялись и остановились, чтобы закурить, вдруг почувствовали толчок, словно нас что-то снизу ударило в подошвы. За первым толчком — второй! Мы переглянулись.

— Это бывает,— сказал Рашид.— Однажды на горе меня так же приподняло, не сильно, чуть заметно. Я подошел к скале и стал под нее. Случайно встал. А тут — снежная лавина. Откуда взялась? Снег, лед — как посыпалось! А меня не задело.

Только успел Рашид рассказать историю с лавиной, как у нас под ногами появилась в земле маленькая узкая щелочка, словно змейка

пробежала. И мы увидели, как высокий холм, на котором стоял Менжевецкий с десятником, начал медленно съезжать в реку.

Змеевидная щелка под нашими ногами начала расширяться. Земля осела. Мы оказались над Кинджиком, до которого только что было шагов двадцать.

Но самым удивительным было то, что мы увидели: внизу под нами образовался холм, который с трех сторон обмывался Кинджиком. Посредине этого холма стояли десятник и Менжевецкий, и ветер по-прежнему развевал полы брезентового плаща инженера.

Рашид оказался самым смелым. Он прыгнул на холм. Ноги его почти по колено погрузились в мягкий грунт. Он выкарабкался и побежал к Менжевецкому. Все трое попробовали выбраться самостоятельно, но ничего не получалось.

Пришлось принести канаты и вытягивать товарищей по очереди. Вода быстро размывала бугор, который почти сразу превратился из полуострова в остров.

Когда мы пришли в контору, Менжевецкий продолжал выговаривать десятнику:

— Я уже вас предупреждал, что это сейсмический район, нужно укреплять берега. Вы теперь убедились?

И, обращаясь к нам, продолжал:

— Мы как раз стояли на берегу, и я объяснял, как надо укреплять берег, а Алексей Иванович,— Менжевецкий указал на десятника,— возражал, говорил: берег крепкий, успеется. Я очень рад, я очень рад, что так получилось!

Десятник ничего не ответил, только, когда мы вошли в контору, посмотрел на Менжевецкого и заметил:

— Разрешите в честь нашего избавления закурить в конторе.

— Что вы?!— замахал на него руками Сигизмунд Генрихович.— Это с какой стати?

К вечеру мы заменили тросы и пошли доложить об этом Менжевецкому. Ни на участке, ни в конторе его не было. Я тихонько приоткрыл дверь в спальню и увидел Сигизмунда Генриховича: он сидел за столом с закрытыми глазами.

— Можно к вам?— вполголоса спросил я.

Менжевецкий не ответил — этот получасовой отдых был неприкосновенен.

...Пришли с работы в барак, переоделись, сели пить чай. Бассараба повел Рашида и Басита в кино. Христофор и Карим ушли в столовую. Мы с Николаем молча сидели за столом, лениво жевали хлеб.

Если макнуть хлеб в чашку, затем откусить кусочек от сахарной глыбы, положить хлеб в рот и запить глотком чая, то вкус получается великолепный, особенно, если хлеб ржаной.

Мы макали хлеб в чай. Наслаждались.

Я глядел на Николая: плечи широкие, руки мускулистые. Мне приятно на него смотреть. Сильный, здоровый. Я долго оглядываю его, не зная о чем говорить. Вроде бы не о чем. Он это чувствует. Наконец, мы оба хохочем.

После ужина Николай вынимает зеркальце и причесывается. Ему нравится расчесывать волосы. Но не вечно же стоять у зеркала.

— Однако какая скука! Что будем теперь делать, Джемед?

— Спать!— сказал я.— А что еще?

— Спать? Нет, еще рано. Кто много спит — у того и башка спит.

Он сунул расческу в ящик тумбочки, зеркальце положил под подушку и направился к двери. В это время постучали. Николай отворил дверь. На пороге стояла Валя Синицкая. В чистой белой кофточке, в новой синей юбке.

— Прощу!— пригласил Николай, с удивлением оглядывая ее.— Из каких краев?

— Я к тебе, Николай. Конечно, не ожидал?!

— Ко мне? Не ожидал? Всегда ожидал.— Кандыба был спокоен и весел.— Прощу садиться! Сколько лет, сколько зим... За кого теперь просить будете, миледи?

— И не стыдно, Николай?— Валин голос дрожал. Похоже было, что она вот-вот заплачет. Но она не плакала.— Хоть бы раз ко мне заглянул... Спросил бы, как Валя поживает.

— У кого? Мушука след простыл, Архипка тоже исчез. Навестил один раз, в день пуска обводного и исчез.

— Мушук? Ты знаешь, Мушук подступал, пробовал запутать — не вышло. А Архипка... Я никого не боюсь... Их я не боюсь.

— Нет, я так просто сказал,— начал оправдываться Николай.

— Схожу, погуляю,— я встал с кровати.

— Сиди!— прикрикнул Николай.— Никуда не пойдешь.

Я сел.

— Я о тебе не забывал. Разок постучал в дверь коммутатора, да тебя не было.

— Когда?

— Месяца... ну два, что ли, назад.

— Смешно... Я ведь посменно. Разок постучал. Мог бы еще раз, может, застал бы.

— Зачем? Беспокоить начальство?

— Да ты ведь теперь тоже начальник!

— Я? Помощник машиниста... Живем, видишь, пока здесь, значит, еще небольшое начальство.

— С тех пор, как я ушла из женского барака, вы все изменились.

— Мы?

— Раньше были отчаянные. Теперь стали вежливые. Я тебя не узнаю, Николай! И тебя, Джемед, тоже...—и Валя пристально и строго посмотрела на меня.— Что стало с вами? Помнишь, когда с Архипкой схлестнулись?.. И Мушука дразнили при дяде Пете...

Николай рассердился. Вот так номер! Валька-беломорка, сорванец, приделась, видно, и пить стала меньше, попрекает: изменились, стали вежливые.

— А какими мы были? Хулиганы? Воры? Грабители?

— А на Пятиречье ты каким был?

— Чего объяснять? Ты сама знаешь — я на Пятиречье завербовался, я там срок не отбывал. А многие думают так! Фармазонщик, домушник? Для меня мелко. Медвежатник? А может, я и в самом деле медвежатник? Да что там говорить! Думают так. Я никому не пытался доказывать, что я не тот, за кого меня принимают. К чему? Но ты когда-нибудь видела, Валя, чтобы я хватал кого-нибудь за глотку? Не могла этого видеть. Конечно, если человек кидается на меня, в долгу не останусь. Архипка это хорошо знал.

— Я хотела сказать тебе про Архипку.

— Ты? Ах, вот что. Я и забыл. Ты пришла опять просить за него... Но, увы, его нет на стройке...

— Кого? Архипки? Да ты что? Архипка никуда не ушел. Он на узле. Хочет тебе отомстить.

— Архипка на стройке! Это кто тебе сказал?

— Рахиль.

— Рахиль? Как же она пошла против своего друга?..— Николай был потрясен.

— Пошла. Значит, человек...— тихо сказала Валя.

Мне вспомнились рассуждения Николая о любви и обязанностях. Он говорил, что нельзя быть одновременно добрым к Христофору, и к Архипке, и к Рахили. Николай решил тогда пойти против Рахили, которую ему было жаль. Другого выхода не было.

Теперь Рахиль сама пошла против Архипки. Наверное, и у нее не было иного выхода.

И все эти сложные отношения между людьми всплывали всякий раз, когда приходила к нам Валя.

— Ну, расскажи, что знаешь...— попросил Николай.

— Не спрашивай. Больше ничего не скажу.

— Боишься, что выдам Архипку?

— Не боюсь, а дала слово Рахили. А ты будь осторожен!

— Глупая ты!— сказал Кандыба.

— Да не жаль мне тебя, дурака!— вскрикнула со слезами Валя.— О себе плачу. Себя мне жалко! Не затем мне срок сократили на Беломоре... Я человеком хотела стать...— она кричала.

— Валя, не плачьте! Валя, не надо,— старался я успокоить ее.

— Не лезь, Джеввед,— спокойно сказал Николай.

— Мушук, узнав, что я переехала, и то пришел...— всхлипывала Валя.— Боялся, не сказала бы о нем лишнее... Помнишь, Джеввед, ты приходил тогда за водой... Один Николай ничего не знает.

Я усадил ее на кровать и сам сел рядом с ней.

— Успокойтесь, Валя, не плачьте. И где вы этого изверга нашли?— шуточно спросил я, кивнув на Николая.

— На Пятиречье,— серьезно ответила Валя.

Николай махнул на нас рукой, сел на койку и взял в руки гитару. Но играть не стал. Он прислушивался к нашему разговору.

Валя рассказывала мне про свою жизнь.

Разруха, голод, отец на гражданской войне. Осталась с сестренкой, с матерью. Продавала на базаре отцовские вещи. Там попала в компанию воров, а вместе с ними на Беломорстрой.

— Судьба!— Николай усмехался.

На канале она хорошо работала, училась в школе, окончила четвертый и пятый классы.

Однажды на урок пришел начальник лагеря с высоким, худошавым человеком. Занятия прервали. Худошавый, беседуя с учениками, обратил внимание на Валю.

Он долго расспрашивал Валю, она отвечала. Он спросил, нет ли у Вали какой-нибудь просьбы. Тогда Валя сказала, что хотела бы купить несколько фунтов сахара и послать домой. Начальник лагеря улынулся, но, взглянув на худошавого, притих.

Через месяц Валю досрочно освободили, и она уехала к родителям.

На Пятиречье Валя устроилась в столовую лагеря и там познакомилась с Николаем. Она продолжала учиться в школе и окончила еще два класса.

Только, наверно, год спустя Валя узнала, кому она обязана своим освобождением. В библиотеке она взяла книгу. Раскрыв ее, очень удивилась, увидев на фотографии знакомое лицо худошавого: те же щетиновые усы и тот же наклон головы. Внизу под портретом была подпись — Максим Горький.

Я был потрясен Валиным рассказом. И на Николая он, видимо, тоже произвел впечатление. Он встал, подошел к Вале, положил руку на плечо.

— Чего ж ты, Валюха, мне об этом не говорила?

Плечи ее вздрогнули.

— Я многого тебе еще не говорила, Николай.— И, обернувшись ко мне, продолжала:— А когда я полюбила его, он один уехал на Кинджикстрой.

— Я сказал тебе...— Николай опять сел на койку.

— Сердце у тебя каменное!— закончила Валя.— Черствый ты человек.

Я слушал Валу и думал: «Любовь привела ее на Кинджикстрой. А куда привела она Ираду? Разве это любовь, когда не знаешь, кого больше любишь?» Я не мог понять Ираду, не мог простить ей встречу на пороге «Голубых скал».

— Да, да,— продолжала Валя,— так уехать... Как вор, тайно...

— Это все? Скажи: я тебе давал обещания?

— Не давал... намеренно!

— Так в чем же тогда дело?— спросил Николай.— Не скрою, на Пятиречье по вечерам мы с тобой встречались! Гуляли! И только. Признаюсь, я потопился уехать оттуда лишь потому, что больше не хотел тебя видеть.

— Меня? Не хотел видеть?

— Да!

— После тех вечеров?

— Да, после тех вечеров!

— Но ведь... любовь!..

— Может, я и сейчас тебя люблю...— Нет, это не было объяснением, это продолжался спокойный разговор.

— Любя, значит, бежал от меня? Так?

— Значит, так...

Николай помолчал, потом другим, более спокойным голосом спросил:

— А куда ты переехала?

— О... Я была тогда пьяная...— сказала Валя.— И готова была плюнуть на всю жизнь. И плюнула бы...

— Кто же помешал?— спросил Николай.— Я?

— Нет, Ира. Она зашла в барак с дядей Петей и увидела меня. Я, кажется, ее обругала. Она ничего мне не сказала и молча вышла. А вечером пришел дядя Петя и перетащил мои вещи в комсомольское общежитие. А потом меня перевели на коммутатор.

— Ясно,— Николай опять подошел к столу.— Значит, и у тебя, и у Джевдеда один общий ангел. Я слышу его шаги.

Мы повернулись к двери. В комнату ввалился Христофор.

— Удрал,— сказал он.— Обедали вместе, а после обеда Карим сбежал. Кого я вижу?! Здравствуй, Валя! Как к нам попала?

— Так... Скучно мне стало без вас!— созналась Валя с грустной улыбкой.— Совсем забыли о моем существовании. Пришла сама. Как вы поживаете, Христофор?

— Спасибо!— ответил Дураниди и, проходя к своей койке, вдруг дернул правым плечом, словно его ударило электрическим током.— Не жалуясь!

— Рука болит? Вам, кажется, и сейчас плохо?

— Пустяки...— ответил Христофор.— Это бывает у меня часто. Где ты теперь, Валя?

— Я теперь большой человек! Работаю на коммутаторе.

— Серьезно? А вы понимаете в этих делах?

— Почему бы и нет? Семилетку кончала.

— Семилетку? Не знал!

Дураниди снял ватник, собираясь прилечь, но вскочил и стал рыться в кармане. Он достал зеленый листок — обложку ученической тетради,— сложенный вчетверо, и протянул мне.

— На! Чуть не забыл...

Я развернул бумагу. На ней было написано две строчки тонкими, длинными, с наклоном влево буквами:

«Джевед! Я хочу вас видеть. Сегодня вечером дома. Буду вас ждать». Подписи не было.

Еще раз пробежал записку глазами, свернул ее и положил в карман.

— Что с тобой?— спросил Николай.— Чего ты побледнел?

— Почему?..— проговорил я, запинаясь.— Со мной ничего особенного.

— Я, кажется, догадываюсь в чем дело,— сказала Синицкая, улыбаясь.— Не отчаивайтесь, Джевед! Все будет как надо. Желаю вам...— Она встала. Простилась со мной и с Христофором, потом взглянула на Кандыбу:— Я пошла... Я сделала то, что хотела. Больше тебя беспокоить не буду.

— Привет!— Николай не сошел с места.— Помни, что я тебя не хотел обидеть...

Валя ничего не ответила и, резко повернувшись, вышла из барака.

— Ничего не понимаю!— сказал Христофор, вытаращив свой единственный глаз.— Что здесь приключилось?

— Ничего нового!— ответил Николай.— Почему ты вернулся так рано?

— Рука что-то ноет.— И спросил меня:— А что тебе Ира пишет?

— Просит зайти к ней...

— Домой?

— Домой.

— А ты был уже у нее? Раньше?

— Был.

Христофор протяжно присвистнул.

— И сейчас пойдешь?

— Нет,— ответил я,— не пойду.

И не пошел. Я растянулся на койке. Долго лежал и молчал. Христофор и Николай не тревожили меня.

«Если любовь бежит, зачем ее преследовать?»— такую красивую фразу придумал я, засыпая.

...Как часто я вспоминаю сейчас этот разговор Николая и Вали.

«Нет,— думаю я,— от любви не уйдешь, она всегда победит».

...Летом сорок второго года я был тяжело ранен и направлен на лечение в Ташкент. Иногда мне давали увольнительную домой, а чаще я уходил без увольнительной. Нога была в гипсе, мне разрешали ходить на костылях.

Однажды в дверь нашей комнаты постучали. Я ткнул ее костылем и на пороге увидел Валу Синицкую, вернее, Валу Кандыбу, исхудавшую, очень постаревшую. Она оглядела наш закуток и, повернув полу пальто, села на край кровати, погладила трехлетнюю Сейяре по головке. Она сидела на кровати и молча глядела на меня. Я понял, внутренне содрогнулся и, осознав до конца, что произошло, спросил:

— Давно?

Она вынула из затрепанной сумочки листок бумаги. В бланк было крупно вписано: «Гвардии старший сержант Кандыба Н. Н...»

— Служил в пехоте?

Она кивнула головой.

— А на каком фронте?

Она пожала плечами.

Я посмотрел на дату: 23/8-42.

Меня ранило 29-го. Может, мы сражались рядом. Кто знает? В то время сотни тысяч людей воевали в приволжских степях.

— Была у Карамат,— наконец сказала Валя.— Давно видел ее?

— Ирада ходила: еще до моего приезда...

— Сходите к ней,— сурово, почти спокойно сказала Валя.

Я взглянул ей в глаза, пытаюсь скорее найти ответ.

— Третьего дня получила такую же.— Валя глазами показала на листок бумаги, который я все еще держал в руках.

— И Карим?!— я хотел закричать и не мог.

Валя быстро провела по векам пальцами. Глаза были сухими.

За стеной женский голос громко сказал:

— По шестому и седьмому дают яичный порошок. По сто грамм на талон.

— Я его не беру,— отвечал тихий, почти детский голос.— Может, потом жиры обявят.

Это беседовали две студентки.

— Не могу,— сказала Валя.— Борису отдам Карамат, а сама пойду в армию. Прямо не могу я... Не возьмут — пойду в партизаны.

— Зачем, Валя? Ведь сын...

— Думала об этом. Не могу. Карамат берет Борису. Она своего Мурата к отцу отслала. Ее с завода не отпускают.

— И ты иди на завод, будете вместе...

— Не могу я в тылу сидеть! Как ты не понимаешь?!

...Она погибла за Вислой в громовом и победном январе сорок пятого года, беспримерной храбрости десантница Валя Кандыба. Ее похоронили на высоком берегу Вислы, на откосе, откуда далеко видны темные леса и темные пашни. Я потом получил несколько писем от командира части, где служила Валя.

Карамат воспитала двух детей: Бориса и Мурата. Мурат учится вместе с Сейяре, а Борис недавно окончил военное училище.

Карамат часто бывает у нас. Она осталась подругой Ирады.

...Раздумывая сейчас о моих друзьях, вспоминаю фразу, сказанную в молодости: «Если любовь бежит, зачем ее преследовать?»

Не так. Если любишь, живи для любви, борись за нее. Она для тебя — весь мир и родная земля, твоя жизнь и долг перед людьми, твоя совесть и твое счастье.

Авторизованный перевод с татарского

А. Одинцова

Окончание следует

Черная Африка

Рассвет выводит кистью
синей:

Карьер алмазный,
Цепь ходов,
Столбы
В колючей паутине,
Обвалы рвов,
Зигзаги рвов,
Охраны вышки-осьминоги,
Болванки
Кованых замков...

Но вдруг
Метнулись в темень
Доги —
Пальба,
Сирена,
Стук подков...
Застыли взгляды
за решеткой,
И в напряженной тишине
Обмякло тело
В робе жесткой
С трехзначной цифрой
на спине.

Земля запахла
Дымной кровью,
Сердца измученных щемя...
Здесь
Каждый черный жил
без кровли,
Здесь жизнь — земля,
И смерть — земля.
... Умолкли взмыленные
доги.

Клинки прожекторы свели...
И в первый раз
Земные «боги»
Не отнимали
Горсть земли.

Тянется тень

Солнце готово
К броску.
Солнце готово
Светить...
Негра ведут по песку,
Негра ведут
Убить.
Тянется тень по тропе.
Тонут за негром следы...
За ночь
Палач отупел,
За ночь
Стал негр седым.
Пленным,
К барханам родным
Тягостно негру шагать...
С белыми.
Ветром одним
Негру хотелось дышать.
Солнце готово
К броску.
Солнце готово
Светить...
Негра ведут по песку,
Негра ведут
Убить.
...Залп над песками бескрыл.
Треснула сухо лазурь...
Падая, негр заслонил
Солнце
От пуль.

Черные спины

Зеленые волны катит
залив,
Банановый берег
Сбегаёт к причалу...
Скрипучими трапами зной
раскроив,
Стекаются грузчики в трюмы
Устало.
А рядом священник —
Как сам Кенгуранг,¹
А рядом надсмотрщик
Жует свои думы.
Кокосы и хлопок,
Свинец и уран,
Как в пасти драконов,
Ссыпаются в трюмы.

¹ Кенгуранг — в местных поверьях Сенегала — злой дух.

За звон от монет,
За маиса дымок
Сгибаются черные
Сильные спины.
В порту налицо благодатный
Восток,

Но только в глазах
Гнев темнее пучины...
А если с плеча
Груз швырнуть в океан?
А если песком переполнить
Все трюмы?!
Но рядом священник,
Как сам Кенгуранг,
Но рядом надсмотрщик
Жует свои думы.

Небывалый апрель

Есть ли
Весомей еще слова,
Чтобы вызвать такое волненье,
Чтоб закружилась вдруг голова
От трезвого опьяненья.
Спутник и космос,
И человек!
Коротко, ясно, просто:
Звездный корабль
Двадцатый век
Ввысь поднимает — к звездам.
Земная покинута колыбель,
Для мысли ставшая узкой...
Звени же в веках,
Небывалый апрель,
Прославленный гением русским!

ЖИЗНЬ

после смерти

Киносценарий

К Внуковскому аэровокзалу подъехала «Волга». Из машины вышел невысокий худощавый человек с удлинненным лицом, в очках. Он поднялся по ступенькам и вошел в вестибюль. Как всегда, тут было многолюдно. Человек прошел к кассе, где регистрировали билеты на Варшаву.

— Романов?— строго спросила миловидная блондинка, взяв его билет.

— Здравствуйте, частый пассажир,— подошла к кассе диспетчер.— Опять?

— Такая уж профессия — летучая,— сказал пассажир отходя.

— Кто это?— с любопытством посмотрела ему вслед блондинка.

— Кто да кто! Писатель!

Вадим Романов направился через вестибюль, но остановился, обратив внимание на полного, средних лет человека. Приземистая фигура, скуластое лицо с продолговатым разрезом глаз показались ему знакомыми. Романов и этот человек поровнялись, разошлись и вдруг разом обернулись. Пассажир скользнул равнодушным взглядом по лицу Романова.

— Черт возьми!— удивленно воскликнул Вадим.— Кажется... Ты ведь...

— Правильно, товарищ корреспондент. Ай встреча!

— Как же это зовут тебя?— мучительно припоминал Романов.— Султан? Нет. Усман? А-а, Сулейман, Сулейман Назаров!

— Хорошая у тебя память, Романов,

— Уж не воскрес ли?

— Зачем воскрес? Живу потихоньку.

— Но ваша группа, говорили тогда...

— Правду говорили,— погрузнел Назаров.— Все погибли.— И словно стряхнув горькие воспоминания, спросил:— Как живешь? Есть жена, дети? Сколько лет не виделись! Пойдем, выпьем за встречу.

— Постой, расскажи лучше.

— Мой рассказ невеселый будет... Как ты живешь? Все в газете?

— Стал, понимаешь, писателем. Книги пишу.

— Тц-тц-тц,— одобрительно и чуть иронично поцокал языком Сулейман.— Очень хорошее дело. И за это выпить надо. Женат?

— Женат,— улыбнулся Вадим.— Мальчик у меня.

— Пусть живет счастливо. Очень я рад, что встретил тебя...

— Да ты рассказывай, рассказывай,— настаивал Вадим.

— Что мне рассказывать?.. Погибла группа.

— И все?

Назаров развел руками: что, мол, поделаешь.

— Ты припомни. Понимаешь, книгу решил я написать о нашей части. Героев разыскиваю, однополчан... Говорили тогда, погибла ваша группа из-за предателя...

Назаров задумчиво уставился вдаль и лишь после недолгой паузы спокойно спросил:

— Узнали — кто?

— Нет.

— Э, Вадим-ака, Вадим-ака,— вздохнул Сулейман.— Дело давнее, забытое. А нужно правду знать — тогда слушай... Не хотел я. Как это вы, русские, говорите? О покойнике можешь плохое сказать — лучше язык проглоти. Ну, слушай... Ты ведь помнишь, как мы улетели. Старшим — капитан Рахман Ибрагимов был...— еще продолжает звучать голос Назарова, но новое изображение уже возникает на экране.

Зимняя ночь. Затемненный фронтовой аэродром. В темноте едва проступают контуры самолета. Капитан Ибрагимов прощается с девушкой-сержантом.

— Ну что ж, Ирина, прощай... еще раз.

— Но это самое последнее.

— Последнее — в любом случае. Кончается война.

— Не говори. Ты вернешься... и всю жизнь — ни встреч, ни проводов... Я буду думать о тебе. Ты улыбаешься? У меня есть примета.

— Пора.— Рахман нежно привлек ее, поцеловал, а затем отошел к группе десантников и летчиков, стоявших у самолета, среди которых и молодой еще тогда Вадим Романов.

— Каширин!— окликнул Ибрагимов.

— Я!— отозвался один.

— Подольский?

— Здесь!

— Назаров?.. Ярцев?.. Готовы?.. Хоп!— посмотрел на часы.— Двадцать три тридцать.

Один за другим поднимаются по трапу десантники. Пожав руку Романову, последним скрылся в кабине Ибрагимов. Закрылась дверца. Заработали винты. Транспортный самолет вырывается на взлетную дорожку.

Остались на поле Ирина и Вадим Романов.

И вот уже летит самолет в ночном небе. Десантники отдыхают. Дремлет гигант Каширин. Протирает пистолет Ярцев. Тихо напевает Миша Подольский песню о студенте, ставшем десантником. Она немного грустная, эта песня. Миша поет о парне, который оставляет на родной земле все, даже имя, и сражается с фашистами в глубоком вражеском тылу.

Из кабины показался штурман, сделал знак.

— Внимание!— настораживается Ибрагимов. Песня обрывается.— Повторяю: собираемся в балке у отметки 18,5. В случае столкновения с противником каждый пробивается самостоятельно. Цель — мост. Приготовились!

Штурман открывает дверь кабины:

— Давай!

Пять белых фигур отрываются от самолета. Сильный ветер сносит парашютистов. Внизу — черная громада леса. Внизу — враг.

Идут десантники по лесу.

— Сулейман!— зовет Ибрагимов.

Назаров догоняет капитана. Ибрагимов достает карту, склоняется над ней.

— Разведую подступы... Ждите меня здесь. Не успеем до рассвета — пересидим день. Возглавишь группу.

Назаров молча кивнул.

— Действуй!— Они крепко пожали друг другу руки, и Ибрагимов двинулся вперед.

Глухой зимний лес. Притаившись, ждет возвращения Ибрагимова десантная группа.

...Ибрагимов пробирался от ствола к стволу, чутко прислушиваясь к шорохам зимнего ночного леса. Он выскочил на шоссе, и вдруг из-за поворота взметнулся синий свет мотоциклетных фар. Ибрагимов не успел опомниться, как был схвачен эсэсовцами.

Звучит голос Назарова — рассказчика:

— А мы, ничего не подозревая, ждали командира почти сутки.

Вблизи послышался скрип снега. Хрустнула ветка. Бойцы настроженно переглянулись, достали оружие.

Из темноты возникла фигура Ибрагимова.

— Это я, ребята,— глухо сказал он.

И вдруг бросились на десантников мотоциклисты-эсэсовцы. Их было десять, может быть, двенадцать.

Тишину леса раскололи выстрелы. Перебегая от дерева к дереву, фашисты старались выгнать десантников на поляну. Стоя за стволом, стреляет Назаров.

Рядом с ним Каширин.

Укрывшись за корягой, ведут огонь Подольский и Ярцев.

— Сволочь! Предатель!— выругался Ярцев и, вскинув руки, свалился замертво.

Упал один эсэсовец, за ним другой.

К Назарову перебежал Подольский.

— Вот он!— хрипло говорит Каширин и дает длинную очередь вслед Ибрагимову, который, воспользовавшись смертью охранявшего его эсэсовца, бежит в лес. Ибрагимов упал, высоко вскинув руки, и покатился в канаву.

— Отходите! Я прикрою,— приказал Назаров, вставляя запасный диск в автомат.

— Hende hoch! Alles kaput! Sich gefangen!— кричали эсэсовцы.

Автоматная очередь Подольского скосила двух фашистов. Еще одного уложил Каширин.

Внезапно Назаров услышал, что его товарищи не стреляют. Он подполз к Каширину. Тот был мертв.

— Миша!— позвал Сулейман.— Мишка!

Молчание. Только пули свистят над головой.

Теперь весь огонь фашисты сосредоточили на Назарове. Сулейман отстреливался, перебегая с места на место. Ему удалось, взяв автомат Ярцева, убить еще одного эсэсовца, ранить другого. Но вот у него кончились патроны. Он окружен. Назаров подпускает врагов вплотную и в последний момент взрывает две гранаты. Грохот прокатывается по лесу, и сразу наступает полная тишина. Нет больше ни выстрелов, ни голосов, ни даже шороха ветвей. Мертвая, могильная тишина. Лежит на снегу Сулейман Назаров. Рядом с ним — трупы фашистов.

Назаров и Романов сидят во Внуковском аэропорту.

— Ну, а ты как выжил?— спрашивает Вадим.

— Крепкий оказался, Чинили — штопали, два месяца в госпитале умирал и — выжил.

После продолжительной паузы Романов спросил:

— Ты говоришь, Ибрагимов виноват? Трудно поверить.

— В жизни все бывает,— развел руками Сулейман.— Войну он всю прошел, а тут — под конец — не выдержал.

— Ну, а как взяли его, откуда тебе известно?

— Партизаны потом рассказали.

— Что-то тут не так, Сулейман. Не мог Ибрагимов...

— Мог — не мог, а немцам выдал.

В зале раздался голос диктора, усиленный динамиками: «Производится посадка на самолет ТУ-104 № 42035, выполняющий рейс 017 Москва—Варшава».

Романов поднялся.

— Летишь, брат? В Польшу?

— Не верю я тебе, Назаров. Пачкаешь ты имя солдата.

— Не хотел же — сам заставил.

— Не мог Рахман предателем стать. Я это докажу.

— Успеха тебе. А приедешь в наши края — прямо ко мне. Самым дорогим гостем будешь. Вот адрес, — Назаров написал несколько строк на листке из блокнота, подал Романову.— Прощай, брат.

— Зачем — прощай? Увидимся еще.

— Конечно, увидимся,— дружески пожал руку Романова Сулейман Назаров.

Легковая машина едет по шоссе сквозь густой лес. На заднем сидении Вадим Романов и Адам Гржибовский — сотрудник газеты «Трибуна Люду».

— Еще три километра и мы видим мост, пан Романов.

— Тот самый?

— О, нет! Мы разорвали его... как это?... в клочья. Но потом возродили. Вы будете восторгаться этим прекрасным сооружением... Я барздо добже знаю эти места.

— Вы жили здесь?

— О, я здесь воевал! Смотрите, смотрите, Вадим! То мост уже!

Машина въехала на промальный мост.

— В этих лесах погибла группа десантников. Мои друзья, Адам.

— Я соболезную... искренно.

— Вы ничего не слыхали? Одного спасли ваши партизаны.

— И когда произошел тот факт?

— В январе сорок пятого.

— О, меня тогда уже отозвали к Варшаве, в редакцию.

Машина миновала мост и вновь помчалась по шоссе, зажатому плотными стенами леса.

— Вы желаете... как это... искать их следов?

— Да.

— Понимаю... О, я знаю, как вам помочь. Тут недалеко есть домушка, лесник. Так тот лесник — не совсем еще старик — был грозный мститель. Он сидел в этих лесах, он знает все. Пойдем до него?

Вадим кивнул.

Гржибовский приказал шоферу:

— К Бялу Мясту! — и машина свернула на проселок.

Машина подъезжает к сторожке лесника. Хозяин — плечистый старик с умным лицом, заросшим окладистой бородой, — был во дворе.

— Гржибовский, журналист. «Трибуна Люду», — представился Адам и отреккомендовал Вадима: — Товарищ Романов, наш советский коллега.

— Зборовский. Прошу, — указал старик на дом.

Они зашли в сторожку, сели за массивный стол.

Старик поставил на стол бутылку с вином.

— Слушаю вас, панове.

— В январе сорок пятого здесь погибли русские парашютисты. Вы что-нибудь знаете об этом, пан Зборовский? — спросил Адам.

— Тут переховывался один русский, жолнеж. Может, тот?

— Слушаем вас, пан Зборовский.

— Как же то было? — начинает лесник.

На его слова наплывает новое изображение.

Студеная зимняя ночь. Зборовский спит на топчане, укрывшись тулупом. Вдалеке слышна перестрелка. Зборовский встает, прислушивается. Перестрелка была горячей, но недолгой. Раздался гулкий взрыв и все стихло. Лесник одевается, достает из-под печки немецкий автомат и выходит в лес. Светает.

Зборовский осторожно идет по лесу. Вот и место боя, трупы немецких солдат, тела десантников. Зборовский осторожно крадется от дерева к дереву. Тихо и безлюдно в зимнем лесу. Старик останавливается у места, где разорвались гранаты. Он подходит к одному убитому, склоняется над другим и вдруг слышит слабый стон. Зборовский бросается к раненому, припадает ухом к его груди. Да, этот человек жив. Подняв раненого на руки, лесник скрывается за деревьями.

Зборовский осторожно опускает раненого на топчан. Лица этого человека не видно: оно залито кровью...

В сторожке сидят за столом Адам, Вадим и старый лесник.

— А как звали его, пан Зборовский? — спросил Романов.

— Не сказал мне того. И партизанам не сказал — плох был очень. Але згодом прислал депешу. Только забыл я его имя, стара голова — дырява память.

— Назаров, Сулейман, — подсказал Вадим.

— Не, не так.

— Да вы просто забыли. Я его хорошо знаю.

— Может, и знаете, але то другой жолнеж, — спокойно сказал лесничий. — письмо у меня.

Старик принялся перебирать какие-то бумаги, вытряхнутые из резинового деревянного ларца. Наконец, нашел нужный конверт, протянул его Романову. Письма там не было. Вадим прочел вслух обратный адрес: «Узбекская ССР, Хорезмская область, поселок Первомайский, Чкалова два. Петровой Пэ Гэ для...» — и закричал вскочив: — Ибрагимова! Рахмана Ибрагимова!.. Он жив?!

— Что будем делать теперь, товарищ Вадим? — деловито осведомился Гржибовский. — Будем искать следов вашего друга На-за-ро-ва?

— Нет! — решительно поднялся Романов. — Теперь я буду искать Ибрагимова.

Поезд подошел к небольшой станции, за которой раскинулся редкий в пустыне пышный зеленый оазис.

Романов вышел из вагона, миновал привокзальную площадь. Он шел асфальтированной улицей нового города, обсаженной шумящими на ветру акациями, и с любопытством оглядывался по сторонам. Это и был бывший поселок, а ныне город Первомайский. Все здесь поражало молодостью, новизной: и дома, и сады, и, казалось, люди. В конце улицы Чкалова, возле трехэтажного дома он остановился, достал блокнот, сверил адрес. Все было правильно. Романов скрылся в парадном.

Вот он звонит в какую-то квартиру. Дверь ему открывает пожилая полная женщина.

— Простите, — обратился к ней Романов. — Петрову Пэ Гэ можно видеть?

— Я и есть Пелагея Герасимовна. — Женщина подняла очки и посмотрела на гостя живыми любопытными глазами. — А в чем дело?

— Я ищу Ибрагимова, Рахмана Ибрагимовича, — приятеля моего.

— Как же, как же! Рахмана Ибрагимовича? Да что мы стоим? Проходите, пожалуйста. Сюда, вот сюда. — Пелагея Герасимовна повела Романова в квартиру. — Больше десяти лет, что уехал, а я помню его, как сегодня.

Они зашли в небольшую, освещенную солнцем комнату. Старушка гостеприимно усадила Романова за стол и захопотала у буфета, но Вадим решительно остановил ее:

— Не беспокойтесь, Пелагея Герасимовна. Я ничего не хочу... Что вы можете рассказать о Рахмане Ибрагимове?

— Жил он у меня... А приехал... дай бог памяти! Уж лучше я сейчас вам учителя нашего позову: большие они друзья с Рахманом были. Рядом он, одну секундочку... — Пелагея Герасимовна вышла на балкон, крикнула: — Камал Таирович! А, Камал Таирович!

— Я, — послышался голос.

— Зайдите, пожалуйста... Тут товарищ один... Ибрагимова спрашивает.

— Иду! — раздалось с соседнего балкона.

Пелагея Герасимовна вернулась к Романову.

— Директор школы он, уважаемый человек. Да, о чем это я? Жил здесь Рахман Ибрагимович. А как пустили первый поезд, его и перевели. Давно было, давно. Дай бог память когда...

В комнату вошел коренастый, широкоплечий человек.

— Таиров, учитель, — спокойно, с достоинством представился он.

— Романов, журналист, — пожал протянутую руку Вадим. — Я узнал, что Ибрагимов работал здесь, а мы с ним старые друзья. И вот... Вы помните его?

— Такое не забывается... Встретились мы с ним в августе сорок седьмого. Здесь еще тогда и города не было... — Таиров подошел к окну, откуда открывался вид на новый зеленый город.

Контуры городка исчезают. Вместо них возникает на экране голая, выжженная солнцем пустыня. Несколько дощатых бараков, сложенные штабелями шпалы и рельсы, громада работающего путеукладчика, механическая мастерская под выгоревшим брезентовым тентом — вот и весь городок Первомайский, каким он был тринадцать лет назад.

Здесь заканчивалась недавно проложенная железнодорожная колея. Дальше тянулось свеженасыпанное полотно, а еще дальше, к горизонту — вешки, по которым строители, пересекая барханы, будут вести железную дорогу.

Вечер. Солнце скрылось за горизонтом, быстро сгущаются сумерки.

Стремительно мчится по железной дороге дрезина. Рядом с железнодорожником — человек лет тридцати с напряженным суровым лицом и глубоким шрамом у виска. Это Ибрагимов. Дрезина остановилась недалеко от дощатых барачков.

— Там, что ли? — хмуро спросил Ибрагимов, показывая взглядом вперед.

— Слева, заметь, столовая, а рядом — вон подальше — контора, — с готовностью пояснил железнодорожник. — Счастливо оставаться!

Пассажир кивнул и, заметно припадая на левую ногу, пошел к столовой.

Ибрагимов зашел в столовую, сел за стол, огляделся. В небольшом зале никого не было. За стойкой подводила счета буфетчица. Это та самая Пелагея Герасимовна, к которой пришел нынче Романов. Не спрашивая, она принесла Ибрагимову тарелку густой дымящейся маставки.

— Мне? — удивленно поднял брови Ибрагимов.

— Другого ничего... С вас пять тридцать семь.

— Тридцать семь даже? — усмехнулся Ибрагимов. — Не сорок?

— Так скалькулировали. Целый день копейки ищу, пропади они.

Ибрагимов принялся за еду, но в это время дверь столовой с шумом распахнулась, и в зал ввалилась веселая компания. Натыкаясь на столы и стулья, трое пьяных парней пробирались к буфету.

— Три по сто с прицепом, Герасимовна! Для начала, — приказал, подойдя, коренастый, широкоплечий. В этом небрежно одетом, небритом, неопрятном человеке с трудом можно узнать Таирова, который ведет этот рассказ.

— Закрыта столовая, товарищи, — пожалла полными плечами буфетчица. — И касса к сдаче готова. Запоздали!

— Да что там! Ладно уж, Герасимовна! Уважь! — зашумела компания.

— Тихо! — приказал коренастый. — Дай водку, Герасимовна. «Поток вина — родник душевного покоя, врачует сердце он усталое, больное».

— Не могу, поздно уже, — примирительно заговорила буфетчица. — С работы меня за вас снимут.

— Не позволим снять!

— Да нет водки, кончилась.

— Найдем.

— Одумайтесь. Вы же в трезвости хорошие парни.

— Двигай, ребята! — Камал обнял буфетчицу, задержал ее. Его дружки бросились за стойку, в кладовую. Из открытых дверей несется грохот пустых падающих ящиков. Хмуро, с удивлением смотрит на происходящее Ибрагимов.

— Водка! Вот она, голубушка! — раздался ликующий возглас, и дружки с веселой торжественностью вынесли из кладовой ящик.

— Да нельзя вам больше пить! Себя пожалейте! — пытается вырваться из рук Камала буфетчица. — Пусти!.. Пусти!.. Кто за это отвечать будет?!

— Хватит обниматься, Камал! Была б моложе! Проводи ее в кладовку, — смеясь, советуют дружки.

Камал, усмехаясь, легко несет Герасимовну.

Встает мрачный Ибрагимов.

Пьяная компания, гогоча от удовольствия, заталкивает буфетчицу в кладовую, пытается закрыть дверь. И тотчас же один из собутыльников, отброшенный Ибрагимовым, летит на пол. Остальные опешили от неожиданности.

— Откройте дверь, ну!— надвигается Ибрагимов.

— Кто эта птица, Коля?— насупился Камал.— Ты не знаешь?— На его широких скулах зло играли желваки.— Скажи, чтоб он не задевал нас.

— Оставьте ящик и вон!— приказал Ибрагимов.

Камал занес кулак. Ибрагимов взял в руку кружку.

— Пугаешь?— дрожащим голосом крикнул Таиров.— Обожжешься!

— Предупреждаю.

— Ну, давай! Ну! А!— и Камал рванулся к Ибрагимову. Один из дружок бросился к Таирову, второй повис у него на плечах. Выскочила из кладовой буфетчица. Ибрагимов спокойно ждал, смотрел на Камала с сожалением. Таиров, выкрикивая что-то, рвался. Наконец дружки и буфетчица, тихо увещевая Таирова, повели его к дверям. Один из приятелей Камала, проходя, хотел было прихватить с собой бутылку водки, но Рахман заметил этот маневр.

— Оставь!— приказал он. И Коля подчинился.

Компания скрылась за дверьми. Петрова вернулась к буфету.

— Кто вы?— спросила она почтительно.— Приезжий?

— Буду здесь работать,— холодно ответил Рахман, не выказывая расположения к дальнейшему разговору.

— Не обижайтесь. Несчастный он человек, одинокий. Вот и пьет. Глаза заливает, чтоб себя не видеть.

— Не люблю несчастных.

— Жена, говорят, его бросила. Вот он и удрал сюда, на край света.. Трудно вам будет здесь.

— Привыкну,— твердо сказал Ибрагимов.

— Устроились с жильем?

— Найду что-нибудь.

— Простите, а звать вас как?

— Ибрагимов, Рахман.

— Я могла бы, конечно, предложить вам у себя. Только комнатка маленькая — не знаю, устроит ли..

— Не стесню?

— Ну, что вы! Будет хоть с кем словом обмолвиться.

— Согласен.

Утром Ибрагимов вышел из дома приотившей его Пелагеи Герасимовны. Домик был маленький, саманный, покосившийся. Да и вся улица Чкалова, по которой он шел, состояла тогда из таких вот сшитых на скорую руку строений.

Солнце уже было высоко и жгло немилосердно.

Ибрагимов подошел к бараку управления, толкнул скрипучую дверь, на которой было написано: «Нача...к», и оказался в комнате. За столом сидела девушка и, уронив голову на руки, плакала:

— Что здесь происходит?— строго спросил Ибрагимов.— Кто вы?

Девушка подняла заплаканное, растерянное лицо.

— Я — начальник... Но я не могу больше... Убегу... Я пешком уйду. Разве можно так? Оставить меня одну..

— Успокойтесь и говорите толком. Вытрите глаза.

Девушка испуганно посмотрела на незнакомого человека, подбородок ее задрожал, и она опять жалобно всхлипнула.

— Послушайте, девочка! Мне нужен начальник участка... Да успокойтесь же! Вы кто?

— Я — Кадырова, Зухра.

— А, понятно.

— Не могу я командовать взрослыми мужчинами. Они не слушаются.

— Еще бы!

— В техникуме, когда меня сюда направляли, сказали: начальник человек опытный, чуткий. И я согласилась, дура. А он — недели не прошло — уехал на курсы, и вот нету. И тут еще на участке инженер заболел, взрывник. Еле в область отправила. И с участка звонят мне семь раз в день — требуют, угрожают. А мне что делать?.. Вам смешно?

— Где уж! Плакать надо вместе с вами.

— Нет, я старалась, правда. По-всякому подходила: и кричала на них, и уговаривала, и выговоры выносила. Ничего! С них, как с гуся вода!

— Теперь слезами их заливаете?

— А один Камал Таиров! Сто человек в поселке и никто его не может усмирить.

— Да-а, дела... Что ж думаете дальше?

— Бежать. Приедет Саидов — хорошо. Нет — и так сбегу без оглядки!

— Правильно! Никому не нужна эта дорога.

— Подумаешь, стыдит! А вы, собственно, кто?

— Я инженер, которого вы ждете.

— Правда?! Ой, как хорошо! — протянула девушка узкую ладонь. — Зухра Кадырова.

— Ибрагимов.

— Ой, как хорошо! — снова повторила девушка и улыбнулась. — Когда же вы сможете поехать на участок?

— Сейчас. Мне нужна машина и надежный шофер.

— Кого же дать вам?.. Вообще-то Таиров, но...

— Вызывайте Таирова.

Ритмично работает, продвигаясь по насыпи, путеукладчик. Нарастивается железнодорожное полотно. Споро, с азартом трудится бригада строителей. А неподалеку, под откосом, стоит старенькая полуторка.

К машине подошел худенький, смешной, как нахохлившийся воробышек, старичок в форменной железнодорожной фуражке, стучит в дверцу костлявым кулачком:

— Камал! А, Камал! Вставай, черт!

Из кабины показывается заспанное лицо Таирова.

— Ну?! — хмуро откликается он.

— Люди, смотри, работают, а он...

— И что?

— Пейзаж портишь... Воды нету? Стрость захотелось.

Таиров протягивает ему флягу. Старик сделал глубокий глоток и... быстро сплюнул.

— Тьфу, зелье! Да что ты со стариком-то балуешь? А?!

— Фляжки, батя, перепутал, — притворно оправдывается Таиров — На, запей... Или, может, закусишь?

— Доиграешься ты, парень, — старик округлым движением вытер рот. — Ох, доиграешься!.. И чего чудишь?.. Дело-то какое святое! Дорогу сквозь пустыню тянем, жизнь сюда проводим! А ты...

— А я ненавижу, когда баба командует. И всех баб ненавижу — змей!

— Ты один хороший.

— Брось, батя! Не нуди.

— Слушай, когда старшие говорят!— возмутился старик.— И не перебивай! Ты смекай, куда нас послали, с высоты погляди. Завтра здесь эшелоны побегут. Нефть, соль, хлопок. А?! Людям польза какая! Обмозгуй!

— Говорливый какой стал. А все с глотка водки,— усмехнулся Таиров.

В это время к машине, запыхавшись, подбежал белообрый длинноногий паренек.

— Час ищут... Начальство зовет. Иди!— выпалил он.

— Скажи, не нашел,— лениво ответил Камал.

— Давай, давай!

— Иди, говорят!— приказал старик сердито.

Камал нехотя поднялся, пошел.

Ибрагимов и Зухра склонились над картой.

— Пока вы пробьетесь через эту гору, путеукладчик будет уже вот здесь,— говорит Зухра.

— С нею придется повозиться,— что-то прикидывая в уме, сказал Ибрагимов.

— Направленный взрыв!— восторженно восклицает девушка.— Это ведь так интересно, Рахман-ака!

Ибрагимов не сдержал улыбки, покоренный непосредственностью Зухры.

Открылась дверь, в комнату шагнул Камал.

— Помешал?— насмешливо спросил он.

Зухра испуганно вскочила, но тотчас же села.

— Вам придется поехать, товарищ Таиров. На двести третий участок. Это очень срочное и важное задание. Вы же туда ездили?

Таиров молчал.

— После того как заболел Исмаилов, там все стало. Некому подготовить направленный взрыв. Поедете, ладно? А?

Таиров молчал, насмешливо глядя на Зухру.

— Вы не один поедете. С инженером Ибрагимовым. Знакомьтесь, пожалуйста...

— С ним я не поеду,— сказал вдруг решительно Камал.

— Почему?— искренне изумилась Зухра.

— Сказал— и все!— отрезал Камал.

— Испугался трудного рейса,— насмешливо заметил Рахман.— Здесь пьянствовать проще.

— Не люблю воспитателей.

— Вызывайте другого шофера, товарищ Кадырова.

— Но ведь он лучше всех знает пустыню.

— Обойдусь без незаменимого Таирова.

— Тогда, может, Калугина?— неуверенно проговорила Зухра.

— Не пройдет там ваш Калугин: до-ро-га!— сердито вставил

Камал.

— Ничего. Пройдем, раз надо,— парировал Ибрагимов.

— Пропадет Колька и машину угробит. Парня жаль.

— Вызывайте Калугина!

— Ха! Калугина!

— Вот почему вы такой человек, товарищ Таиров? Разве нельзя нам договориться спокойно?— наивно спросила Зухра.

— Бросьте вы свои подходы!

— Вы свободны, Таиров,— строго сказал Рахман.— Идите!

Хлопнув дверью, Камал вышел.

По ровному, как стекло, такыру стремительно мчится полупорка. Слышен голос Камала-рассказчика:

— И все же с Ибрагимовым поехал я. Уж очень хотелось мне посмотреть на него вблизи, сбить спесь с этого героя. Ух, и невзлюбил же я его тогда!..

Машина приблизилась. В кабине мрачный Камал, рядом с ним Рахман Ибрагимов. Они сидят как заклятые враги. Легко и быстро ложится под колеса отполированная, иссушенная солнцем земля. Жарко. Гудит такыр. Мчится машина.

Кончается такыр. Полупорка идет по песку, взбирается на бархан, как лодка в бушующем море, ныряет вниз.

Барханы со всех сторон обступили машину. Полупорку кидает из стороны в сторону. Жарко, очень жарко. Не скрыться от палящих лучей солнца.

Благополучно спустившись с высокого бархана и снова выехав на небольшой такыр, Таиров заглушил мотор. Вытащил из-под сидения разводной ключ и выпрыгнул из кабины.

— Уже? Полонка?— недружелюбно бросил Ибрагимов.

— Профилактика,— буркнул Таиров и нырнул под машину.

Вскоре он был снова в кабине. Машина тронулась, увеличивая скорость понеслась по такыру. Позади осталась на песке брошенная бутылка из-под водки. Придерживая одной рукой руль, Камал нагнулся к Ибрагимову, достал из-за его спины пачку папирос. Ибрагимов покосился на него.

— Водка?!

— Старая еще не выветрилась,— осклабился тот.

— Я сказал: сухой закон!

— Как же! Подписывал договор...

И снова в кабине наступает враждебная тишина.

Взбирается машина на бархан. Буксуют колеса. Камал сдает назад, потом с разгона проскакивает опасное место, и опять зарываются передние колеса в песок. Буксует машина.

Ибрагимов ломает саксаул, подбрасывает под задние колеса. Камал выжидающе глядит на него из кабины. Ибрагимов устало выпрямился, махнул рукой: давай, мол.

Полупорка тронулась, резко пошла с места. Ибрагимов вскочил на подножку.

Идет по барханам полупорка. Огненный шар солнца повис над самым горизонтом.

Полупорка приближается к занесенной песком стене. Это развалины старой крепости. Стемнело.

— Ночуем?— спрашивает Камал.

— Да,— сухо и односложно соглашается Рахман.

Машина останавливается. Ибрагимов, сбросив из кузова дрова, разводит костер. Камал снова ныряет под машину, достает поллитровку, пьет. Закапывает бутылку. Подходит к костру.

Ибрагимов отложил консервную банку, подозрительно посмотрел на Камала, сказал сурово:

— Еще раз услышу запах — пассажиром поедешь.

Не глядя друг на друга:

— Все воспитываешь, инженер?

— Наблюдаю.

— Да кто ты такой? Кто ты здесь такой?

— Человека ты в себе не уважаешь.

— А человек это звучит гордо?— иронизирует Камал.— Не лезь ты мне в душу, слушай. Я спать хочу,— и Камал забрался в кузов.

Ибрагимов допил чай и полез следом. Лег рядом с Таировым.

Ночь. В кузове спят, прижавшись друг к другу, Ибрагимов и Таиров. Ночью в пустыне холодно, и поэтому спят они беспокойно: поминутно ворочаются, тянут один с другого узкое одеяло. Проснулся Ибрагимов, отодвинулся от Камала. Через некоторое время проснулся Камал, приподнял голову. Резко отдернул руку, которая лежала на плече Ибрагимова. Поеживаясь, натянул на голову телогрейку...

В своем кабинете говорит по радиотелефону Зухра:

— Да! Да! Выехал к вам. Рано утром... Что? Хороший взрывник, инженер... И человек, знаете, какой!.. Что? Влюбилась?! Как вам не стыдно... Сообщите об их прибытии... Счастливо и вам. Думаю, завтра...

Раннее утро. По пустыне идет машина. В кабине мрачный Камал, рядом Ибрагимов. Они сидят как заклятые враги. Машина, натужно подвывая мотором, пробивается через пески...

Штурмует бархан...

Сползает на такыр...

Слышен голос Камала-рассказчика:

— А в полдень добрались мы до самого трудного участка. Здесь начиналась полоса сплошных барханов.

Полуторка стоит, уткнувшись передком в бархан. Старенькая машина дрожит от напряжения. Буксуют колеса. Камал достает из кузова две широкие доски и показывает Ибрагимову, в чем состоит искусство «шалманщика»: пока переднее колесо идет по первой доске, надо вытащить вторую из-под заднего и успеть снова засунуть ее под переднее. Тяжелая, изнурительная работа, но другого выхода нет.

«Шалманит» Ибрагимов. Трогается полуторка.

Медленно пробивается по пескам машина. «Шалманит» Ибрагимов. Он очень устал, хромает. Тяжело дыша, лежит под машиной: здесь единственная в пустыне тень.

Медленно ползет по пескам старенькая полуторка. Штурмует бархан. И вдруг — металлический скрежет и машина накренилась. Камал выскакивает из кабины.

— Ну, что там? — впервые за этот день обратился к Камалу Ибрагимов.

Молчит Камал.

Ибрагимов подошел, увидел сломанную полуось:

— Профилактика! Специалист!

— Старая галоша!

Ибрагимов достает карту, затем лезет в кузов.

— Ну, мне ждать некогда.

Камал, стоя у борта, выжидаяще смотрит на его сборы.

— Может, проводить? — не выдерживает он наконец.

Ибрагимов пожал плечами: решай, мол, сам.

— Не донесешь, — указывает Камал на вещмешок, связку шнура и деревянный чемоданчик, которые приготовил Ибрагимов. — Ладно. Пошли уж, хромой.

Рахман внимательно посмотрел на Камала, сказал:

— Налей ведро.

Камал нырнул под машину, воровато оглядываясь, перелил водку из бутылки в флягу.

— Налил? — раздается голос Ибрагимова.

— До краев!

Уходя от бесполезной теперь машины Рахман и Камал. Впереди шагает Таиров с рюкзаком за плечами, мотком бикфордова шнура и чемоданчиком в руках. Сзади, с вещмешком и ведром тяжело идет Рахман.

Идут по пустыне два человека. Встают на бархан.

Спускаются с другого. Солнце клонится к горизонту. Трудно идти, ноги вязнут в песке. Отстал Ибрагимов. Камал поджидает Рахмана. Жадно пьют воду. Молча идут дальше. Идут по пескам два человека. Далеко впереди — Камал.

Смеркается. Ибрагимов натывается на связку бикфордова шнура, брошенного Таировым, подбирает его.

Ибрагимов подбирает инструмент, брошенный Камалом...

Подбирает деревянный чемоданчик. Идти стало совсем трудно. Ибрагимов шатается, часто останавливается, чтобы передохнуть.

Камал лежа на песке, поджидает Ибрагимова. Рахман, хромая, подходит, опускается рядом. Молчат. Ибрагимов пьет воду из ведра. Камал отвинчивает крышку фляги, делает несколько глотков, морщится. И тут Рахман понимает, что пьет Таиров. Сильным неожиданным ударом он выбивает флягу из рук Таирова. Оба вскакивают. Рахман успевает наступить ногой на флягу.

Медленно выливается на песок водка.

Камал бросается на Рахмана, хочет отнять флягу. Борются. Скачываясь с бархана, задевают брезентовое ведро с водой. Вода мгновенно поглощается песком. Они даже не замечают этого. Наконец Ибрагимову удается оттолкнуть Камала, но тот сразу же вскакивает и, схватив валявшуюся неподалеку сухую саксаулину, угрожающе заносит ее.

— Из-за водки ты и человека убить готов, — с подчеркнутым спокойствием сказал Ибрагимов и отвернулся.

Камал замер. Отбросив саксаулину, отошел тяжело дыша.

— Водка!.. Правильного человека сделать из меня хочешь. А мне это ни к чему, плевать! Видал я таких правильных!

Идут по пустыне два человека. Снова солнце стоит над головой и печет немилосердно. Ибрагимов падает, лежит неподвижно. Камал берет у него связку бикфордова шнура. Очнулся Ибрагимов. Снова пошли.

Опять упал Ибрагимов, и опять Камал забрал у него какой-то инструмент. Рахман поднялся, это, видно, стоило ему огромных усилий — и пошел дальше.

Медленно идут по гребню бархана. Спускаются вниз. И вновь встают на бархан. У самого гребня Ибрагимов тяжело рухнул. Камал забирает у него деревянный чемоданчик, отцепляет флягу, подносит к губам Ибрагимова. Тот открывает глаза:

— Последний... А ты?

— Я уже, — успокаивает его Таиров и облизывает языком потрескавшиеся, сухие губы. Ибрагимов отстраняет флягу, подымается.

— Нога, проклятая, — с трудом выговаривает Рахман и силится улыбнуться, — не идет... не хочет...

— Нечего было... А то я да я. «Человека в себе не уважаешь!» — с издевкой повторил он слова Ибрагимова. И, запрокинув голову, вылил последние капли в рот. — Воспитатель.

Ибрагимов выпрямляется, медленными, но уверенными шагами идет дальше. Остается на песке брошенная пустая фляжка...

В кабинете управления взволнованная Зухра говорит по радиотелефону:

— До сих пор?.. Что-то случилось! Вы еще спрашиваете?! Конечно, искать. Сейчас же! А я pošлю машину отсюда! Я сама поеду!..

Падает на песок обессиленный Камал.

Пошатываясь от усталости, подходит Рахман, хочет поднять Таирова, но тот не желает принимать помощь Ибрагимова — отводит его руку, подымается сам...

Выезжает на машине Калугина Зухра Кадырова...

...На двести третьем участке садятся в машину люди.

Камал опускается на песок, достает из портсигара последнюю папиросу, жадно затягивается и с трудом идет к следующему бархану, на склоне которого лежит обессиленный Ибрагимов.

...Едет по пустыне машина двести третьего участка. Напряженно всматриваются люди в безжизненные, мертвые просторы. Ни души вокруг. И вдруг на гребне далекого бархана показываются два человека.

Ближе, ближе. Машина останавливается. На гребне бархана стоят, поддерживая друг друга, Рахман и Камал. Их окружили рабочие.

— Пить! — произнес тихо Камал и опустил на песок...

Взрыв! К небу летит бурая земля, осколки породы. Пыль рассеивается, и теперь видны взрывники, пробивающие путь через гряду холмов. Среди рабочих Рахман Ибрагимов.

— Здорово! — восхищенно говорит молодой паренек в выцветшей гимнастерке ремесленника. — Лопаткой сколько б мы возились, а тут — раз — и такая дыра!

— Дыра! В голове у тебя дыра, — недовольный этим определением, передразнивает паренька средних лет железнодорожник. — Точный инженерный расчет — и все.

Рабочие расчищают тоннель...

К месту работы приближается автомобиль. В кабине его Зухра и начальник стройки Саидов. Машина останавливается возле одной из палаток, в тени которой лежит, развалившись, Камал Таиров.

— Вот он, голубчик! — восклицает Саидов. — Хорош! Машину угробил и инженера чуть не погубил.

Камал равнодушно повернулся на другой бок:

— А, начальник!

— Да ты снова пьян! Поехали! — приказывает Саидов шоферу. И к Камалу: — Через час придешь. Будем с тобой прощаться!

— Прощайся со стройкой! — кричал в палатке начальник участка Саидов.

Камал Таиров стоял перед ним спокойный; он даже улыбался, глядя на расходившегося толстяка. Рядом сидели на топчане Ибрагимов и Кадырова, не вмешиваясь в их разговор.

— Пьянки, дебоши! Мешаешь людям работать! Да кто тебе это позволит?! Фронтным прошлым этого не прикроешь! Нет! Не нужны мне такие работнички!

— Все? — спокойно перебил его Камал. — Может, меня послушаете, товарищ начальник?

— Нет! — взвизгнул Саидов. — Считаю себя уволенным. С завтрашнего дня! И характеристику я тебе приготовлю — век будешь помнить. Все!

— Хоп! — равнодушно повернулся Камал — До новых встреч! — и вышел.

- Так можно всех разогнать, — недовольно заметил Ибрагимов.
- Таких разгону всех! Я от трудностей не бегал и других не учу.
- А жаль: учить надо.
- Ты что? Ему потакаешь?
- Война кончилась, Саидов. Сколько ран оставила она. Зримых и незримых. Нужно бы нам побережней к человеку... Подушевной.
- Чего ты хочешь, слушай?
- Нельзя увольнять Таирова.
- А?!
- Нам с этими людьми работать и работать... Ну, не сердись. Договорились?
- Нет, не договорились!
- Ладно. Оставь его здесь, у меня.
- Это другой разговор, это — пожалуйста.

Вечер. Камал решительно подошел к палатке Ибрагимова, резко отдернул полог, зашел:

- Пожалел? Меня пожалел?! Заступился?! — злобно выкрикивал он. — А мне не нужна твоя жалость! Понял!
- Погоди, чего расшумелся?..
- Не хочу твоих подачек! Пусть увольняют!
- Не понимаю тебя... воевал ты хорошо...
- Анкеткой интересовался?
- Человека искал в тебе.

— Подумаешь, Диоген! Что ты меня все свой культурой бьешь!.. «В мире много сил великих, но сильнее человека нет в природе ничего». Сказал Софокл. А теперь послушаем *altera pars*: «Человек возникает из грязи, порождает грязь... и, наконец, сам превращается в грязь». Между прочим, Шиллер. Или, как писал Хайям: «Скажи, ты знаешь ли, как жалок человек, как жизни горестной его мгновений бег?» Это ты мне хотел разъяснить?

Удивленный Ибрагимов не успел ответить. В палатку заглянула Зухра Кадырова.

- Простите, Рахман-ака... Можно к вам?
  - Нет! — в один голос ответили Ибрагимов и Таиров.
  - Я забыла... Тут вам... вот... — она протянув письмо Ибрагимову, засмушалась и поспешно вышла.
- Ибрагимов посмотрел на конверт и, волнуясь, торопливо вскрыл его. Стоя читает.

- Ну что, понял меня?!
- Погоди, — не отрываясь от письма, сказал Ибрагимов. Он дочитал письмо, сел, задумался, словно забыл о Таирове. На лице Рахмана Камал увидел глубокую печаль.
- Что, беда?
- Беда.
- Помочь не могу?

Ибрагимов отрицательно покачал головой.

Таиров сказал тихо:

- Пойду.
- Погоди.
- Помолчали.
- Ирина... замуж вышла, — горько промолвил Ибрагимов, кивнув на письмо.

— Это я хорошо понимаю. У меня вот тоже жена была... с другом моим... Э, живите вы счастливо!.. А я кому нужен?! Вот и рванул сюда. Чтобы раны не гравить.

— На всех людей обиделся.

— Душа болит.

— Водкой успокаиваешь?

— Все полегче.

— Жалеешь ты себя, Камал: ах, какой я бедный, какой несчастный, одинокий... Не ты один: сколько горя у людей осталось — война!

— У меня своего хватает.

— Плохо, что только своего.

— Прошла жизнь. А я ее и в руках не держал, и в глаза не видел.

— А ты ведь не шофер.

— Угадал,— криво усмехнулся Камал.— Я до войны литературу деткам почитывал, Археологией интересовался. На Афросиабе черепки собирал.

— Почему же бросил?

— Скучно стало.

— Наговариваешь на себя.

Замолчали. Камал поднялся, протянул руку, ушел ссутулившись.

Ритмично работает путеукладчик. Строящаяся железнодорожная колея подошла уже к месту, где Ибрагимов производил направленный взрыв. На аппарат идет Камал Таиров. Аппарат укрупняет его, и теперь, когда на экране только лицо Камала, он начинает говорить.

— А пошел первый поезд, и уехал от нас Рахман Ибрагимов. Хорошую память по себе человек оставил. Полюбил я его, и не только я...

Аппарат отъезжает, и мы видим Камала Таирова рядом с Романовым и Пелагеей Герасимовой. Таиров продолжает:

— А сильнее всех, знаете, девушка эта, техник — Зухра Кадырова.

— Ко мне все ходила,— вступила в разговор Пелагея Герасимова.— Нет ли писем от Рахмана Ибрагимовича? Посидим, бывало, поговорим о нем, а она словно светится вся... Уехала потом в Ташкент, в институт поступила.

— А письма были? — поинтересовался Вадим Николаевич.

— От Рахмана Ибрагимовича? Как в воду канул — ни одного. Адреса и то не сообщил... А тут для него почта была.— Пелагея Герасимовна порылась на этажерке, достала журнал, вынула оттуда корешок почтового бланка.— Перевод на пятьсот рублей. И журнал — стихи тут разные.

— От кого перевод? — спросил Романов.

— Не знаю, милый.

Романов бросил вопросительный взгляд на Таирова, но тот только плечами пожал.

— Разрешите, — Романов внимательно осмотрел бланк почтового перевода, но адреса отправителя на нем не было. Затем он взял журнал, перелистал несколько страниц, негромко прочел одно стихотворение. Это были взволнованные, лирические стихи о возлюбленной, о девушке, с которой долго не может встретиться поэт. Но сколько бы не тянулась еще горькая разлука, поэт твердо уверен: девушка ждет... Вадим Николаевич умолк и после небольшой паузы прочел фамилию автора: — Фархад... Не слыхал такого... Ну, а вы-то как теперь? — обратился Романов к Таирову. — Учителствуете?

— Его это рук дело, — улыбнулся Камал. — Достроили дорогу, сдал я свою машину и вернулся в школу.

- А куда же поехал Рахман?
- Говорили, Южностепной канал строить. Вы будете искать его?
- Обязательно. Я должен распутать одну старую историю и рассказать правду.

Знойным июльским полднем по асфальтированному шоссе катил трактор с прицепом. За рулем сидела загорелая женщина, в прицепе стоял Романов.

— А красивые у вас здесь места! — сказал Вадим Николаевич, мечтательно глядя поверх зеленого массива деревьев вдаль, туда, где вырисовывалась на горизонте бело-голубая гряда гор.

— Теперь красиво. А раньше — горы да голая степь, — отвечала женщина, не оборачиваясь. — Канал построили — жизнь пришла.

— А давно построили?

— В пятьдесят третьем.

— Вы тогда здесь жили?

— Я в кишлаке, вон там, в горах.

— Нужно бы мне из строителей кого-нибудь разыскать.

— Э, и не ищите — уехали все. В Голодную степь уехали.

— Так никого и не осталось?

— Теперь здесь все новенькие — переселенцы... А-а, есть, кажется, один — Сокирин. Начальником кадров был.

— А сейчас?

— Сейчас надзирателем за скотом.

Трактор остановился в центре поселка. Романов спрыгнул, помаhal рукой трактористке.

Романов вошел в тесную комнатушку, уставленную столами так, что между ними приходилось протискиваться. Но сейчас столы пустовали, и только один работник поднялся навстречу вошедшему. Это был подтянутый, среднего роста мужчина лет сорока пяти. Русые волосы, гладко зачесанные назад, открывали высокий лоб, из-под которого смотрели внимательные серые глаза.

— Романов, — представился Вадим. — Журналист.

— Сокирин Вячеслав Иванович. — Сокирин любезно улыбнулся, предложил стул. — Садитесь.

— Благодарю.

— Курите? — поднес открытый портсигар Сокирин и широко, дружелюбно улыбнулся.

— Можно приступить? — весело начал Романов.

— Готов отвечать на все вопросы, кроме тех, на которые не сумею ответить по своей неосведомленности, — в тон Романову откликнулся Сокирин.

— Вы, Вячеслав Иванович, кажется, работали на строительстве начальником отдела кадров?

— Как в личное дело смотрели.

— Стало быть, вы тот самый человек, который может мне помочь. Меня интересует все, что вы знаете об Ибрагимове. Если не ошибаюсь, он был здесь начальником строительства?

— А что, попался? — с неожиданной заинтересованностью вскинулся Сокирин.

— Почему, думаете, он должен попасться?

— Хм, долго рассказывать.

— Так я ради этого рассказа к вам и пришел.

Сокирин на минуту задумался, спросил с улыбкой:

— Простите, а удостоверение...

— О, пожалуйста,— поспешно откликнулся Романов, достал из кармана служебное удостоверение и протянул его Вячеславу Ивановичу.

— Не действительно,— лукаво улыбнулся Сокирин.

Романов удивленно посмотрел на своего собеседника.

— Просрочено,— пояснил тот.

— Ох ты, беда! Вот, пожалуйста, командировка.

— Да что вы! Я это просто так,— шутиливо взмолился Сокирин, но командировку все-таки посмотрел.— Значит, вас Ибрагимов интересует?.. Что я могу вам о нем сказать?.. Может, ошибаюсь, но кажется мне — подозрительный он тип, не внушает доверия, Вадим Николаевич. В свое время я об этом сигнализировал. Не поверили. Теперь вот газета заинтересовалась, очень правильно заинтересовалась. Впрочем, слушайте... Это был конец пятьдесят второго года...

Лицо Сокирина медленно растворяется, и на экран наплывает изображение строящегося головного сооружения канала. Панорама стройки на фоне близких гор. Рабочий поселок.

По улице, направляясь к управленческому зданию, идет Сокирин. Он раскланивается со встречаемыми, и дружелюбная улыбка не сходит с его лица.

Сокирин подошел к двери с надписью: «Нач. строительства Р. Ибрагимов», смело открыл ее и ступил в комнату.

— Этого, Александр Борисович, вам никто не простит! — горячо отчитывал Ибрагимов сидевшего перед ним пожилого человека.

— Не помешаю? — спросил Сокирин.

Ибрагимов кивком головы указал ему на стул и продолжал распекал провинившегося:

— Вы — главный инженер, на вас рабочий смотрит, как на своего учителя...

— Рахман Ибрагимович, да ведь в этом предложении рационального — бесконечная малость, — попытался оправдаться главный инженер.

— Пусть малость. Один малость предложит, другой, десятый, а в сумме?! Не только об экономии тут речь. Когда человек что-то свое в дело вкладывает, оно ему родным, кровным становится. А это у нас — главное, Александр Борисович.

— Вы меня, простите, конечно. Но вопросы идейного воспитания, кажется, не входят в функции главного инженера. Это, насколько мне известно, больше по части партийной организации.

— Не хочется повторять вам прописных истин — это наша общая забота. А вы, Александр Борисович, своими поступками отталкиваете работников, охлаждаете их. Так и заражают людей равнодушием. Вы меня поняли?

Главный инженер ничего не ответил, встал, не подымая глаз на Ибрагимова, сказал негромко:

— Ну, я пойду. Когда все же лес придет?

— Отмалчиваетесь, значит?

— А вы что хотите? — взорвался вдруг Александр Борисович. — Чтоб я перед вами на колени упал и раскаялся, как Мария Магдалина?

— Вот теперь можете идти, — усмехнулся Рахман Ибрагимович. — А лес будет через недельку — не раньше.

— Плохо.

— Сам знаю, плохо.

Александр Борисович ушел насупившийся.

— Жаль старика,— с искренним сожалением в голосе сказал Ибрагимов.— А ругаю. Надо. Как думаешь?

— Я бы его еще покрепче протер, с оргвыводами.

— Ну, это уж ни к чему. Инженер он — дай бог каждому.

Сокирин придвинулся поближе к Ибрагимову, заговорил тихо, доверительно.

— Знаешь, Рахман Ибрагимович, не внушает он мне доверия.

— Почему?— удивился Ибрагимов.

— С анкетой его знакомился?

— Ну и что?

— А то, что в плену он был, знаешь?

— Он и не скрывает.

— А что какие-то письма оттуда получает?

— Это ты тоже из анкеты?

— По долгу службы.

— Слушай, есть ведь у тебя отличная специальность — ветеринарный техникум закончил. Зачем тебе этими анкетами заниматься?

Сокирин пристально поглядел на Ибрагимова и продолжал:

— Словом, как начальнику строительства я тебе официально заявляю: Волошин доверия не внушает:

— Да откуда ты это взял?

— Я за ним уже полгода наблюдаю.

— И что ты заметил?

Сокирин достал из бокового кармана аккуратно сложенную школьную тетрадку, протянул ее Ибрагимову.

— На, читай. Тебе можно.

— Спасибо за доверие,— холодно съязвил Рахман Ибрагимович и стал перелистывать тетрадку, произнося отрывки записей вслух:— шестого октября—сказал прорабу... получил письмо из Франции... Слишком рьяно интересовался назначением соседнего завода... Восемнадцатого ноября—завел дружбу с авиаинженером, приехавшим в гости к сыну—электротехнику... Скажи, а на меня у тебя тоже такой кондуит заведен?—неожиданно обратился Ибрагимов к Сокирину.

— Тут не до шуток.

— Это ты правильно говоришь...—Закрыв тетрадку, отодвинул ее от себя, сказал серьезно:—Как говорят юристы, не вижу состава преступления.

— Не хочешь видеть.

И вдруг с несвойственной ему суровостью и резкостью Ибрагимов повторил:

— Я сказал, не вижу!—и, сняв телефонную трубку, заговорил подчеркнуто спокойно:—Соедините меня с четвертым участком... Юлдаш-ака, добрый день... Цемент получили? Хоп...

Сокирин спрятал тетрадку и молча направился к двери. На миг задержался, чтобы услышать разговор Ибрагимова по телефону:

— Слушай, Юлдаш-ака, ты у нас все можешь. Нужно путевку достать Волошину... Да, в какой-нибудь сердечный санаторий. Совсем расклеивается старик... Когда?

Сокирин вышел на улицу, медленно пошел вдоль строящихся котеджей, мимо работающих людей. На лице его читалась глубокая дума.

На этом движущемся фоне слышится голос Сокирина, продолжающего свой рассказ Вадиму Николаевичу:

— В этот день у меня впервые закралось страшное подозрение: а не заодно ли они: начальник и главный инженер? Может, я просмотрел, не заметил их связи?

Сокирин сидел перед Вадимом Романовичем, поглощенный собственными воспоминаниями. Он говорил спокойно, ровно, не жестикулируя, устремив взгляд на своего внимательного слушателя.

— Я решил навести кое-какие справки. Вскоре мне стало известно, что во время войны Ибрагимов служил в десантных частях и — заметьте — несколько раз забрасывался в тыл врага.— Сокирин сделал многозначительную паузу.— Это не все. Самое странное, что последняя операция его группы провалилась. По неизвестным причинам. Из соображений предосторожности я, конечно, не стал расспрашивать Ибрагимова, но что удивительно — эта операция проводилась как раз в том районе, где был в плену наш главный инженер. Вам не кажется такое стечение обстоятельств заслуживающим особого изучения?.. Или эти постоянные загадочные отлучки! Каждую субботу он куда-то исчезал и появлялся лишь в понедельник. Куда он ездит? Зачем? Я счел себя обязанным открыть эту тайну... Мне удалось выяснить, что Ибрагимов скрывается в чайхане на горной дороге.

Наплывает изображение. Серпантин горной дороги. Сокирин, заставившись за выступом скалы, наблюдает за чайханой, находящейся внизу.

К чайхане подъезжает машина. Из нее выходит Ибрагимов. К нему радостно подбегает мальчик лет десяти, степенно подходит какой-то старик. Поздоровавшись, они скрываются в домике.

Сокирин спускается тропинкой напрямик к чайхане. Вот машина Ибрагимова.

Звучит голос Сокирина: «И опять он один, без шофера. Свидетелей не любит».

Сокирин осторожно приближается к окну, заглядывает. В комнате пусто. На помосте чайник, лепешки, виноград — следы недавнего завтрака. Сокирин зашел, кашлянул. Никто не отозвался. Вячеслав Иванович подошел к противоположному окну. Что-то увиденное там привлекло его внимание.

По горной тропинке, буйно заросшей кустарником, поднимались, уходили куда-то Ибрагимов и паренек...

— Отец! — громко позвал Сокирин и повторил нетерпеливо: — Отец! Чайханщик!

В комнате появился старый чайханщик.

— Чаю, попрошу вас! — сказал Сокирин.

Старик принес чайник и пиалу.

— Одинокó живете, — констатировал Вячеслав Иванович, наливая чай.

— Добрые люди всегда есть: дорога, — ответил старик.

— Вот и я смотрю, приехал кто-то?

— Да, приехал, — согласился чайханщик.

— А где же он? Или дорогих гостей на коврах принимаешь?

— У меня для всех одна комната.

— А гость?

— Гуляет...

— Места здесь красивые. Воздух.

— Да, красивые.

— А куда ведет эта тропинка?

— Тут все тропинки ведут в горы.

Сокирин выплеснул остатки чая на пол, поднялся, вышел на улицу. Убедившись, что чайханщик, занятый рубкой дров, не видит его, он

торопливо подбежал к тропинке, по которой недавно прошли Ибрагимов и мальчуган, и скрылся в кустарнике...

Сокирин, раздвигая ветви, идет по тропинке. Она привела его к пещере. Голоса, раздававшиеся рядом, заставили его спрятаться, зайти.

Мимо прошли Ибрагимов и мальчуган с рюкзаками за плечами.

Сокирин пропустил их, полез в пещеру. Светя фонариком, он принялся исследовать ее. И вот, наконец, находки. В дальнем углу, за камнем, — бинокль, старая ракетница, прованный армейский планшет. В планшете рисованная от руки крупномасштабная карта.

Звучит голос Сокирина: «Я сразу узнал эти места: перевал, горная дорога, чайхана. Но что значили эти непонятные значки и стрелки? Направление первого похода. Место встречи. База номер один. Ясно, у меня в руках была шифрованная карта! Последующие события еще больше усилили мои подозрения...»

Сокирин шел вдоль центральной улицы рабочего поселка. Тяжелые тучи обложили небо. Дул холодный осенний ветер, пригибал к земле молодые акации.

Сокирин приоткрыл дверь кабинета начальника стройки, прислушался. Оттуда доносились возбужденные голоса. Это Ибрагимов спорил с Волошиным.

— А как же план? — иронически допытывался Волошин.

— План делают люди! — парировал Ибрагимов. Он заметил чуть приоткрытую дверь и крикнул раздраженно: — Ну, кто еще там? Заходите.

Сокирин, сдержанно улыбнувшись, зашел в кабинет, спросил:

— О чем спорит начальство?

— Вот-вот! — обрадовался Ибрагимов, показывая Сокирину на стул. — Пусть нас рассудят кадры, те, кто занимается человековедением. Дело вот в чем: пришел лес!

— Лес?! — оживился Сокирин. — Это очень хорошо!

— Вы подождите радоваться, — остановил его Волошин. — Начальник забирает его себе.

— Как себе? — не понял Сокирин.

— Э! Что, по-твоему, в первую очередь сделать надо? Бараки для рабочих? Или дамбу?

— Дамбу, — без колебаний ответил Сокирин.

— Да ведь не последний это лес! Вот, смотрите — отгружено, все нам отгружено, — горячился Ибрагимов. — Людям жить надо по-человечески. Осень.

— Значит, ты предлагаешь, — задумался Сокирин, — задержать строительство?!

— Но человек нам дороже всего, — продолжал горячиться Ибрагимов.

— Мы привыкли мириться с трудностями... с временными. Нам прикажут — пойдем на все. И никто не позволит тебе расхотать плановый лес. На мелочи!

— Я сам себе позволяю.

Спор разгорается с новой силой. Все трое о чем-то горячо говорят, но слов их не слышно: с экрана звучит голос Сокирина: «Теперь ясно, куда гнет Ибрагимов. Это срыв работ на важном объекте. А Волошин, его подручный? Для вида спорят — комедию ломают. Только мы не таких артистов в угол загоняли...»

— Значит, Рахман Ибрагимович, вы настаиваете?— гневно спрашивает Сокирин.

— Приказываю!— Ибрагимов встает.— Лес пойдет на бараки. Все!

— Нет, пожалуй, не все,— встает и Сокирин.— Я буду сигнализировать в вышестоящие органы.

— Хоть черту и дьяволу!— закричал, не совладав с собой, Ибрагимов.

Сокирин вышел.

Громко ударил ставень. Сокирин проснулся, беспокойно прислушался к яростным завываниям ветра, тревожным звукам набата.

Вячеслав Иванович прильнул к темному окну. Мимо мелькнула человеческая тень. За ней— другая. Сокирин быстро оделся, торопливо вышел на улицу.

Невдалеке, расплавив холодную тьму ночного неба, вздымались и трепетали зловещие огненные языки.

Из-за угла вынырнула фигура рослого мужчины.

— Что? Где горит?— нетерпеливо крикнул Сокирин.

— Лес!— запыхавшись, на бегу ответил мужчина.— Лес горит на разъезде!

Они побежали рядом. Вскоре к ним присоединилось еще несколько человек. Улица пробуждалась, и только одно слово перекатывалось из уст в уста:

— Пожар!.. Пожар!..

Когда вместе с разросшейся толпой Сокирин подбежал к железнодорожному разъезду, пламя уже перекинулось на крышу близлежащего склада.

Среди рабочих, растаскивавших бревна и доски, Вячеслав Иванович заметил напряженное лицо Ибрагимова. Тот что-то кричал, указывая рукой вправо, но что— Сокирин не расслышал. Рядом с ним мелькнула фигура Волошина, согнувшегося под тяжестью двух ведер.

Сокирин схватил за руки пробежавшего мимо разгоряченного парня:

— Отчего загорелось, Фаттах?

— Ветер провода сорвал на пилораме. Замыкание. А тут опилки.

— Кто сказал?

— Сам видел.

— А...— Сокирин хотел спросить еще что-то, но парень ринулся к бушевавшему пламени.

Ибрагимов багром выволок из огня толстое бревно, несколько раз перевернул его, сбил пламя.

Сокирин подошел к пожилой женщине с растрепавшимися волосами.

— Ты дежурила?

— Я, будь неладным это дежурство!

— Как дело было?

— Ветер, ветер все. Ка-ак начал провода раскачивать, так искры и полетели. Вот и загорелось. Я платком его, а он еще пуще...

— Не видала— никого здесь не было? Не поджег ли?

— Да ты в своем ли уме, батюшка?!

— А начальник когда пришел?

— Как зазвонила, он и появился.

Женщина отошла, а Сокирин нашел глазами Ибрагимова, к которому подбежал невысокий круглолицый мужчина.

— Та ведь там мое обмундирование погибает!— кричал он срывающимся голосом.

— Вытаскивать, Окунь! Все, что можно!— И мгновенно что-то решив, добавил:— Товарищи! К складу! Быстрее!

Вместе с Окунем Ибрагимов побежал к пылающему складу. Сокирин последовал за ними.

Рослый парень с закопченным потным лицом спросил Сокирина осипшим голосом:

— Закурить дашь?

Вячеслав Иванович достал папиросу, протянул.

— Само загорелось или как?— спросил Сокирин.

— Замыкание, говорят.

— Случайно, значит?

— Нет, для красоты зажгли.

Сокирин промолчал. Парень бросил папиросу, по такой ненужной и даже смешной сейчас привычке затоптал ее, направился к охваченному огнем складскому барaku, со всех сторон осажденному людьми. Сокирин видел, как вместе с другими строителями Ибрагимов вытаскивал из барака ящики и мешки, как он давал какие-то распоряжения, но мысли Вячеслава Ивановича были заняты иным. Он думал вслух: «Случайность? Нет, тут не случайность, тут умысел! Сначала лес решил со стройки сорвать — о людях, видите ли, забеспокоился. Потом испугался, не выйдет — и раз — пожалуйста! Но как докажешь? Свидетели... Кто они?! Фаттах? (Аппарат укрупнил фигуру разгоряченного парня, с которым недавно разговаривал Сокирин). Так он ему специально месяц назад комнату выделил, когда тот женился... Кузьминична? (Аппарат вырвал из толпы пожилую растрепанную женщину с тяжелыми ведрами в руках). А не ее ли дочь он в консерваторию отправил! Выходит, этому свидетелю верить? (На экране появляется фигура угрюмого парня, только что вынесшего из горящего складского барака огромный ящик). Хулиган! Не взял бы его Ибрагимов на поруки — сидел бы сейчас, как миленький... И для чего это ты, начальник, перед людьми так стараешься? Добрый? Таким добрым только виноватый бывает... А сейчас героизм показать хочет — народное добро спасает. Не новая это тактика...»

Горит крыша складского барака. Еще минута, еще две и она обрушится.

Ибрагимов приказал:

— Все от барака! Не подходить!

— Та у меня ж там два ящика сапог осталось!— взмолился подбавивший к Ибрагимову Окунь.

— Нельзя туда больше! Не видишь — обрушится!

Но Окунь, не вникая словам, будто одержимый, бросился к дымящейся двери и скрылся в ней прежде, чем его успели остановить. Умолкли голоса, остановились, замерли в напряженном ожидании люди. Теперь слышны только щипающие звуки пожара да хищные пошвысты ветра. Вдруг что-то глухо треснуло там, внутри барака, и крыша стала медленно оседать. Будто единое дыхание, вырвался наружу испуганный возглас толпы. Никто не сдвинулся с места. Только одна фигура метнулась к двери и скрылась в дыму. Сокирин узнал: это был Ибрагимов.

Томительные, страшные мгновения. Крыша оседает все больше, все быстрее... Еще секунда... Сноп ослепительных искр подымается к небу и в густом едком дыму медленно, очень медленно опускает на землю. А когда рассеивается эта завеса люди видят: стоит Ибрагимов, а на руках у него Окунь...

Еще какое-то мгновение никто не шевелится, и лишь когда Ибрагимов, сделав неуверенный шаг, пошатнулся и упал, все разом бросились к нему...

Пожилой врач, осмотрев Ибрагимова, развел руками:

— Старые раны открылись. И как он вообще работает? Ему лечиться нужно.— Врач отошел к окну, раскрыл его.

Занимался рассвет.

Пожилой рабочий и Сокирин сидели у постели больного.

Ибрагимов открыл глаза, спросил слабым голосом:

— Что на разъезде?

— Потушили. Все в порядке.

После небольшой паузы Рахман Ибрагимович спросил снова:

— Окунь, как он?

— Брось ты о нем волноваться. Он еще нас с тобой переживет,— ответил Сокирин.— Нужно срочно провести расследование.

— И без расследования все ясно.

— Не совсем.

Звучит с экрана голос Сокирина: «На следующий день я отправил письмо в следственные органы».

Из окна управленческого здания выглянула секретарша Ибрагимова:

— Вячеслав Иванович! Вячеслав Иванович! Не зайдете сегодня к начальнику?— кричит она, глядя вниз.

— А что?— раздается из-за кадра голос Сокирина.

— Тут ему почта личная.

— Давайте сюда, занесу.

Секретарша на минуту скрылась в окне, потом появилась с бандеролью в руке.

— Держите,— кричит она и бросает бандероль.— Тут еще телеграмма и извещение на перевод.

Сокирин кладет бандероль в карман и уходит.

Сокирин запер за собой дверь, осмотрелся, достал бандероль и сел к столу.

В знакомую уже школьную тетрадку он торопливо переписывал номер перевода, место и номер почтового отделения, откуда он был выслан, дату отправления, сумму и все иные сведения, которые мог почерпнуть из маленького корешка. Особый интерес вызвала у него сумма. Он даже назвал ее вслух, голосом, в котором звучало подозрение:

— Тысяча пятьсот двенадцать рублей двадцать восемь копеек. Хм... Это уже третий... Хотелось бы знать, кто и за какие услуги шлет тебе эти деньги?.. Узнаем, все узнаем — сам расскажешь...

Когда корешок перевода был осмотрен и всесторонне изучен, Вячеслав Иванович перешел к бандероли. Вся процедура осмотра и изучения повторилась сначала. На бандероли стоял адрес и фамилия отправителя.

— Кучкаров?— произнес вслух Вячеслав Иванович.— Кучкаров. Кто это такой?— и сам себе продиктовал — Кучка-ров В.

Дальше началась самая ответственная операция: узким перочинным ножиком Сокирин осторожно подрезал бандероль. Он даже вспотел от напряжения. Наконец, бандероль была вскрыта. В ней оказался журнал без всякой сопроводительной записки. Сокирин перевернул страницу, другую, третью... Рассказ, статья, стихи... Лицо Вя-

челова Ивановича выразило крайнюю степень разочарования. С совершеннейшим равнодушием он прочел стихотворение какого-то Фархада, в котором описывалась радость строителя, наблюдающего путь первого поезда сквозь пустыню. И поскольку в стихотворении ничего подозрительного не было, Сокирин снова стал листать журнал, рассматривая каждую страницу на свет. Наконец, когда и этот эксперимент не дал желаемых результатов, Вячеслав Иванович попробовал сложить первые буквы стихотворных строк — получалась белиберда. Отчаявшись разгадать тайну этого журнала, Сокирин записал в тетрадь номер и год издания, а затем вложил в обертку и заклеил так, что от проделанной операции не осталось никаких следов. Затем Вячеслав Иванович прочел телеграмму, причесался и вышел из комнаты с очень спокойным и довольным лицом.

Когда Сокирин вошел в комнату к Рахману Ибрагимовичу, тот сидел в кровати, обложившись со всех сторон книгами. Рядом с ним, занятый перерисовкой карты, расположился мальчуган, которого Вячеслав Иванович видел уже в чайхане на горной дороге.

- Добрый день, ветеран! Как здоровье?
- Задавай вопросы полегче.
- Киснешь, значит. Взял бы ты, друг, путевку да поехал полоскать свои кости в Черном море.
- Вот пустим канал, тогда и поеду.
- Это что за гость у тебя?
- Звонили, что почту мою взял,— ушел от ответа Ибрагимов.
- Держи... А как звать тебя, герой?
- Аман.
- Что ж ты здесь изобразил?
- Вот это? Это наша тайна.

Между тем Ибрагимов вскрыл телеграмму и пока читал, Сокирин не спускал с него пристального взгляда. А лицо Ибрагимова за это короткое мгновение изменилось неузнаваемо. Пробежав телеграмму, он посмотрел на часы, фывком откинул одеяло, вскочил, взволнованно крикнул:

- Машину! Быстрее!..
  - Да ты что — рехнулся? Врач вставать запретил, а он...
  - Это потом, потом. Вызови побыстрее машину!
  - Объясни хоть, что стряслось.
  - Ты язык человеческий понимаешь?!— повысил голос Рахман Ибрагимович.— На вокзал надо.
  - И я с вами,— попросил Аман.
  - Нет. Нельзя,— ответил Ибрагимов.
- Сокирин непонимающе пожал плечами и вышел.

ГАЗ-67 остановился у дома Ибрагимова. Рахман, нервно дождавшийся его, быстро подошел, сказал сидевшему в машине Сокирину:

- Выходи, сам поеду.
- Ну, это ты брось! А вдруг в дороге что стрясется — больной ведь. И не говори — одного не отпущу, сорок километров.

Ибрагимов, безнадежно махнул рукой, сел рядом с шофером, сказал:

- Только побыстрее. К поезду успеть надо.
- Машина рванулась с места, помчалась по шоссе.
Мчится по степи машина.

- Не уезжать ли собрался?— осторожно спросил Сокирин.
- Друга фронтowego встретить хочу. Проездом он.

Машина ворвалась на станцию, когда поезд уже тормозил. Ибрагимов бросился к шестому вагону. Вот на ступеньках появилась красивая женщина. Рахман подался было к ней навстречу, но так и остался на месте.

Женщина подошла к нему, протянула руки:

- Рахман!..
- Ирина!.. Ира!..

Они стояли, не разнимая рук, не отрывая взглядов.

Сокирин, подойдя поближе, напряженно вслушивался в их разговор.

— Почему ты сразу не сообщил мне, что остался жив?..

— Я не знал, как это сделать... Никто не знал, где ты, куда уехала...

— Ты должен меня понять... Мне было так одиноко... тяжело... Я каждое утро... с надеждой... и каждый вечер—отчаянье и страх...

— Тебе пора,— сурово сказал Ибрагимов, словно подводя итог этой встрече.

— Но я так не могу... я не хочу тебя терять, Рахман,— и, уже стоя на подножке движущегося поезда, она крикнула:— Пиши мне! Новороссийск. До востребования.

Ушел, скрылся вдали курьерский поезд. Долго стоял Ибрагимов, провожая его взглядом.

— Завтра — на работу!— сказал Ибрагимов, неизвестно к кому обращаясь.

Сокирин бодро вошел в кабинет Ибрагимова:

— Вызывал?

— Садитесь.

— Почему вдруг так официально?

— На каком основании вы обвиняете Волошина?— сухо и враждебно спросил Ибрагимов.

— Знаете уже?

Ибрагимов ждал ответа, а Сокирин сказал:

— На основании многодневных наблюдений.

— Факты?!

— Я их изложил в письменной форме.

— Ложь! Клевета!

— Пусть оправдывается, если я ошибаюсь.

— Подлец! Вы в каждом человеке видите преступника. И всякий, по-вашему, должен подыскивать факты, чтобы доказывать свою невиновность!

— А вы, конечно, наоборот? Вы добрый?

— Я верил даже в вас.

— Ну, хватит!— возмущенный Сокирин поднялся, глаза его стали совсем прозрачными.— У вас есть ко мне вопросы?

— Да. Почему вы мешаете людям жить?

— Чтобы такие, как Волошин и вы, не мешали строить...

— Э, да что с вами говорить?! Некогда. Мы идем воду пускать в новый канал. И если я вас там увижу—выгоню, у всех на глазах!

Вадим Николаевич холодно посмотрел на Сокирина, спросил:

— Ну и что показало следствие?

— Не было следствия. Волошин, желая замести следы, или может, с перепуга дуба взрезал.

- Скончался, вы хотите сказать?
  - Да, инфаркт... А Ибрагимов обвинил меня в его смерти. Словом, поверхностно разобрались.
  - Были какие-нибудь оргвыводы?
  - Исключили из партии меня. А Ибрагимов добился, чтобы вот сюда загнали.
  - За скотом надзирать?
  - Только я этого так не оставлю!
  - Жалуетесь?
- Сокирин достал из шкафа пухлую папку аккуратно сшитых завлений.
- Вот, читайте.
- Романов даже не взглянул на протянутую ему папку.
- Вы должны мне помочь разоблачить эту шайку!— требовательно сказал Сокирин.— Ведь только благодаря моей бдительности была тогда спасена стройка.
  - Вы в этом убеждены?
  - Абсолютно. А деньги, которые ему откуда-то присылали?.. Нужно тут прошупать.
  - Кого?
  - Связную из Новороссийска.
  - Тоже правда..
  - Мы встретимся еще?— Сокирин поднялся, протянул руку Романову.
  - Не хотелось бы,— ответил Вадим Николаевич и, не пожав руку Сокирина, вышел.

Вадим Николаевич стоял у адресного бюро. Девушка протянула ему справку, сказала:

- Набережная, двадцать четыре, квартира шесть.
- А где она, Набережная?
- Пойдете прямо, потом направо — в Новороссийске каждый знает.

Романов сидел в просторной светлой комнате перед Ириной Осиповой.

— Да, бежит время,— сказал он задумчиво.— А сейчас один вопрос: что вы знаете о Рахмане Ибрагимове?

От неожиданности этого вопроса Ирина резко повернулась, изменилась в лице.

- С ним что-нибудь случилось?
- Нет, просто мне необходимо знать о нем все, что знаете вы. Где он теперь?

Женщина отрицательно покачала головой:

— В пятьдесят третьем он был на строительстве Южностепного канала в Узбекистане, сейчас его там нет.

— Откуда вам это известно?

— Я получила письмо обратно,— «адресат выбыл».

— А он вам не писал?

— Один раз, лет двенадцать-тринадцать назад.

— Жаль.

— Скажите, зачем вы его разыскиваете?

Романов колебался, стоит ли рассказывать, наконец решился:

— Вы помните его последнюю операцию? Командование считало, что вся группа погибла. И вот, представьте, несколько месяцев назад я случайно встречаю Назарова...

- Сулеймана?— взволнованно переспросила Ирина.
- Вы его помните?
- Ну, конечно, конечно же! Я их всех хорошо знала.
- Он сказал, что группа погибла из-за Ибрагимова.
- Не может быть! Не верю!
- И я не верю.
- Нет, это неправда, неправда!
- Успокойтесь, Ирина. Я это докажу.

Несколько мгновений в комнате стояла тишина, потом Романов негромко спросил:

- Вы не помните, кто был послан в разведку?
- Назаров. Так они передали.
- Это точно?
- Для меня это было, как вчера.
- Когда вы узнали, что Рахман жив?
- В сорок седьмом. Он прислал письмо.
- И вы с ним встретились?
- Нет.

Вадим Николаевич повернулся к Ирине, не скрывая своего удивления.

— Поздно было,— с горечью в голосе объяснила Осипова.— Я вышла замуж.

- И больше вы его не видели?

Ирина утвердительно кивнула и, не подымая головы, тихо сказала:

- В пятьдесят третьем — несколько минут, на полустанке.
- Проездом?
- Да... Нет, я ехала специально.
- Ради нескольких минут?

Женщина не ответила.

Вадим Николаевич прошелся по комнате, остановился у письменного стола. Взгляд его упал на стоящую в рамке фотографию Ибрагимова в военной форме. Романов взял ее в руки, спросил:

- А муж?
- Его нет... После той поездки... Я не могла лгать, не хотела...
- Значит, вы и сейчас...

На глазах Ирины навернулись слезы. Незаметно смахнув их, она сказала:

- Я сама виновата во всем... я это заслужила.

Вадим Николаевич не спорил и не утешал. После небольшой паузы он спросил:

- Где же его теперь искать?
- Не знаю,— поднялась Ирина.— Но если разыщите, сообщите мне его адрес...

Вынырнул из тоннеля и стремительно промчался мимо аппарата курьерский поезд Новороссийск-Москва.

Молоденький офицер, сидевший в купе напротив Романова, заинтересованно спросил:

- Значит, все — дальше никаких следов?

— В адресное бюро ходил, в министерстве все бумаги перерыли — как в воду канул.

— Жаль,— разочарованно произнес спутник и через мгновение снова оживился:— Ну, а как вы думаете, Вадим Николаевич,— виноват он все-таки или?... А?

— Какая теперь разница?— вмешался в разговор мужчина с сытой физиономией.— Сколько лет прошло!.. Давно затянулись раны

войны и не пора ли снисходительно простить тех, кто однажды смало-душничал или оступился?

Молчаливо сидевшая в углу пожилая крестьянка, которая, казалось, и не прислушивалась к разговору, в купе, неожиданно сказала:

— Володя, сынок мой, вот так же... без вести. Хоть знала б где могила — и то легче на душе...

— Ошибаетесь! — горячо возразил Романов мужчине с сытым и самодовольным лицом. — Мы не забыли могил солдат, и раны войны тоже, как видите, — указал Вадим Николаевич на старую крестьянку. — Герой не должен остаться безвестным. А христианская заповедь всепрощения, снисходительного великодушия к подлецам — не для нас. Вот почему мне нужна правда, вот зачем, если вас интересует, распутываю я эту историю.

— Как же вы думаете найти его теперь? — снова спросил после небольшой паузы молодой офицер.

— Есть у меня одна мысль: напишу рассказ обо всем, что знаю, с настоящими именами и фактами, прочту по радио. Кто-нибудь да откликнется...

Промчался с грохотом и скрылся вдали курьерский поезд.

В кабинете за письменным столом сидит Романов. У него перевязано горло, болезненный вид.

— Вадим? — раздается из-за двери женский голос, и через минуту в комнате появляется жена Романова с толстой пачкой писем в руках. — Смотри, сколько сегодня! Штук сто, наверно.

— Ну-ка, давай, Вера, давай. Может, хоть сегодня что-нибудь о нем?

Вдвоем они раскрывают письма, углубляются в чтение.

— Не то, — откладывает первое письмо Романов.

— И это.

Читают.

— Гм, очень похоже... нет... Как это ты хорошо сделал с рассказом по радио, — отрывается от письма Вера. — Смотри, сколько интересных людей, интересных судеб... Уже две недели целый поток!

— Да, а того, нужного, все нет...

— А вот твое письмо, обратно вернулось. — И жена Романова прочла на конверте: — «Ваше письмо С. Назарову не доставлено. По указанному адресу не проживает». Переехал?

— Кто знает? — ответил неопределенно Вадим Николаевич, и они снова углубились в чтение прибывших писем.

— Постой, постой. Кажется... Да, вот оно! — воскликнула вдруг жена Романова.

— От кого?

— Нет. От какой-то... Зухры Кадыровой...

— Дай-ка! — оживляется Вадим и начинает читать: — «...я хорошо знаю человека, о котором написан ваш рассказ, — читает Романов письмо Зухры Кадыровой. — Я познакомилась с ним на строительстве железной дороги. Недавно он был в Ташкенте, и мы увиделись снова. Это произошло случайно...»

Расплывается кабинет Романова, затихает его голос. На экране возникает новое изображение.

В тесно набитом трамвае, примостившись рядом с какой-то женщиной, сидит Зухра. Она просматривает газету, переворачивает ее и

неожиданно вздрагивает: с групповой фотографии смотрит на нее знакомое лицо Ибрагимова. Зухра быстро пробегает заметку: «Вчера на республиканское совещание работников промышленности и строительства прибыла большая группа...»

Расталкавая пассажиров, Зухра быстро пробирается к выходу и выскакивает из трамвая. Она почти бежит по оживленной улице, сворачивает за угол.

...Возбужденная, раздурмянившаяся Зухра стоит перед окошком администратора гостиницы.

— Нет, Ибрагимов у нас не проживает,— спокойно говорит ей администратор.

— Спасибо,— отвечает Зухра и поспешно удаляется.

...Зухра стоит у стола администратора другой гостиницы.

— Ибрагимов? Такого нет,— сказал администратор и углубился в свои книги.

Зухра вышла из кадра.

... И снова стоит она перед окошком администратора. Это уже третья гостиница.

— Ибрагимов?— переспрашивает ее миловидная девушка.— Р. И.?

— Да, да, Р. И.

— Второй этаж, двести четырнадцатая комната.

— Благодарю вас,— отвечает Зухра и направляется к выходу из гостиницы.

...Зухра стоит в телефонной будке:

— Двести четырнадцатый?.. Попросите, пожалуйста, Ибрагимова.— Зухра заметно волнуется, голос изменяет ей.— Рахман Ибрагимович?.. Здравствуйте. Это я, Зухра Кадырова. Помните такую?.. Да, да... А я газету смотрю и вдруг... да... Вы очень заняты?.. Нет, почему же, это не поздно... В девять, значит?.. Где?.. Хорошо.

На улице было уже темно. Зухра остановилась под фонарем, запутавшимся в густой весенней листве... Но вот и Рахман Ибрагимович. Он подошел и, дружелюбно улыбаясь, протянул руку.

— Да вы уже совсем взрослая!

— Если не сказать старая. Двенадцать лет прошло, Рахман Ибрагимович.

— Да, немало. Как живете, Зухра?

— Политехнический зақанчиваю.

— О-о!

На мгновение их закрыл троллейбус, а когда он проехал, Зухра говорила:

— Впрочем, что же мы стоим? Пойдемте куда-нибудь...

Они пошли по шумной, ярко освещенной улице. Мимо проносились машины, проходили люди, но Рахман и Зухра не обращали на них внимания, просто не замечали, увлеченные общими воспоминаниями, захваченные каким-то удивительным порывом.

— А Камал? Помните его?— спрашивала Зухра.

— Еще бы!

— Иногда кажется, частица, сердца там осталась. Правда? Несколько лет назад открываю я журнал и вижу стихотворение какого-то Фархада. «Первый поезд», что ли. Читаю и удивляюсь. Такое чувство, будто про нас написано, будто поэт все знал, все видел. Жаль вот забыла.

Ибрагимов лукаво улыбнулся и начал читать стихи, в которых описывалась радость строителя, наблюдающего путь первого поезда сквозь пустыню.

— Хорошо как, да?— воскликнула она, когда Ибрагимов кончил читать стихи.

Ибрагимов промолчал.

— Ох, эти инженеры! Бесчувственные люди! Их трогают до слез скучные формулы и оставляют совершенно равнодушными самые прекрасные строки. Откуда вы их знаете?

— Прочел в том же журнале.

Они снова шли по улицам Ташкента, по набережной. Прохожих становилось меньше. Ибрагимов говорил:

— А лет через десять посмотришь — какую красоту мы воздвигли! И все это своими руками!.. Когда думаешь так, по-другому начинаешь относиться и к разным мелким неурядицам, и к ежедневной суете, и даже к самому себе.. Вы поймите меня, Зухра...

— Я вас понимаю.

— Зайдем?— предложил Ибрагимов, указав на вход в летнее кафе.

— Вас, наверное, ждут, Рахман Ибрагимович. Поздно уже.

— Меня?

— Вы приехали один?

— Как двенадцать лет назад.

— Тогда пойдете!— обрадовалась почему-то Зухра.

Но теперь ее удержал Ибрагимов:

— А вы?.. Вас никто не ждет?

— К сожалению... Знаете, никто не хочет брать замуж,— весело рассмеялась Зухра.

— А серьезно?

— Серьезно?.. Есть один человек... А другого — не нужно! Пойдете.

Они вошли в открытое кафе, сели за столик.

— Теперь вы куда?— спросила Зухра.

— Новую ГЭС строить — Головную! Слыхали?

— И вы опять уедете на много лет,— заметно погрустнела Зухра.— И мы снова увидимся уже совсем стариками... Возьмите меня с собой, Рахман-ака.

— А вы не будете больше плакать, как тогда, в Первомайском?

— Я буду плакать, если вы не согласитесь.

Рядом шумно отодвинулся стул. Ибрагимов оглянулся на поднявшегося мужчину, и фигура эта показалась ему такой знакомой, что он, весь напрягшись, подался вперед, всматриваясь в удаляющуюся спину.

— Что с вами, Рахман-ака?— взволнованно спросила Зухра.

— Ничего... так...— ответил Ибрагимов.

— Кто это?

— Мне показалось, будто я увидел одного знакомого покойника.

— Что?

— Да, хотел бы я с ним встретиться на этом свете.

— Кто он?

— Этот человек?.. Показалось. Как-нибудь в другой раз я вам расскажу.

После небольшой паузы Зухра спросила снова:

— Значит, вы возьмете меня на стройку?

— Нет, Зухраhon, мне это будет трудно.

Романов, сидя в своем кабинете, дочитывал письмо Зухры:

— «Теперь я уже получила диплом и послезавтра, добившись перемены назначения, выезжаю на стройку Головной ГЭС».

Вадим складывает письмо, говорит жене:
— Пакуй чемодан, Верочка!

Самолет идет на посадку. Вот колеса коснулись бетонной дорожки, и он остановился. Из самолета вышли пассажиры. Среди них — Вадим Романов. Оглядевшись, он заметил Ибрагимову и Зухру и поспешил к ним.

Вадим и Рахман обнялись и расцеловались:

— Вот ты какой!

— Да и ты...

— Важный, седой...

— Старый. Зато, смотри, жена молодая. Знакомься.

— Зухра, — подала руку Кадырова.

— А мы уже знакомы... заочно, — улыбнулся Романов, и все засмеялись.

Разговаривая, идут к машине...

«Победа» стремительно летит по асфальтированной горной дороге. За рулем Ибрагимов, Романов и Зухра расположились на заднем сиденье. Машина, поднимаясь серпантинной дороги, приближалась к перевалу.

— Всегда вы, журналисты, опаздываете, — улыбнулся Рахман.

— Неужели ты встретился с ним?!

— Ладно уж, расскажем ему, Зухрахан, конец этой истории?

Продолжает звучать голос Ибрагимова:

— Вскоре после моего приезда на стройку, однажды днем...

На экране возникает кабинет Ибрагимова, Рахман разговаривает с участками работ по селектору.

— Алло! Алло! Говорит Ибрагимов. Слушать на всех участках! Водохранилище?.. Докладывайте!

Панорама строящегося водохранилища.

Перед селектором сидит человек. Он отвечает Ибрагимову:

— Сегодня план земляных работ выполнили первый, третий участки. На втором полсмены простояла «шестерка». Снова трос, Рахман Ибрагимович. «Летучка» не пришла вовремя.

Голос Ибрагимова в селекторе: «Механическая мастерская? Слышите?»

Голос в селекторе: «Да, товарищ начальник!»

Ибрагимов: «В чем дело?»

Голос в селекторе: «Не хватает слесарей. Все на монтаже шагающего».

Ибрагимов у себя в кабинете.

— Слабое оправдание... Дамба? Как идет укладка бетона?

Панорама строящейся дамбы.

Пожилый человек у селектора:

— Сегодня перекрыли вчерашнее отставание. Сто три процента, Рахман Ибрагимович.

Голос Ибрагимова в селекторе: «Отлично, Петрович... Станция? ГЭС? Что у вас?»

Строительство станции.

Молодая женщина перед селектором:

— Ругаюсь с поставщиками, по их вине задержалось оборудование. Голос Ибрагимова: «Это я знаю. Меры принял. У вас все?»

Молодая женщина перед селектором:

— Цемент...

Голос Ибрагимова: «И сегодня не дали?»

Молодая женщина перед селектором:

— Дали, но мало.

Ибрагимов у себя в кабинете:

— Цементный завод? Когда, наконец, вы обеспечите стройку?

Голос в селекторе: «Понимаете, Рахман Ибрагимович... Штука какая...»

Ибрагимов: «Ваши ежедневные штуки срывают график работ всей стройки».

Голос в селекторе: «Мы подтянемся, Рахман-ака. Обещаем... Весь коллектив...»

Ибрагимов:

— Завтра в одиннадцать буду у вас... Вызываю высоковольтников.

Голос из селектора: «Линия высоковольтных передач слушает».

Ибрагимов:

— Докладывайте.

В кабинет к Ибрагимову просовывается лысая голова начальника снабжения Окуня. Знаком он просит разрешения войти. Ибрагимов согласно кивает, продолжая разговор. Окунь осторожно протискивается в кабинет. За ним, держась на почтительном расстоянии, идет человек, которого зрители уже видели в начале фильма. Это Сулейман Назаров!

Ибрагимов продолжает говорить по селектору, не замечая Назарова.

Назаров оторопел от неожиданности. Через много лет после войны, на далеком строительстве вновь свела их судьба. Сейчас Ибрагимов узнает его! Надо что-то делать. Скорей! Сейчас случится непоправимое.

Ибрагимов выключает селектор.

Назаров отворачивается, отходит к двери.

— Что у тебя, Иван Федорович?— обращается Ибрагимов к Окуню.

— По поводу скатов для самосвалов вот товарищ,— поворачивается к своему спутнику начальник снабжения. Но Назарова в кабинете уже нет. Недоуменный взгляд Окуня.— Только что был... Ушел... Может, по нужде?

— Кого это ты привел?

— Та Юнусова... Начальник гаража он в Янгишахаре, деловой человек.

— Ну и что?— не понимает Ибрагимов.

— Покрышки нам нужны?

— Нужны.

— Значит, и Юнусов нужен. Он нам дает заимобразно тридцать комплектов.

— Немного, но и на том спасибо!

— Пойдите благодарить... Даст тридцать, а укажет пятьдесят. Я, говорит, оставшиеся вам через месяц додам.

— Сделка?!— нахмурился Ибрагимов.

— Я же сам не решал... привел вот. Помогли да помоги, говорит.

— Ох, Окунь! И зачем я тебя из огня вытаскивал?

— Понимаете, Рахман Ибрагимович, жалоба на него была. Ну, комиссию из обэхэс прислали. Так вроде бы ничего, но двадцать комплектов у него явно не хватает. Вот и мечется. Обнаружат, поздно будет.

- Шляпа?
- Та не — сам приложился.
- Ну тогда пусть сам и расхлебывает! И не приводи ко мне... как его там?
- Та Юусов.. А покрышки как же? Запарка ведь — машины разуты.
- Обойдется. Отгрузили нам из Ярославля.
- Окунь поднялся, пошел к двери, у порога остановился.
- Ох, забыл сказать: родственница к вам приехала.
- Родственница?! — удивился Ибрагимов. — Какая родственница?
- Такая, по виду вроде сестра или, может, племянница.
- А ты не перепутал?
- Не волнуйтесь, Рахман Ибрагимович, — на тещу она еще по годам не вышла.
- Ибрагимов недоуменно пожал плечами.
- Так, значит, она прямо к вам заехала. Сам попутно с вокзала привез.
- А чего ж ты мне сразу не сказал?
- Не велела. Хочет, наверное, неожиданно-негаданно. Сюрпризом.
- Хоть как зовут скажи.
- Я, Рахман Ибрагимович, человек семейный.
- Да, действительно сюрприз.

Одетая в дорожное платье, Зухра сиротливо сидела посреди холостяцкой комнаты Ибрагимова. Открылась дверь, и в комнату вошел высокий смуглый парень лет семнадцати. С трудом узнаешь сейчас в нем того шустрого мальчугана из дорожной чайханы, с которым Ибрагимов совершал походы в горы.

Увидев незнакомку, Аман остановился. Поднялась и Зухра.

— Вы кто? — спросила она растерянно.

— А вы?

— Но здесь квартира Ибрагимова?

— Да, это наша квартира.

— Вы... кто ему? Родственник?

— Я его сын.

— Сын?! Такой большой?

Ибрагимов сложил бумаги и вызвал секретаршу:

— Я уйду, Ниночка. На часок, домой...

Аман и Зухра убрали холостяцкую комнату Ибрагимова, продолжая разговор.

— Мы с ним часто уходили в горы и там играли в партизан и десантников. У нас был свой штаб в пещере, наблюдательные пункты, тайные тропы. Я сам рисовал карты, мастерил радиоприемник. Рахман-ака подарил мне бинокль, планшет, старую ракетницу. Правда, их кто-то украл... А приемник — вон, до сих пор живет... Иногда, вечерами, Рахман-ака читал нам стихи — мне и деду. Он очень хорошо читает стихи — про пустыню, про стройку, про любовь...

— К кому?

— Вообще про любовь... А когда умер дед, Рахман-ака забрал меня к себе, тогда и усыновил. Мы дружно живем... Ну, теперь все? — Аман обвел взглядом прибранную комнату.

— Как будто, — ответила Зухра.

— Тогда я пойду.

— Куда ты торопишься, Аманджан?

— Я ведь учусь. Вечернюю школу заканчиваю. Мы еще увидимся?

— Конечно. Я буду здесь работать.

Аман вышел. Усталая Зухра прилегла на диван.

...Рахман Ибрагимович подошел к дому, открыл дверь и от удивления застыл на пороге: в комнате была Зухра! При появлении хозяина она растерянно вскочила с дивана.

— Вы?!— произнес Ибрагимов, и в этом возгласе прорвалась такая большая и искренняя радость, что Зухра, не сдержавшись, шагнула ему навстречу.

— Рахман-ака!

Но уже в следующее мгновение Рахман Ибрагимович, видимо, раскаялся в своем произвольном и искреннем порыве. С излишней, подчеркнутой официальностью, словно желая исправить то впечатление, которое могло сложиться у Зухры после его первого возгласа, он протянул руку и, натянуто улыбувшись, произнес:

— Очень рад вас видеть. Какими судьбами?

Перемена в настроении Ибрагимова не осталась для Зухры незамеченной. Она отозвалась в ней острой болью, прозвучала в ее голосе.

— Я получила назначение к вам... то есть на Головную ГЭС. Вы не думайте,— вконец разволновалась Зухра,— вот мое направление.— Она раскрыла папку и стала поспешно перебирать бумаги.

— Да я вам верю,— уже овладев собой, дружелюбно улыбнулся Ибрагимов.

Но Зухра продолжала волноваться:

— А к вам я заехала, потому что решила — старый знакомый. Я сегодня же устроюсь в общежитии.

— Вам помочь?

— Нет, я сама.

— Только давайте сначала поужинаем,— уже весело говорил Ибрагимов.— Какой здесь порядок! Ваша работа?

Зухра растерянно и бессильно опустила на стул.

— Ну, что же вы?— подбодрил ее Рахман Ибрагимович.— Давайте вместе заниматься хозяйством. Посуда — в буфете. И все продовольственные запасы наши, если кошка не съела, тоже там.

Зухра упавшим голосом сказала:

— Все уже на столе.

Ибрагимов подошел к столу, приподнял газеты, которыми он был накрыт, и воскликнул с преувеличенным удовольствием:

— О, ташкентские яства!.. Ну, садитесь, садитесь же!

Они сели к столу. Ибрагимов держал себя, как гостеприимный хозяин, лишь изредка незаметно бросал на Зухру то нежные, то настороженные взгляды.

— Тут вам перевод принесли. Тысячу четырнадцать рублей восемьдесят четыре копейки. На письменном столе,— сказала Зухра.— Аман просил передать.

— О, вы уже познакомились. Очень рад.— Ибрагимов взял извещение, сказал:— А, один приятель долг возвращает.

— Восемьдесят четыре копейки вы ему тоже одалживали?

— Это так. Особый расчет,— уклонился от ответа Рахман Ибрагимович и тут же перевел разговор на другую тему:— Стройку нашу видали?

— Нет еще, не успела,— все в том же подавленном настроении отвечала Зухра.

— О, поразитесь! Масштабы. Зухрахон, размах какой!.. Берите, не стесняйтесь... Одна наша ГЭС даст энергии больше, чем все электростанции Средней Азии до войны. На три республики работать будет!

— А потом вы куда?

— Потом? На новую стройку.

— А потом?..

— Сибирские реки будем поворачивать в пустыню. Мечтаю об этом, Зухрахон! Землю водой напоим. Новые города построим. И всех людей счастливыми сделаем. Все! Видите, Зухрахон, сколько у нас еще в жизни дел!

Зухра поднялась.

— Вы что? — удивился Рахман Ибрагимович.

— Не хочу больше... И в общежитие устраиваться пора — темно уже, — сказала Зухра устало, ровным, упавшим голосом.

— Нет-нет, вы с дороги — вам нужно отдохнуть. Оставайтесь, Зухрахон, — горячо и неожиданно нежно сказал Ибрагимов, удерживая ее за руку.

— Нет, я пойду, — упрямо повторила Зухра.

И тут, будто снова испугавшись своего прорвавшегося чувства, Рахман Ибрагимович сказал резко:

— Завтра пойдете. Будете ночевать здесь... А мы с Аманом устроимся, — и, словно лишив Зухру всякого права на возражение, взял пиджак и направился к двери. — Покойной ночи.

Но выйти из комнаты он все же не успел. Не возразив Ибрагимову ни единым словом, Зухра молча подняла свой чемодан и тоже пошла к двери.

— Да что же это вы?! — взмолился Рахман Ибрагимович. — Я на правах хозяина вам приказываю!

— Нет, пойду.

— Ну как вас заставить, Зухрахон? Упрашивать?

— Не нужно, Рахман-ака.

Зухра вышла, сопровождаемая Ибрагимовым. Еще слышно было, как она сказала:

— Не нужно меня провожать.

— Места ведь незнакомые и вечер. Проплутаете.

Зухра и Рахман Ибрагимович с тяжелым чемоданом в руках шли над огромным, залитым морем огней, рокочущим котлованом. Далеко внизу бело-голубыми вспышками зажигались огни сварки, подымались в темное небо стрелы экскаваторов, возникали и исчезали снова контуры могучих бульдозеров.

Указывая то в одну, то в другую сторону, Ибрагимов что-то горячо рассказывал Зухре. Его слова перекрывались мощным голосом стройки, но это, несомненно, были слова о настоящем и о будущем, о себе и обо всех этих людях, которые возводят Головную ГЭС.

...Зухра и Рахман Ибрагимович остановились перед громадным каркасом будущей станции. И снова что-то горячо говорит Ибрагимов зачарованной этим прекрасным зрелищем Зухре.

Зухра и Рахман Ибрагимович шли вдоль аллеи молодых акаций.
— Это только часть. Завтра увидите намного больше, — вдохновенно говорил Ибрагимов. — Ну, не жалеете, что приехали к нам?

— Это замечательно, честное слово, замечательно!

— Да, а как это вам дали направление сюда? Мы ведь инженеров не запрашивали.

Зухра остановилась, посмотрела внимательно в глаза Ибрагимову, сказала серьезно:

— Честно?

— Конечно.

— Я сама добилась, чтобы назначение дали к вам.

Рахман Ибрагимович взволнованно пожал руку Зухры, но тут же отстранился и спросил сухо:

— Зачем?

Зухра молчала.

— Зачем?— с отзвуком какой-то затаенной боли, будто задела его старую незажившую рану, переспросил Ибрагимов.

— Я думала... я хотела быть рядом с вами,— запинаясь, не находя нужных слов, говорила Зухра и вдруг, словно пересилив себя и решившись, сказала.— Я люблю вас, Рахман-ака, давно, много лет...

— Любите?!— чуть не выкрикнул Ибрагимов.— Я уже знал любовь. И не верю!

— За что? За что вы меня так, Рахман-ака?— чуть слышно прошептала Зухра.— Я ждала этого вечера двенадцать лет. С той минуты...

— Простите меня, Зухра, — успокоившись, сказал Ибрагимов.

Они стояли молча, глядя друг другу в глаза. И постепенно во взгляде Рахмана затеплился огонь простого человеческого счастья.

Ибрагимов возвращался домой, когда уже поблекли ночные звезды и утренняя заря робко коснулась высоких вершин на горизонте. Возле дома, в предрассветной мгле, его поджидал какой-то человек. Когда Ибрагимов приблизился, он шагнул к нему навстречу:

— Я к вам, Рахман Ибрагимович.

— Довольно рано.

— Дело срочное. По поводу покрывшек.

— А-а-а... Товарищ Юнусов. А подождать нельзя?

— Хотелось бы поговорить сейчас.

— Ну что ж, прошу.— Ибрагимов открыл дверь, пропустил гостя в комнату, нащупал рукой выключатель, зажег и увидел... Назарова!— Сулейман?! Ты — Юнусов?!

— Выслушай меня, Рахман... Не волнуйся... Послушай...

— Ты выжил, подлец! И пришел ко мне?!

— От тебя зависит сейчас все: моя жизнь, счастье моих детей... Я прошу... Жизнь снова столкнула нас... Забудь старое. Прости.

— Подлец! Ты пришел ко мне?!

— Столько лет прошло. Я измучился. Прости.

— А Каширин? Подольский? А Ярцев? Они, думаешь, простят?!— кричал Рахман.— Ты уложил их в могилу. Из-за тебя они не дошли до победы. И я тебе не прощаю! Не имею права прощать! Не прощаю!

— Рахман, вспомни: мы были друзьями, выслушай меня... Я только вчера узнал, что ты остался жив. Я не спал всю ночь, хотел убежать, скрыться. Но больше я так жить не могу! О, ты не поймешь, как это страшно,— все время скрываться, бегать с места на место, менять фамилии, бояться каждого встречного! Этой пыткой я давно уже искупил свою вину перед вами. Я не хочу уезжать отсюда. У меня здесь свой дом, хорошая работа, положение. Я здесь женился... И вот я решил встретиться с тобой и разом покончить с прошлым.

— Чего же ты хочешь?
— Чтобы ты меня простил.
— Не могу!
— Тогда пообещай хоть никому меня не выдавать.
— Только при одном условии: ты сам обо всем расскажешь.
— Но тогда... тогда конец моему положению, все полетит пра-

хом.
— Больше нам говорить не о чем. Иди.
— Постой. Есть еще один разговор. Я все обдумал... Нас осталось двое. У каждого своя правда. Надо еще доказать, кто погубил отряд, — изменив тактику, нагло заявил Назаров. — Зачем тебе эта возня? Придется доказывать, оправдываться. А свидетелей ведь нет.

— Вот как ты заговорил?!
— Мне терять нечего. Я на все пойду!
— Угрожаешь?! Ты?! Трус!
Из соседней комнаты выглянул заспанный Аман.
— А-а, как жаль, что тогда не добились тебя вместе со всеми! — в припадке бессильной ярости крикнул Назаров.

— Гадина! — Ибрагимов бросился к Назарову, сгреб его и выкинул за дверь.

Назаров упал.

— Мы еще встретимся — пожалеешь! — донеслось с улицы.

Головокружительный серпантин горной дороги. Возле перевала, где дорога особенно узка, стоит Сулейман Назаров. Он смотрит вниз — на машину, взбирающуюся в гору. Потом карабкается по откосу, перекатывает к обрыву огромный валун.

...За рулем ГАЗ-67 Рахман Ибрагимов. Он насвистывает песню десантников, которую когда-то пел Миша Подольский. Машина Ибрагимова приближается к перевалу.

Дорога у перевала завалена камнями. Назаров подтащил к обрыву огромную глыбу, которую можно будет сбросить на Ибрагимова, когда он выйдет расчищать завал.

Приближается машина. Сейчас она покажется из-за поворота, на самом узком участке дороги.

Рахман Ибрагимов, управляя машиной, продолжает насвистывать. Поворот — и он увидел завал. Газик остановился. Из машины вышел Рахман.

Трясущимися руками, обезумев от страха, Назаров толкает каменную глыбу. Еще мгновение, и она обрушится вниз, на шоссе, на Ибрагимова. Сулейман судорожно вцепляется в камень, удерживает его. И вдруг бросается с откоса к Рахману, падает перед ним на колени, ползает по пыли.

— Ты и убить меня не смог, трусливая душонка! — с презрением говорит Ибрагимов и принимается расчищать завал.

— Прости меня, Рахман... Прости, — ползает за ним на коленях Назаров. — Я не хотел тебя убивать.

Ибрагимов продолжает разбирать завал.

Назаров хватается его за ноги, плачет, пытается помочь Ибрагимову убрать завал. Рахман отталкивает Сулеймана, и тот падает. Ибрагимов садится за руль, дает газ. Машина резко берет с места. Густое облако пыли покрывает валяющегося на дороге Назарова.

Мчится газик по горной дороге. Преодолевает перевал...

Мчится в обратном направлении по той же дороге «Победа». В ней Рахман, Зухра и Вадим Романов.

Говорит Ибрагимов:

— Так что правду тебе Назаров в аэропорту рассказывал. Только имена поменял: вместо себя меня подставил... Судили его, открытым судом... Так и закончилась эта история.

— Погоди, остается еще один вопрос,— серьезно сказал Вадим.— Почему ты действуешь под чужим именем?

Ибрагимов удивленно обернулся, холодно произнес:

— Я? Мне скрывать нечего!..

Вадим Николаевич не спеша опустил руку в карман, будто именно оттуда должно сейчас появиться какое-то неопровержимое доказательство. И оно появилось. Романов извлек из кармана и поднял над головой книжку. Она словно приковала к себе взгляды Рахмана и Зухры. На обложке большими белыми буквами было написано имя автора — Фархад.

И вдруг напряжение последних минут разрядилось веселым смехом Ибрагимова. Вместе с ним, довольный удавшейся шуткой, смеялся и Романов. А Зухра, ничего не поняв, переводила недоуменный взгляд с одного на другого.

— Откуда ты узнал? — спросил сквозь смех Ибрагимов.

— Давно догадался.

Теперь пришла очередь удивляться Зухре:

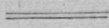
— Вы?

— Я.

— Не может быть!.. Так вот откуда эти почтовые переводы... А знаете, для доказательства вы должны сейчас же прочесть что-нибудь отсюда на память,— указала она на книгу.

— Что ж, слушайте!— и Рахман начал читать стихи о высоком человеческом счастье — в чем оно, где, на каких дорогах его искать.

Мчится по горной дороге легковая машина и скоро скрывается из виду.

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ РАБИНДРАНАТА ТАГОРА

Лазиз КАЮМОВ

ВЕЛИКИЙ ИНДИЕЦ

Далеко от Индии, в Венгрии, у озера Балатон, есть дерево, посаженное Рабиндранатом Тагором в 1926 году. Обращаясь к нему, великий индийский поэт писал:

Когда меня не будет на земле,
Пусть листья все твои,
Что каждую весну вновь зеленеют,
Прошепчут путнику:
«Поэт любил людей, когда меня
сажал».

Это дерево сохранилось и до сегодняшних дней, зеленеет каждой весной, символизируя бессмертие великого писателя. Человеческая жизнь короче, чем жизнь дерева. Когда-то будет конец и жизни дерева, но никогда не кончится жизнь бессмертных произведений Р. Тагора...

Около 50 сборников стихов, около 2000 песен, более 30 поэм, больше 100 рассказов, 12 романов, множество статей по самым разнообразным вопросам — все творческое наследие Рабиндраната Тагора, вечно живое, вечно зеленеющее, говорит читателю: «Поэт любил людей». Да, он любил людей. Эта священная любовь к человеку сделала его поэтом и писателем, публицистом и общественным деятелем. Она, эта любовь к человеку, стала лейтмотивом всего творчества Р. Тагора. Вот почему все прогрессивное человечество отвечает ему взаимной любовью, отдавая дань памяти великому гуманисту, торжественно отмечает столетие со дня его рождения.

Рабиндранат Тагор родился 7 мая 1861 года в Калькутте. Начал писать он с пятнадцати лет. Творчество Тагора относится к концу XIX — 30-м годам XX века.

Усиление господства англичан в Индии, окончательное разрушение индийской патриархальной общины, ухудшение положения многомиллионных народных масс, развитие капитализма в стране, появление индийской национальной буржуазии и пролетариата, рост национально-освободительного движения индийского народа — таково, в основном, содержание этого исторического периода. Для бенгальской литературы это была пора исканий, эпоха рождения новых тем, появления новых героев, новых жанров и форм.

Р. Тагора как поэта особенно привлекает «вишнунтская» лирика. Оптимистические мотивы этой поэзии, воспевающей радости жизни, становятся ведущими в творчестве молодого поэта. В своих ранних произведениях, среди которых особенно интересен сборник стихов «Вечерние песни» (1881), Р. Тагор смело выступает против доктрин ортодоксального индуизма, проповедовавшего аскетизм, уход от мира. Эти же идеи развиты Р. Тагором в его первом крупном прозаическом произведении — в романе «Берег Вибхи» (1883).

События, описанные в романе, относятся к периоду установления в Индии империи Великих Моголов, основоположником которой был узбекский поэт и мыслитель, потомок Тимура Захириддин Мухаммад Бабур. В романе частично найдла свое отражение та борьба, которую пытались вести местные индийские князья — махараджи и раджи — против династии Моголов, имевшей основную резиденцию в Дели. Роман изображает события, развертывающиеся в условиях деспо-

тического правления Протопадито — махараджи княжества Джессор, не желающего признавать власть дельийского императора. Нет предела жестокости и честолюбию этого махараджи. Ни на минуту не подвергает он сомнению свое право распоряжаться судьбой и жизнью своих подданных. Протопадито чужды такие чувства, как любовь и дружба, его не интересует судьба народа. Все его помыслы устремлены лишь к одному — укреплению любимыми путями собственной власти. В этом романе, где молодого писателя интересуют, в основном, проблемы морально-этического порядка, Протопадито решительно осужден, хотя и нарисован он, в соответствии с истиной, волевым, целеустремленным человеком. Эти черты характера Протопадито противопоставляются слабому, неуверенному в себе молодому радже Удаядито. В образе этого бездеятельного молодого человека Р. Тагор подвергает критике тех своих современников, которые не решались поднять голос протеста в тяжелые для Индии годы колониального гнета.

С большим сатирическим блеском изображен в романе двор раджи Рамчондро Рая. Именно эта грязная среда виновата в трагической судьбе героинь романа — Суромы и Бибхи, типичных представительниц совершенно бесправных индийских женщин. Симпатизируя своим героиням, рисуя мужество и самоотверженность Суромы, искренность и чистоту Бибхи, Тагор показывает безвыходность их положения, не желая отступать от правды жизни.

Главным и истинным героем романа является старый махараджа Бошонто Рай. Светлый ум, широта взглядов, любовь к людям вне зависимости от национальности, религии и богатства — вот что движет поступками этого прекрасного человека. Он, не задумываясь, прощает простого афганского воина, подосланного к нему коварным Протопадито, смело является ко двору своего врага — махараджи, готов отдать свою жизнь за жизнь любимого внука. Этот светлый образ гуманиста средневековой Индии, музыканта и поэта, певца любви и мира между людьми, во многом напоминает самого Рабиндраната Тагора. Княжество Райгор, где по воле Бошонто Рая воины сменили мечи на плуги, а люди забыли, что такое вражда, хотя и описано в идиллических тонах, все же отражает благородные идеалы автора

романа. По яркости характеристики, по поэтичности описания образ Бошонто Рая — один из лучших во всем творчестве Тагора.

Роман «Берег Бибхи», по форме исторический, в известной степени отражает устремления лучшей части индийской интеллигенции конца XIX века, чьи настроения выражал молодой писатель.

В этот период своего творчества наряду с работами на исторические темы, как например, «Берег Бибхи», Р. Тагор обращается и к темам современности, выпускает сборники «Картины и песни», «Дизы и бемоли».

С 90-х годов XIX века Р. Тагор начинает разрабатывать новый для индийской литературы жанр рассказа. Первый его рассказ «Возвращение Кхока бабу» написан в 1891 году. Для рассказов Тагора характерны разнообразие композиции, яркая образность, живой разговорный язык. Одни из них, как «Судья», «Кабулиц», глубоко трагичны, другие, как например, «Конец», проникнуты мягким юмором, но все они, эти рассказы, — реалистичны и все они, вместе взятые, составляют глубоко жизненное повествование о простых тружениках Индии.

В эти же годы Р. Тагор основывает журнал, который он назвал «Шадхона», где помещались статьи по вопросам естествознания, литературы и искусства.

В 1901 году Р. Тагор создал на собственные средства школу в Шантикетоне, ставшую позже базой для основания университета. В эту школу имели доступ все желающие независимо от кастовых различий. Программа обучения в школе резко отличалась от программы учебных заведений, открытых англичанами. В ней ученики получали возможность глубоко изучать бенгальский язык и литературу. В год открытия в школе было пять учащихся, среди них — сын Р. Тагора. В 1921 году школа была преобразована в университет с факультетом переустройства деревни и школой музыки и танца. По воспоминаниям личного секретаря Р. Тагора Роя Чоудри на открытии университета в 1921 году великий поэт сказал: «Я основал университет как место, где могли бы учиться вместе люди разных цивилизаций и традиций. Идея эта велика, и я не боюсь того, что масштабы, в которых мы ее осуществляем, малы. Великие идеи

рождаются, как малые дети, потом растут»¹.

Сначала учебное заведение Р. Тагора называлось «Очагом мира и процветания». В 1951 году правительство Индии присвоило ему название «Центрального университета Индии». Один из руководителей университета говорил, — вспоминает узбекский композитор Мухтар Ашрафи, посетивший этот университет: — «Университет ставит перед собой политические задачи, которые были определены еще Рабиндранатом Тагором, а именно: объединение всех народов Индии, объединение всей Азии, объединение с Западом»². В университете в настоящее время обучается более тысячи студентов не только из самой Индии, но также и из Китая, Непала, Таиланда, Индонезии, Египта, Японии, Малайи, Цейлона, Бирмы, Пакистана, Камбоджи, Филиппин и даже из Чехословакии и Югославии.

«Мы были приглашены посетить вице-канцлера университета в бывшем доме Р. Тагора, — продолжает свой рассказ М. Ашрафи. — Когда мы приехали туда, наше внимание привлекли рисунки самого Рабиндраната Тагора, развешанные на стенах комнат дома... Было чрезвычайно приятно познакомиться с находившимся здесь сыном Р. Тагора, который сказал нам: «Я счастлив познакомиться с вами, представителями великой Советской страны, где так высоко чтут память моего отца»³.

О чувствах советских людей к Р. Тагору совершенно правильно сказал Н. С. Хрущев в своей речи на митинге в г. Калькутте 30 ноября 1955 года: «Нам приятно побывать здесь еще и потому, что Калькутта является родиной великого сына бенгальского народа, гениального писателя и общественного деятеля Рабиндраната Тагора. Р. Тагор был искренним и верным другом Советского Союза. Советский народ высоко чтит его и любит его произведения».

К числу любимых советскими читателями произведений Р. Тагора относится его роман «Крушение», написанный в 1902 году.

События, описываемые в «Крушении», происходят во второй половине XIX века,

то есть в период, когда укрепление капитализма в Индии привело к завершению консолидации бенгальцев в нацию, вызвало ломку старых феодальных отношений.

Обручение главных героев романа, двух пар — Ромеша и Сушиллы, Номинакхи и Комолы — совершалось согласно старому индийскому (да и не только индийскому) обычаю: молодые люди не были знакомы до свадьбы, не любили друг друга и, вступаая в брак, лишь подчинялись воле старших. Обе семьи должны были бы строить свою жизнь на той же основе, что их отцы. Но во время бури на реке гибнут участники свадебных торжеств, и автор соединяет оставшихся в живых юношу и девушку, ошибочно считающих себя мужем и женой. Эти двое поставлены в совершенно необычные условия: у них нет прошлого — оно потонуло вместе с погибшими во время бури; у них нет родных, нет дома свекра, где обычно селились молодые.

Автор представил Ромешу и Комоле полную возможность близко узнать друг друга и строить жизнь по собственному усмотрению. Давая такую завязку, Р. Тагор тем самым ставит вопрос о том, как именно должны складываться отношения в индийской семье при новых условиях.

На первый взгляд может показаться, что в разрешении этого вопроса автор всецело оказался во власти традиций. Действительно, после ряда сложных коллизий Р. Тагор все-таки соединяет Комолу с Номинакхой — человеком, чьей законной женой она и была. Но концовка романа таит в себе и иной смысл. Согласно индийской патриархальной морали пребывание женщины под кровом постороннего мужчины считалось величайшим позором: после этого двери в дом мужа оказывались закрытыми для нее навсегда. Р. Тагор же показывает, как сама жизнь сметает старые законы и вековые привычки. Развязка романа оставляет уверенность в том, что пути обычаев слабеют и рвутся стараниями самих героев: «оппозоренная» Комола находит счастье в доме своего супруга. Вместе с тем, решая так судьбу Комолы, Р. Тагор объективно выступает против принципа Кармы, поддерживаемого ортодоксальным индуизмом, который считал, что человек не властен изменить что-либо в своей жизни, ибо все, что с ним происходит, есть лишь

¹ В. Хмара. Весна Индии. Изд. «Молодая гвардия», Москва, 1956, стр. 33.

² М. Ашрафи. Индийские дневники. Узгиз, Ташкент, 1956, стр. 75.

³ Там же, стр. 75—77.

воздаяние за его добрые и дурные поступки, совершенные в «прежнем рождении».

В «Крушении» проводятся идеи, характерные для многих поэтических и прозаических произведений Р. Тагора: разоблачение всякого рода религиозной схоластики, аскетизма и противопоставление этому собственной религии, девизом которой являются любовь и уважение людей друг к другу.

Тема тяжелого положения индийской женщины постоянно занимала в творчестве Р. Тагора видное место. Решительно протестуя против жестокой тирании, на которую в Индии была обречена женщина в доме мужа, он глубоко раскрывает богатый душевный мир Комолы. В ее образе писатель показал лучшие черты женского характера; мужество и самоотверженность отличает ее от нерешительного и эгоистичного Ромеша, от нуждающейся в постоянной поддержке и утешении Хемнолини. Одиночество юной Комолы не мешает ей сохранить чувство собственного достоинства.

Источник самоотверженности и душевной красоты своей героини Р. Тагор видит в той обстановке, в которой складывался ее характер. Комола выросла на лоне природы, в простой деревенской семье. Ей не пришлось жить в доме свекра и быть безответной служанкой жестокой свекрови. Этой девушке, не знавшей цепей домашнего рабства, Р. Тагор отвел в романе ведущую роль и противопоставил ей слабохарактерных и неуверенных в себе представителей бенгальской буржуазной интеллигенции.

Таков, например, адвокат Ромеш. Человек умный и честный, он, в силу своего слабодушия и нерешительности, не только сам терпит крушение в личной жизни, но невольно заставляет страдать и других. Таков и учитель Джогендро, отличающийся непостоянством убеждений. Однако, следует сказать, что в его едких намеках, в стремлении противоречить всем и каждому угадывается смутное недовольство установленным порядком вещей.

Хотя сюжет романа в основном освещает круг вопросов, связанных с семьей, браком и непосредственно не затрагивает политических проблем, тем не менее по раскрытию образов Ромеша и Джогендро можно судить об отношении Р. Тагора к бенгальской буржуазной интеллигенции.

В «Крушении» дана целая галерея разнообразных характеров: здесь добрый, отзывчивый дядюшка Чокроборти и хитрый Оххой, преданная подруга, образец нежной жены — Шойлоджа и чванливая, набожная Нобинкали, бездеятельный Оннода-бабу и попоследний Умеш, горячо преданный приютившей его Комоле. В передаче богатой гаммы чувств и настроений героев, в тщательном отборе языковых средств сказалось прекрасное знание Р. Тагором жизни всех слоев общества и талант большого художника.

Р. Тагор назвал роман «Крушение». Совершенно очевидно, что этим названием он символизировал ломку старого жизненного уклада Бенгалии середины XIX века.

Национально-освободительное движение 1905 года, связанное с идеей раздела Бенгалии, захватило и Р. Тагора. Он выступает на митингах, участвует в демонстрациях протеста. Песни и стихи поэта пользуются большой популярностью, как боевые гимны. Впоследствии Р. Тагор отходит от участия в движении.

В 1910 году Р. Тагор создает один из самых значительных романов — «Гора», в котором выступает против разобщенности индийского общества, порождаемой принадлежностью к различным религиозным сектам и течениям, говорит о необходимости отстоявания национальной независимости. Вслед за «Горой» выходит роман «Дом и мир» (1916), посвященный национально-освободительному движению 1905 года. В этом романе описан период бойкотирования иностранных товаров, период движения «свадешов». Оригинально построение романа, написанного в форме дневников. Вскоре Р. Тагор пишет музыкальную драму «Осенний праздник» и явлучившие широкую известность «Воспоминания».

Среди поэтических произведений Р. Тагора особое место занимает сборник стихотворений «Гитанжали». Эти стихотворения, написанные в стиле средневековых религиозных песен, покорают жизненностью и богатством чувств. «Гитанжали» был переведен самим автором на английский язык, и с него, в тот же год, на многие языки мира, в том числе и на русский. За этот сборник стихотворений в 1913 году Р. Тагор, первым из поэтов Азии, был удостоен Нобелевской премии.

В 1928—29 годах появляются еще два романа Р. Тагора — «Три поколения» и «Последняя поэма».

В 1930 году Р. Тагор посетил молодую Советскую республику и объективно изложил все увиденное здесь. «Задача, которую Россия поставила перед собой, — писал он, — состоит в том, чтобы проложить путь в будущее. Целью Советов является не расширение сфер влияния, а создание лучшей системы народного образования и базиса для повышения благосостояния народа. В первую очередь им нужен мир».

Последнее десятилетие жизни Р. Тагора ознаменовано развитием в его общественной деятельности и творчестве политических мотивов. Великий писатель-гуманист Р. Тагор выступает против социального и национального угнетения. Этими идеями пронизаны поэмы «Африка» и «Поклонники Будды». В 1933 году Р. Тагор выступает против зверств итальянского и германского фашизма.

Под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции в Индии начался новый подъем национально-освободительного движения.

Лучшие индийские писатели задумались над судьбой своей Родины, стонавшей в тисках колониального гнета. Обращаясь к поэтам и писателям Индии, подсказывая им политическую программу, их вожак Р. Тагор, от всей души ненавидевший колониализм и колонизаторов, писал:

Они отравляют ваш воздух,
Разве вы можете простить им?!
Разве им вы отдадите любовь?!

Не случайно полное патриотического чувства стихотворение Р. Тагора избрано гимном Индийской республики, страны, где восторжествовали многие идеалы писателя.

Уже будучи тяжело больным Р. Тагор не переставал интересоваться международным положением, ходом войны советского народа против германского фашизма.

Он до последнего часа своей жизни верил в победу справедливого дела, в победу нашего народа, социалистического строя над фашизмом.

Великий сын Индии умер 7 августа 1941 года. Но он — вечен. Такие люди, как Р. Тагор, живут до тех пор, пока их произведения нужны людям, пока их творения читаются людьми. А произведения Р. Тагора, переведенные на многие языки народов мира, распространяются все больше. В одной лишь нашей стране произведения Р. Тагора издавались 75 раз многотысячными тиражами на 14 языках.

Узбекский народ давно знаком с творчеством великого индийского мыслителя. Об этом свидетельствует статья в узбекском журнале «Маориф ва укитучи» (1925 г. № 7—8), где содержится обзор творчества Р. Тагора. Там же были напечатаны три стихотворения Р. Тагора из сборника «Гитанжали». В статье «Рабиндранат Тагор», напечатанной в газете «Кизил Узбекистон» в 1926 году (№ 219), также даются сведения о творчестве Р. Тагора и подробно описывается беседа корреспондента газеты «Известия» с индийским поэтом во время его путешествия по Италии. Приезд Р. Тагора в Советский Союз в 1930 году широко освещался как в центральной, так и в местной печати.

В 1957 году на узбекском языке издан сборник под названием «Свет и тени», куда вошли 15 рассказов Р. Тагора. На узбекском языке готовится к изданию собрание сочинений Р. Тагора в 8 томах; два тома, состоящие из романов «Крушение» и «Гора», уже вышли из печати. Особенно популярен у нас роман «Крушение». По мотивам романа написана драма «Дочь Ганга», поставленная на сценах театров Ташкента и других городов. Узбекский государственный ордена Ленина академический театр имени Хамзы с большим успехом показал эту драму в Москве во время гастролей.

Ныне Тагор живет во многих странах мира, он друг всех народов, друг всегда.

Хафиз АБДУСАМАТОВ

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ УЗБЕКСКОЙ СОВЕТСКОЙ САТИРЫ

Сатира ...у нас никогда не была аподитичной; она является одним из острейших видов орудия. Высмеивая те или иные пороки, пережитки и недостатки, сатира предупреждает людей от болезни, помогает людям изжить недостатки...

Н. С. ХРУЩЕВ.

Изображение всего прекрасного и богатого содержания советской действительности, вдохновляющих сторон нашей эпохи, изображение передовых людей, гордости нашего времени, — основная задача советской литературы, ее главная линия, душа ее дела.

«... главная линия развития состоит в том, — подчеркивает Н. С. Хрущев, — чтобы литература и искусство были всегда неразрывно связаны с жизнью народа, правдиво отображали богатство и многообразие нашей социалистической действительности, ярко и убедительно показывали великую преобразовательную деятельность советского народа, благородство его стремлений и целей, высокие моральные качества. Высшее общественное назначение литературы и искусства — поднимать народ на борьбу за новые успехи в строительстве коммунизма»¹.

Наша литература никогда не забывала основных задач своих — поэтизации положительных явлений. В то же время она вела уничтожающий огонь по всему, что противодействовало положительному, новому и стояло преградой на его пути.

Насколько сильно вскрывается все плохое — настолько ярче вырисовывается все хорошее, перед которым, тем самым, раскрывается еще более широкий путь продвижения вперед.

Сила и мощь советской сатиры в том, что она, будучи глубоко демократичной по своему характеру, оказывает влияние на народные массы, широко распространяется среди трудящихся и вместе с ними определяет пути ликвидации недостатков. Сатира, критикуя все отжившее и гнилое, одновременно призывает к новому, к прогрессивному, новаторскому, рекомендует, вместе с тем, направляющие к этому пути.

Чем быстрее развивается сатира, чем шире распространяется ее влияние на народ — тем выше ее роль в обществе.

Все сказанное имеет самое непосредственное отношение к узбекской сатире — неразрывной части всей советской литературы. Глубокое и всестороннее изучение сатиры является одной из важнейших задач узбекского советского литературоведения и критики.

Сделано в этой области еще мало.

Несмотря на большие традиции узбекской сатиры, у нас до сих пор нет, к сожалению, литературоведческих работ, обобщающих это драгоценное наследие.

¹ Н. С. Хрущев. За тесную связь литературы и искусства с жизнью народа. Госполитиздат, 1958, стр. 20.

тия, средств художественного изображения.

Узбекская советская сатира, будучи неразрывной частью всесоюзной советской сатиры и развиваясь наравне с другими жанрами литературы, преобразилась на базе социалистической действительности, получив от нее самое широкое жанровое многообразие.

Как замечательный продолжатель традиций и замечательный сатирик-новатор выступил Хамза Хаким-заде Ниязи.

Большое место заняла сатира в узбекской советской литературе в период индустриализации и коллективизации страны. Стали появляться сатирические произведения, высмеивавшие буржуазные пережитки в сознании людей. Борьба с врачами, лодырями, подхалимами, сторонниками заниженных норм, борьба с кулаками и подкулачниками давала обильный материал нашим сатирикам на рубеже 20-х и 30-х годов. Именно в это время в узбекской советской литературе возникли произведения, которые не потеряли своего значения и по сей день. Садриддин Айни, Абдулла Кадыри, Гафур Гулям, Абдулла Каххар и многие другие подняли в своем творчестве одну из важнейших тем советской сатиры — тему борьбы за очищение человека от пут и грязи прошлого, воспитания активного строителя коммунистического общества. Эти писатели сумели достичь больших успехов в своем сатирическом творчестве потому, что жили в гуще народа, знали настроения трудящихся, нетерпимо относившихся к тем, кто мешает нашему обществу идти вперед.

Грозное оружие сатиры находится на вооружении узбекской советской литературы и сегодня.

Январский Пленум ЦК КПСС поставил перед писателями ряд актуальных вопросов, связанных с борьбой против тех, кто, обманывая партию и народ, стремится найти пути для обогащения. Борьба против головопатов, бюрократов, очковитателей, «обещалкиных», против феодально-байского отношения к женщине, борьба против рутинеров, консерваторов — разве все это не является объектом острой сатиры? В своих выступлениях на Пленуме ЦК КПСС, а также на Пленуме ЦК КП Украины, на совещаниях актива в Новосибирске, в Казахстане, на Северном Кавказе, в Тбилиси Первый Секретарь ЦК КПСС и Председатель Совета Министров СССР Н. С. Хру-

щев наглядно показал нашим литераторам, против кого следует в первую очередь вести борьбу, и привел блестящие образцы использования сатиры в борьбе против тех, кто мешает нашему победоносному движению вперед. Н. С. Хрущев использовал в своих речах богатейшее наследие устного народного творчества, приводя в своих докладах, выступлениях и беседах много народных изречений, пословиц и поговорок, обличающих лодырей, врачей, подхалимов, любителей спокойной жизни.

Все это еще раз свидетельствует о том, что партия призывает писателей активно пользоваться могучим оружием сатиры.

«Развитие, — писал В. И. Ленин, — есть борьба противоположностей».¹ Борьба между старым и новым, между погибающим и нарождающимся определяет ход развития. Борьба нового со старым организует внутреннее содержание процесса всякого развития. Каждый предмет, явление и событие в природе и обществе подвержены борьбе противоречий и противоположностей. Развития без борьбы не бывает.

Жизнь и общество движутся вперед, преодолевая противоречия и препятствия. А эти противоречия приводят к различным конфликтам.

Известно, что без всестороннего вскрытия существующих конфликтов и недостатков и без их ликвидации двигаться невозможно.

Священная задача узбекской советской сатиры состоит в оказании активной помощи развитию нашего социалистического общества путем прямого, смелого и правдивого раскрытия, без замазывания и приукрашивания конфликтов, недостатков и пороков, встречающихся в жизни, путем изображения борьбы, столкновений, противоречий.

Если в антагонистической борьбе конфликт разрешается уничтожением путем насилия одного из противостоящих классов, то в борьбе неантагонистической конфликт разрешается путем критики, путем уничтожения ошибок и недостатков. В этом отношении конфликты имеют коренные различия.

Отдельные писатели неверно полагают, что в период, когда в нашем государстве антагонистические классы уничтожены и

¹ В. И. Ленин. Философские тетради. 1936, стр. 325.

социалистическое общество добилось полной и окончательной победы, когда во многих демократических государствах власть перешла в руки народа и образовался могучий социалистический лагерь, — они полагают, что в этот период нашей жизни якобы не существует ни резких глубоких конфликтов и противоречий, ни серьезной борьбы. Они утверждают: хотя отрицательные события и явления, а также всякого рода мошенники, негодяи, испорченные люди и существуют в жизни — они нетипичны. Литераторы, исповедующие эту вредную идею, утверждают, что в социалистическом обществе есть только хорошее и лучшее, а поэтому не необходимо покарывать борьбу между ними. Так родилась «теория» бесконфликтности. Враждебная духу марксизма-ленинизма «теория» эта сделалась в свое время преградой росту сатиры и созданию полноценных типических образов.

Великие победы советского народа коренным образом изменили облик нашего государства. Одновременно с общим развитием государства выросли и возвеличились советские люди, в их сознании произошли глубокие изменения; полностью изменились отношения к социалистическому труду и Родине, превратившись в исключительную любовь к ним. Новое, социалистическое сознание, со дня на день развиваясь, укореняется у миллионов людей.

Однако совершенно неправомечно, исходя из вышеизложенного, делать выводы, что полностью исчезли всякие противоречия и что окончательно уничтожены даже и предпосылки для их появления.

Правда, в результате великих преобразований в нашем обществе содержание, характер и направление сатиры изменились.

Узбекская советская сатира выражает два вида конфликтов — антагонистические и неантагонистические.

В основе антагонистических противоречий лежат противоположные интересы противоборствующих классов, групп и сил. Такие противоположные интересы ведут к борьбе за жизнь. Эта борьба классов или групп заканчивается победой одних и поражением других.

В произведениях «Наказание клеветников» и «Проделки Майсары» Хамзы Хаким-заде Ниязи, «Бухарские палачи»

и «Смерть ростовщика» С. Айни, «Воры» и «Националисты» А. Каххара и других в художественной форме выражены антагонистические противоречия, имеющие разный характер и разное содержание.

Хамза Хаким-заде в своей пьесе «Проделки Майсары» всесторонне раскрыл в сатирической, комической форме глубокий социальный конфликт, свойственный определенному периоду дореволюционного прошлого.

Смех Хамзы — смех презрения. Драматург, подняв смех до степени общенародного смеха, сделал его приговором над угнетателями, заправилами религии. Хамза, подобно Гоголю, выбирает из общества отрицательный предмет, достойный «общенародного смеха», поднимает его высоко и издевается над ним. Хамза, как и его учитель, с помощью смеха над изображаемым объектом вскрывает его нутро, сущность. Отдельные приемы Хамзы в раскрытии отрицательных явлений заставляют вспоминать «Ревизора». Как и Гоголь, который перед всем обществом сечет плетью сатиры Сквозник-Дмухановского, Ляпкина-Тяпкина, Бобчинского, Добчинского, Анну Андреевну, Марию Антоновну, Хамза не шадит своих героев.

Смех Хамзы — не смех поражения, не смех упадочничества, а оптимистический, прогрессивный, атакующий, победный смех. Идея и содержание всего произведения пропитаны именно таким смехом. Это нашло свое яркое выражение, например, в конечной реплике, заключающей произведение. «Майсара: — Ну-ка гоните стадо!» (Выводит, погоняя и громко смеясь). В этом — сила произведения Хамзы, великая мощь его смеха.

Г. Гулям, А. Каххар, Б. Рахманов и другие наши писатели, продолжая богатый опыт Хамзы в области сатиры, искусно использовали смех в борьбе против разных пережитков действительности. Однако необходимо отметить и то, что предмет и направление смеха Хамзы и А. Каххара или Б. Рахманова, конечно, не одинаковы. Одновременно с изменением эпохи и развитием общества изменился и вырос человек, совершенствовался его характер.

«Вместе с условиями жизни людей, с их общественными отношениями, с их общественным бытием изменяются также и их представления, взгляды и понятия,—

одним словом их сознание».¹ Следовательно, изменяется, развивается и характер смеха. В этом изменении и росте смех приобретает новые черты, в него входит новое содержание.

Если С. Айни («Бухарские палачи», «Смерть ростовщика») и Хамза («Наказание клеветников», «Проделки Майсары») использовали по отношению к отображенным отрицательным персонажам убийственный, уничтожающий смех, то Г. Гулям, А. Каххар и Б. Рахманов имели в виду с помощью смеха не уничтожение отрицательных лиц действительности, а ликвидацию существующих у них пороков и перевоспитание их. Такой характер изложения и такое содержание, без сомнения, подсказала сама жизнь.

За последние годы узбекские советские писатели немало сделали для того, чтобы пригвоздить к позорному столбу особенно злых ревнителей феодально-байского отношения к женщине, подхалимов, тунеядцев, карьеристов, бюрократов. Острой актуальностью отличаются сатирические произведения Абдуллы Каххара, Гафура Гуляма, Бахрама Рахманова, Самига Абдукаххара, Сабира Абдуллы, Саида Ахмада и многих других.

Одним из лучших произведений последнего времени, в сатирической форме разоблачающих зазнавшихся руководителей, несомненно, является повесть Абдуллы Каххара «Птичка-невеличка».

Абдулла Каххар вошел в современную узбекскую литературу как мастер создания острых, сатирически выразительных образов. Его таланту присущ народный юмор, подмечающий в людях, иногда и хороших, слабину. Его произведения отличаются образным народным языком, пересыпанным множеством пословиц и поговорок. Его образам свойственна глубина типизации. Вот почему многие персонажи, созданные Каххаром, стали персонажами нарицательными.

Так, стало удивительно емким и конкретным понятие «каландаровщина».

Образ председателя колхоза из «Птички-невелички» достоин внимания потому, что в нем воплощены некоторые черты руководителей, принадлежащих вчерашнему дню.

Безусловно, Абдулла Каххар сосредоточивает огонь своей сатиры на отрицательных явлениях колхозной действительности, но, создавая образы и положительных своих героев, таких, например, как Саида, он не отказывается от юмора и не закрывает глаза на недостатки молодого секретаря партийной организации. Поэтому в повести «Птичка-невеличка» нет плакатного контраста между образами «отрицательными» и «положительными». Каххар дает в своем произведении жизнь колхоза такой, какой она ему представляется с ее сильными и слабыми сторонами. Он выбрал правильный угол зрения, и в его повести отрицательное и положительное предстают не как заранее заданное, а как картина жизни, в которой часто положительное и отрицательное являются на каком-то этапе развития соседями. Безусловно, это соседство рано или поздно кончится, и А. Каххар способствует этому, усиливая своими образами социальное зрение читателя. Можно ли сказать, что Каландаров — это черная тень на пути колхоза? Нет, конечно. В председателе нас многое привлекает. И несмотря на это, читатель очень ясно видит, против каких черт характера Каландарова, против каких поступков героя следует бороться.

Тема, поднятая Абдуллой Каххаром в «Птичке-невеличке», неоднократно разрабатывалась многими писателями. Абдулла Каххар сумел придать образам своих героев отпечаток узбекского национального характера. Именно поэтому его произведение играет такую видную роль в развитии современной литературы.

Острота, актуальность и политическая заостренность отличают и пьесу Бахрама Рахманова «Сердечные тайны». Прежде чем говорить об этом произведении, нам хочется напомнить недалекое прошлое, когда пьеса была неправильно понята некоторыми критиками, которые считали, что отрицательные герои этого произведения нетипичны, «искажают» действительность... Нельзя с этим согласиться!

В нашей действительности есть, к сожалению, немало лиц, очень похожих на героев этого произведения — Сурмахон и Саттара. Образ Сурмахон имеет в со-

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс. Манифест Коммунистической партии. Госполитиздат, 1958, стр. 53—54.

временной сатирической литературе своих предшественниц. Достаточно вспомнить рассказ Абдуллы Каххара «Женщина, не евшая изюм», в котором изображена «ангельская» душа, прикрывающая свое моральное убожество и скудость ума маской добропорядочности.

На первый взгляд кажется, что Сурмахон — вполне современная женщина, которая никогда не надевала паранджу и свободна работать, учиться и любить. На самом деле Сурмахон — духовная наследница каххаровской героини. Ее отличает та же фальшь, та же неискренность, то же стремление добиться личного благополучия любой ценой. Сурмахон — рабыня своих привычек, своих представлений о жизни. Конечно, героиня Каххара и героиня Бахрама Рахманова — люди не только разных поколений, но и образы разных жанров литературы. Естественно поэтому, что принципы создания этих персонажей разные. Каххар не скупится на авторские характеристики, обильно вводит в рассказ словозлияния героини, информационно сообщает о ее поступках. У Рахманова образ подан поиному. Драматург ставит свою героиню в такие отношения с положительными персонажами, при которых не раскрыться ей нельзя.

Возможности нашей сатиры не ограничены. И басня, и фельетон, и сатирический рассказ, и комедия, и сатирическая повесть — все это дает возможность писателю во всеоружии бороться с недостатками жизни. Но главное для всех жанров сатирической литературы — умело найденная авторская позиция писателя. Типизируя различные жизненные явления, художник должен учитывать законы жанра. Они существуют!

Скажем, описанное в памфлете или фельетоне событие, явление не может быть так же изображено в повести или пьесе. В части охвата действительности, широкого изложения нескольких явлений и создания галереи образов они резко отличаются друг от друга.

В памфлете и фельетоне допустимы отбор, типизация только отрицательных фактов, взятых из жизни, только осуждение. Но можно ли в романе, повести, в пьесе, отображающих советскую жизнь, ограничиться описанием только одного или нескольких отрицательных явлений,

что традиционно в фельетоне и памфлете? Конечно, нет. Если какой-нибудь романист или драматург подойдет к жизни только с этой стороны и будет описывать только отрицательное, он сделает неправильные обобщения, нарушит жизненную правду.

Особенно неправильны критические перехлесты в произведениях несатирических, претендующих на широкое изображение жизни.

В ряде произведений 50-х годов — в комедиях «Гости» Л. Зорина, «Аноним» С. Нариньяни, в романе В. Дудинцева «Не хлебом единым», в рассказе Д. Гранина «Особое мнение», в поэме С. Кирсанова «Семь дней недели», в повести С. Зуннуовой «Тропинки» — советская действительность была показана извращенно, во многих местах имела место фактически клевета на нашу жизнь. В этих произведениях недостатки, порочные явления в своей совокупности отображены преувеличенно, а положительные стороны нашей жизни, истинно советские люди изображены бесцветно и тускло. В связи с этим нельзя не сказать о повести С. Зуннуовой «Тропинки», в которой искажено представлены многие стороны нашей действительности. Почему автора повести постигла творческая неудача? Прежде всего потому, что писательница не поняла соотношений отрицательного и положительного в нашей жизни. Она сконцентрировала в ряде образов все плохое, что увидела и додумала. Героям ее, всем этим рвачам, проходнякам, жуликам, не противопоставлены те, кто в жизни ведет с ними действительную борьбу. И получалось, что положительные герои, такие как Игамов и Азизахон, выглядят неинтересными, тусклыми, бледными. Те, кто призван вести борьбу с отрицательными явлениями, под пером писательницы выглядят людьми пассивными, нерешительными, оторванными от коллектива. Их духовный мир жалок, их поступки примитивны, их характеры едва намечены.

Раздумывая над причиной неудачи Саиды Зуннуовой, вспоминаешь замечательную мысль Н. Г. Чернышевского о характере сатирического в литературе. Великий революционер-демократ говорил, что сатира может достичь своей цели только в том случае, если она откажется от одно-

стороннего взгляда на жизнь. Выпуклость сатирического образа, его жизненность проявляются тогда, когда писатель ясно представляет себе силы, способные вести борьбу с ним.

Изложение только случайных событий приводит к изображению, извращающему жизнь.

Метод социалистического реализма настойчиво требует разнородности художественных творческих стилей и форм, приемов типизации. Многовековая история литературы наглядно показывает неограниченность средств, приемов и методов типизации. Различия типизации связаны с эпохой, с характером событий, обликом людей, внешней стороной фактов, с мастерством художника, со спецификой жанра и индивидуальными художественными принципами.

Представители классической литературы и советские писатели, в зависимости от характера художественного произведения, придавали особое внимание преувеличению, гиперболизации. Этот прием чаще всего был использован в сатире. Во многих произведениях М. Горького, В. Маяковского, Хамзы, С. Айни, Г. Гуляма и А. Кадхара, а также в творчестве других писателей преувеличение в форме гиперболы — важный прием типизации. Они широко типизировали явления с помощью преувеличения, подчеркнуто освещали связь и взаимосвязь явлений, глубоко и всесторонне раскрывая наиболее важные из них.

Однако делать из этого вывод, что в реалистической литературе допускается всякое преувеличение, всякая гипербола, что преувеличение является абсолютным требованием каждого сатирического произведения — это не что иное как ошибка.

Марксизм-ленинизм, будучи теоретической основой метода социалистического реализма, проводил и проводит неуклонную борьбу против извращенного показа жизни, против всяких преувеличений, противоречащих действительности.

В 1914 году В. И. Ленин, разбирая роман украинского буржуазно-националистического писателя В. Винниченко «Заветы отцов» (в котором недостатки и мерзости были преувеличены сверх всякой меры) и осуждая в нем клевету на жизнь, писал: «По одиночке бывает, конечно, в жизни все то из «ужасов», что описывает

Винниченко. Но соединить их все вместе и таким образом — значит, мале-вать ужасы, пужать и свое воображение и читателя, «забывать» себя и его».¹

Излишнее применение черных красок, создание неправильных представлений о жизни, извращенный показ времени противоречат принципам советской реалистической сатиры.

В. И. Ленин несколько раз подчеркивал необходимость усиления критики во всех областях народного хозяйства и ликвидации посредством критики существующих недостатков и пороков. Однако Ленин поддерживал не всякую критику. Он осуждал критику, которая могла вызвать пессимизм и не воспитывала читателя, — критику, которая не укрепляла государственный аппарат, не помогала нашему продвижению вперед, а извращала истинное положение.

«Свобода критики, — говорил В. И. Ленин, — прекрасная вещь, но после того, как мы все под ней подписались, не грех заняться **вопросом и о содержании критики**»², выделено нами — Х. А.).

Социалистический реализм требует давать истинно-художественное олицетворение жизненной действительности. Если преувеличение и гипербола не извращают событий жизни, но помогают их более яркому, их более широкому выражению, — они нужны, они помогают художникам правильно выполнять свою задачу. И каждый сатирик должен уметь определять целесообразность, четкие границы применения преувеличений, гипербол, а также знать, что и как следует изображать с преувеличением.

Взгляд на преувеличение, на обязательное заострение образа как на что-то безусловное и безграничное наносит серьезный ущерб нашей сатире. Отдельные сатирики сделали из этого взгляда вывод, что всегда необходимо собирать все отрицательные явления, что необходимо описывать их преувеличивая. Это привело к отходу от принципов социалистического реализма — от правдивого изображения основного в жизни.

Главный предмет литературы — человек, общественная жизнь. Писатель отображает желания и чаяния человека, его

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 35, стр. 107.

² В. И. Ленин. Соч., т. 31, стр. 450.

чувства и настроения, его мечты и стремления. Поэтому-то М. Горький очень правильно определил литературу как «человековедение». Каждый писатель, в соответствии с жизненными склонностями и жанром своего произведения, заинтересовавшись какими-либо событиями и явлениями, изображает их. Они, в зависимости от своего содержания, имеют положительный или отрицательный характер. Если в несатирических, в широком смысле, произведениях на ведущем месте в основном показываются положительные события, то в произведениях сатирических, независимо от их объема, авторы обращают главное внимание на отрицательные явления. Нельзя создать сатиру, не взяв в основу произведения отрицательные явления, недостатки и пороки.

Отличие сатиры от других жанров заключается в том, что героями своих произведений она делает отрицательных персонажей. Подлецы и пошляки, скряги, неучи и разини, лодыри и растяпы, простофили, пьяницы, бюрократы, развратники и формалисты — объект ее осмеяния.

Хамза Хаким-заде, С. Айни, Г. Гулям, А. Каххар, Б. Рахманов и другие наши сатирики, хорошо овладевшие принципами сатиры, взяв в основу своих произведений отрицательные персонажи, мастерски вскрывали их сущность и во весь голос высмеивали их пороки, мерзкие черты их характера.

В сатире, при раскрытии характера отрицательного типа, исключительно большую роль играет смех. Невозможно представить сатиру, сатирических персонажей без смеха. Каждое сатирическое произведение и образ должны быть пропитаны смехом. Качество и судьба сатирического произведения связаны с искусством раскрытия характера героя через комический облик в комическом положении.

Талантливейший поэт нашей эпохи В. В. Маяковский называл сатиру «грозным смехом».

Узбекские советские сатирики, продолжавшие традиции своих учителей, — Хамза Хаким-заде, С. Айни, Г. Гулям, А. Каххар, Б. Рахманов и другие — мастерски использовали смех, полный глубокого содержания. Они, смеясь, вскрывали и беспощадно судили существующие в жизни язвы, пороки, недостатки — все старое, гнилое, а также проявляющиеся в деятельности людей сер-

езные ошибки и заблуждения, недалекость, чужеумие, ротозейство, упрямство, грубость, подхалимство, бюрократизм...

Сюжеты сатирических произведений, созданных узбекскими советскими писателями, призваны вызвать смех. Конфликт и интриги произведения, основа его ситуаций имеют комический характер. Смешны характеры сатирических персонажей, их внутренний мир, их речь. Именно в таком плане создана галерея лучших сатирических образов узбекской советской литературы: Кары Ишкамбы в «Смерти ростовщика» Садриддина Айни, Казия и Мулларузы в «Проделках Майсары» Хамзы, Сурмахон в «Сердечных тайнах» Бахрама Рахманова, Марасула, Загарова и Хумархон в «Больных зубах» Абдуллы Каххара.

Не обязательно, чтобы в каждом сатирическом произведении присутствовали положительные образы, разоблачающие под занавес отрицательных героев. Не всегда самоцель — счастливо-благополучные развязки. Но авторская мысль о том, что отрицательные явления рано или поздно будут разоблачены и искоренены, должна чувствоваться в любом сатирическом произведении.

В связи с этим интересно остановиться на образе Кары Ишкамбы, созданном Айни. Для нас важно установить принципы создания этого образа, хотя произведение это описывает давно ушедшее от нас время. Кары Ишкамбы — человек, воплотивший в себе многие особенности и черты характеров ростовщиков.

Все, начиная с одежды и кончая вечерним намазом, убедительно вскрывает отвратительный облик, страшный путь и трагическую судьбу этого персонажа. Методы ростовщичества Кары Ишкамбы отличаются от методов, присущих героям Шекспира или Пушкина. Обличая Кары с позиции советского писателя, Айни вскрывает отвратительную затхлость жизни в кишлаках и городах Средней Азии в дореволюционное время. Он, описывая каждый шаг, каждый поступок своего героя, незаметно подводит его к пропасти, к тому часу, когда этот, казалось бы, всемогущий человек неминуемо должен погибнуть. И хотя никаких революционных событий на страницах произведения не происходит, читатель понимает, что на Кары Ишкамбы постепенно надвигается волна народного гнева и ненависти,

которая сметет его. Поэтому все «мудрые» поучения Кары Ишкамбы воспринимаются современным читателем как парадокс, как завет, который выполнять не следует.

Исключительное значение в создании образа сыграла авторская позиция Айни. Ирония, юмор, злая насмешка сопровождают героя. Кажется, что писатель только и ждет случая, чтобы представить Кары в смешном виде.

Описывая начало сумасшествия Ишкамбы, автор ищет причины болезни. Он показывает, что вся жизнь его героя вращалась вокруг кучки золота и, когда это золото было потеряно, Кары почувствовал пустоту, бессмысленность своего существования. Заболевание и течение болезни персонажа описаны Айни клинически точно. При этом он не забывает сказать о социальной природе болезни. Явные признаки психического расстройства Кары читатель впервые замечает, когда герой начинает бесцельно бродить возле государственного банка. Вызывая ненависть к персонажу, находящемуся теперь в тяжелом положении, писатель дает ряд отвратительных реплик Кары и кратко комментирует их.

Образ Кары Ишкамбы стал классическим. Несмотря на это, он не может быть каким-то эталоном для создания сатирических образов. Напротив, он убеждает нас в том, что художественные возможности сатиры огромны, неисчерпаемы.

Одновременно с сатирическими персонажами Айни в узбекскую литературу прочно вошли сатирические типы Хамзы. Они также служат для нас высоким образцом, и изучение их является не только обращением к богатой истории литературы, но и насущной задачей сегодняшнего дня.

Блестящие отрицательные типы создал Хамза Хаким-заде Ниязи в пьесах «Проделки Майсары» и «Бай и батрак».

«Проделки Майсары» — комедия положений. Уже самый выход Казия на сцену вызывает улыбку. Этот высоченный грушеподобный мужчина с козлей бородкой и узенькими тусклыми глазками попадает в комическую ситуацию, и если бы персонаж был положительным, добродушная улыбка читателя сопровождала бы его на протяжении всей пьесы. Между тем, уже первые реплики персонажа, вызывают не улыбку, а удивление и

презрение. Пустота и невежество Казия, жадность и развращенность ведут его от одной беды к другой. И когда он, из-за проделок Майсары, прячется в детскую колыбель, наш смех наказывает Казия.

В совершенно другом эмоциональном ключе создан образ Салихбая. Салихбай не обладает комическим обликом, не попадает в комические положения. А вместе с тем, у него много черт, сближающих его с Казием. Он, как и Казий, отдается «утехам». Увидев красивую женщину, он готов броситься с крыши. Жадность Салихбая не меньше, чем у Казия. Однако Салихбай многим отличается от Казия. Автор шире и глубже, чем в «Проделках Майсары», вскрывает в Салихбае классовый облик деспота, его социальную сущность. Если в «Проделках Майсары» освещается, в основном в комических формах, моральное разложение служителей религии, то в «Бае и батраке» представлено политическое содержание, классовый облик угнетателей и их злодеяний. Салихбай — самый опасный и злейший враг трудящихся.

Эти особенности Салихбая потребовали от автора применения других художественных средств. Если бы драматург при изображении Салихбая применил средства комедийности — это нанесло бы ущерб изображению безжалостности, злобы и твердости его характера.

Не следует делать вывод, что писатель при создании образа Салихбая полностью отошел от сатиры. Временами он прибегает к помощи сатиры. В процессе разоблачения проявляются сатирические элементы. Эти элементы можно почувствовать в сценах, где Салихбай пытается взять себе в жены Джамилу, предъять ей богатством, а также в стычке с Гафуром...

Но, конечно, это не дает права считать произведение «Бай и батрак» сатирическим произведением, а Салихбая — сатирическим, в полном смысле, образом.

Хамза почти не смеется над явлениями, над отрицательными персонажами этого своего произведения, не высмеивает их. Он ненавидит их. Однако не надо забывать и то, что гнев и ярость редко бывают свободны от сатиры. Если сильна мощь разоблачения, если она пропитана безжалостной ненавистью, то почва для сатиры уже готова.

Эти примеры говорят о том, насколько разнообразны средства создания отрицательных персонажей в рамках творчества одного и того же писателя. Что же говорить о возможности литературы в целом?

В последние годы узбекская советская драматургия дает ряд примеров, характеризующих разнообразие художественных средств создания сатирических и комических персонажей. В драме Уйгуна «Ранняя весна» в центре образ Дадабая. В комедии Каххара «Больные зубы» сатирически изображен Заргаров. Интересно сравнить эти образы, так как один из них формируется на материале драмы, другой — на материале комедии. В биографии обоих героев есть общее. Один из них — председатель колхоза, другой — заместитель председателя райисполкома. Общая болезнь Дадабая и Заргарова — оторванность от коллектива. Причина болезни — боязнь критики. На этом общее в образах кончается. Характеры этих людей отличаются друг от друга.

Дадабай чем-то напоминает нам Каландарова. Много в нем вызывает смех. Головокружение от успехов, неумное самовосхваление не позволили ему здраво смотреть на вещи. И это отсутствие здравого смысла, это неумение понять свою роль в колхозе загоняет Дадабая в тупик. Он становится жалким и уже не вызывает смеха. Кажется, что человек стал ниже ростом... Комическое исчезает, драма героя, которому автор сочувствует, переживает его ошибки, — драма продолжается.

Другое дело Заргаров. Это — центральный персонаж комедии. От начала до конца образ выдержан в комическом плане. Вдумаемся в природу образа. Разве не смешон человек, который хочет показать себя эрудитом, но обладая при этом элементарной грамотностью? Разве не смешно, когда сердце подсказывает человеку одно, а непослушный язык говорит совершенно другое? Вызывают смех любовные похождения Заргарова. И все-таки писатель верит, что его герой сможет преодолеть те недостатки, которые ему свойственны. Образ Заргарова, как и образ Каландарова в «Птичке-невеличке», окрашен добрым народным юмором.

Основной любого художественного произведения являются образы. Чем ярче

созданные писателем образы — тем значительнее книга, пьеса или сценарий, тем они долговечнее. К сожалению, в некоторых произведениях последнего времени иногда предают забвению эту очевидную истину.

У нас до сих пор появляются произведения, в которых есть только наброски сатирических характеров, а юмористическая окраска образов растворяется в банальных ситуациях. Даже в пользующихся успехом произведениях недоработанные характеры героев лишают авторов возможности до конца реализовать свой замысел.

В «Сердечных тайнах» Бахрам Рахманов поставил перед собой задачу показать взаимоотношения в современной семье. Для этого он столкнул в конфликте не только две семьи, но и показал противоречия в каждой из этих семей. Конфликт между Сурмахон и Ильхамом и Саттаром и Санабар является своеобразным конфликтом для современной узбекской литературы — в этом несомненная заслуга драматурга. Оба конфликта связаны между собой и подчинены показу борьбы нового и старого в нашем обществе. Ревность Саттара сталкивает его с Хасият и Санабар. Возникает конфликт, который приводит к распаду семьи. К сожалению, читателю не дается возможность познать характер Саттара — героя, который должен, по сути дела, нести на своих плечах основной конфликт.

Нам с самого начала становится ясно, что Саттар не способен на большие чувства и большую любовь. Ревность этого человека — это вспышка гнева, это неумение сдерживать себя, нежелание разобораться. Герой не может бороться за свою любовь, мы сомневаемся, любил ли он когда-нибудь... Поэтому для нас случайностью является не то, что Саттар решил развестись с Санабар и стать мужем Кумри, а сама ревность героя. И непонятно, почему так легко и просто приняла Санабар мужа после его неудачной попытки жениться на Кумри. Неубедительно выглядит примирение между мужем и женой, просто не веришь в некоторые их поступки. Мы знаем, что в жизни так бывает, мы чувствуем, что и все рассказанное в пьесе так могло быть, но мы видим, что образам не хватает подлинного жизненного содержания, ко-

горе бы показало, что именно так и должно было быть.

А. Каххар, как и Б. Рахманов, в пьесе «Шелковое узюане» разоблачил пережитки, встречающиеся в семье. Однако сделал это по-каххаровски своеобразно, на своем материале.

Пьесе Абдуллы Каххара «Шелковое узюане» отличается тонкий юмор. Удивительно колоритны фигуры Мавляна и Дехканбая, Хафизы и Хамробиби. Здесь так же, как и в пьесе Рахманова, конфликт происходит в семье, но проявляется он в отношении героев к насущным вопросам нашей жизни. Голодная степь манит молодежь. Голодная степь пугает иных стариков. Отношение к освоению Голодной степи, к участию в борьбе за подъем хлопководства — основная тема «Шелкового узюане». Она помогает автору создать ряд оригинальных характеров. При этом у Каххара шутка переходит в иронию, а ирония — в сарказм и сатиру по отношению к тем, кто хочет укрыться от жизни, ее требований. Так создан образ Мавляна. Вначале мы воспринимаем этого человека как просто упрямого гордеца, которому можно многое простить за его трудолюбие и честность. Но когда речь заходит о важной для республики проблеме — в человеке не должно оставаться места упрямству и ненужной гордости. Мы понимаем это. Поэтому полемика упрямого Мавляна после выхода из больницы с Дехканбаем и Хафизой вызывает у нас вначале иронию, а затем и злую усмешку в адрес героя. В конце пьесы Мавлян осознает свою ошибку и вместе со всеми становится в ряды освойтелей Голодной степи. В нашем сознании герой остается немного упрямым, немного смешным, но все-таки настоящим человеком. Вот эти ступени восприятия образа делают его многогранным и запоминающимся. То же самое можно сказать и о других героях Каххара. Достаточно вспомнить острую «полемику» между двумя старушками, отстаивающими свои убеждения.

Абдулла Каххар перенес в комедию некоторые приемы создания сатирических персонажей своих рассказов, созданных в 30-е годы. Этим он значительно расширил изобразительные средства современной узбекской сатиры.

В своей пьесе «Больные зубы» А. Каххар, как и Б. Рахманов, отобразил семейный конфликт. Однако он не повторил конфликт «Сердечных тайн». Он сумел найти в жизни противоречия нового характера, с новым содержанием и мастерски типизировал их.

Хотя в «Больных зубах» показана жизнь двух семей, однако эта жизнь раскрыта в основном через один конфликт. В произведении ведется борьба против пережитков старого у близких и знакомых — Марасула и Заргарова. Разоблачаются их пособники и помощники — Фатима, Ризамат и Хумархон. В процессе событий разворачивается и усиливается борьба против марасулевщины и заргаровщины.

Автор показывает постепенное расширение круга борцов против пороков. К положительной силе, в начале действия данной в лице Акилы, в дальнейшем присоединяются Пулат-домулла, Зухра, а затем Насиба.

Автор в борьбе, конфликте с отрицательными персонажами вскрывает отдельные свойства положительных героев. В процессе противоречий растет сознание Насибы, Акилы, Зухры, и они добиваются победы.

Однако и в «Больных зубах», и в «Сердечных тайнах» положительные персонажи, по сравнению с отрицательными типами, разработаны с художественной стороны значительно слабее. Правда, в сатирической комедии главное место занимают сатирические образы, и автор должен уделять им большее внимание. Этого требует характер сатирической комедии. Но из этого не следует делать вывода, что можно ослаблять характеристику положительных героев и допускать их поверхностное описание. Социалистический реализм настойчиво требует отображать жизнь не только с сатирической стороны, т. е. ее одностороннего показа, но изображать ее всесторонне, во всей ее сложности, со всеми ее противоречиями.

В этом отношении «Больные зубы» и «Сердечные тайны» оставляют желать много лучшего. В разоблачении отрицательных персонажей, в привлечении их к ответственности, в воспитании их положительные герои действуют несколько пассивно и вяло. На отрицательных персонажей большое влияние оказывают внешние

положительные силы, остающиеся за кулисами, а не герои пьесы. Эти силы играют большую роль в жизни персонажей. Однако, если бы такие силы были бы изображены в самом произведении, в деятельности и характере персонажей, то от этого произведения существенно бы выиграли.

В «Больных зубах» образ директора школы Пулатджана-домуллы обрисован схематично.

В «Сердечных тайнах» слабо показана деятельность Степана Владимировича, зав. отделом пропаганды и агитации райкома партии, который, казалось, должен был бы играть значительную роль в решении судьбы персонажей. Не будучи поставленным в центре конфликта и событий, он выводится на сцену после того, как вопрос почти уж разрешен, в результате чего роли его не чувствуется.

Санабар, Кумри и Бахтияр также не получили достаточно полной художественной характеристики. Все это показывает, что положительные герои освещены в пьесе слабо.

Нам дорога мысль Н. В. Гоголя: «В руках таланта все может служить орудием к прекрасному, если только нравится высокой мыслью послужить прекрасному».¹

Наши писатели и критики всегда обязаны помнить это высказывание великого сатирика. В каждом крупном сатирическом произведении современности, думается нам, возможно и должно показывать, по возможности, и положительный идеал, и положительные силы, положительного героя. Именно этому советская действительность и открывает широкую дорогу, дает обилие материала, и, конечно, ни Н. Гоголь, ни М. Салтыков-Щедрин не имели таких возможностей.

И все же мастера классической сатиры, несмотря на трудные политические и житейские условия того времени, всемерно изыскивали в мире гнета положительные явления и лиц и стремились, по возможности, отразить их в своих произведениях. Между периодом жизни советских сатириков и периодом жизни Гоголя и Щедрина существует коренное отличие. В нашей стране уничтожена всякая эксплуатация, и для ее возникновения нет почвы, нет каких-либо возможностей.

Государство управляется народом. Советское правительство ставит своей целью защиту интересов трудовых масс, защиту их свободной и радостной жизни. У нас интересы правительства, государства и народа едины, неразрывно связаны.

Такого единения во времена Гоголя и Щедрина не было и не могло быть. Поэтому совершенно очевидно коренное различие между сатирой прошлого и советской сатирой. Если сатира Гоголя и Щедрина была направлена против строя того времени, то советская сатира, наоборот, борется за правящий государственный строй, за сохранение его плодов. Задача советской сатиры состоит в оказании помощи Коммунистической партии, советскому народу, социалистическому общественному строю в ликвидации всех недостатков и пороков, создающих препятствия нашему движению вперед и нашей работе по строительству коммунизма. Нам не нужна такая сатира, которая не помогает ни укреплению Советской власти, ни ускорению коммунистического строительства, ни воспитанию наших людей в духе патриотизма, в духе непримиримого отношения к недостаткам.

Советские сатирики должны уметь отличать критику, направленную на ликвидацию встречающихся в нашей жизни недостатков, от клеветы на советскую действительность. Совершенно невозможно выбрать типические сатирические явления и правдиво отобразить жизнь, если критика не будет отграничена от клеветы. Известно, что нашу жизнь, в основном, организуют положительные явления, а силой, все более и более разрывающейся, являются миллионы советских людей. Они серьезно борются против разных пороков. И чем более всесторонне и глубоко будет показан положительный герой, особенно в крупном произведении, тем более резкий и острый характер будет иметь борьба против всех пережитков, обреченных на смерть сил, тем ярче можно изобразить конфликты между новым и старым. Возникновение конфликта, его развитие и разрешение связаны с деятельностью и действиями положительного героя. В определении характера, содержания и существа конфликта исключительно большую роль играет положительная сила.

¹ Н. В. Гоголь о литературе, М., 1952, стр. 258.

Сущность борьбы между отрицательной и положительной силами определяет характер конфликта.

Однако во многих сатирических произведениях, созданных советскими писателями, положительный герой не смог занять достойного места.

Такие недостатки имеются у А. Корнейчука во «Фронте», у В. Мянко в «Не называя фамилий», у Б. Рахманова в «Сердечных тайнах», у А. Каххара в «Больных зубах» и в других крупных сатирических произведениях.

Положительный герой в сатирическом произведении — проблема актуальная и важная. Она волнует не только узбекских литераторов, но и всех тех, кто работает в литературе социалистического реализма. Товарищ Мао Цзе-дун в одном из своих выступлений говорил: «Сатира будет необходима всегда. Но существуют различные виды сатиры: сатира, обращенная против врагов; сатира, обращенная против союзников; сатира, обращенная против людей из нашего же лагеря, причем в каждом случае наш подход должен быть различным».¹

В сатире, «обращенной против людей из нашего же лагеря», положительный герой в больших произведениях почти всегда присутствует. Правда, некоторые считают, что такое явление противостоит, и в качестве примеров ссылаются на произведения великих представителей русской сатиры — Гоголя и Щедрина. Эти критики не учитывают, что если произведения Гоголя и Щедрина были направлены на то, чтобы расшатать существовавший тогда общественный строй, то наша сатира ставит перед собой задачу способствовать укреплению и развитию нашего общества. Вот почему, по нашему мнению, сейчас не может существовать, скажем, комедия, изображающая советскую действительность только с отрицательными персонажами. Если бы такое произведение даже и появилось, оно бы искаженно представило расстановку сил в нашем обществе. Отрицательные явления занимают в нашей жизни не так уж много места, чтобы давать им возможность заполнять собой большое художественное полотно. Другое дело, когда речь идет о сатирическом рассказе или фельетоне. Здесь вполне возможно существо-

вание произведения на материале «минусов из нашей жизни». В фельетоне Каххара «Затруднение» ни одного положительного персонажа нет. Герой фельетона — двоеженец, человек отвратительный и мерзкий. С ним борьбу никто не ведет. Кажется, на первый взгляд, что он торжествует, на самом же деле торжество его временное и мнимое, потому что при первом же столкновении с советским законом он терпит поражение. В сатирическом стихотворении Сабира Абдуллы «Лицо человека теплое» также не нарисованы положительные герои и ничего не сказано о светлых явлениях нашей жизни. Наоборот, автор собрал в свое произведение все самое худшее, что имеется и у некоторых председателей колхозов, и у рядовых тружеников, и у некоторых интеллигентов. Однако мы не воспринимаем это произведение как пасквиль на нашу жизнь, так как понимаем, что обращая наше внимание на какие-то отрицательные явления, Сабир Абдулла ведет вместе с нами борьбу против них.

Во многих произведениях современной узбекской литературы показана настоящая, а не призрачная борьба между отрицательными и положительными явлениями современности. При этом отрицательные явления почти всегда воспринимаются как явления проходящие. Отрицательный персонаж, являющийся их носителем, всегда принимает позу оборонительную, а не наступательную, т. е. для него важно сохранить прежние позиции, которые его вполне устраивают. Это относится главным образом к произведениям крупных жанров. В цикле же сатирических стихотворений таких, например, как «Лентай» З. Хабиби и «За тебя» А. Бабаханова, «Беда от жадности», «Приходите завтра» Сабира Абдуллы, воинствующее мещанство зачастую переходит в наступление. Обычно в конце этих произведений авторы высказывают свое отношение к событиям и лицам и призывают читателей вести борьбу с теми, кого они только что показали.

За последние годы рамки сатирических картин значительно расширились. Сейчас появляются комические персонажи в рассказах и очерках, широкое распространение получает юмористическая и сатирическая зарисовка, огромное количество басен и притч печатается на

¹ Мао Цзе-дун. Избранные произведения, т. 4., Москва. 1953, стр. 163.

страницах республиканских газет и журналов, появляется немало специальных сборников, содержащих сатирические и юмористические произведения. Десятки названий насчитывают книги, брошюры, выходящие в нашем издательстве, большим тиражом издается журнал сатиры и юмора «Муштум». Наряду с именами уже известных мастеров сатиры и юмора часто появляются имена начинающих талантливых юмористов и сатириков.

Талантливый романист Аскад Мухтар недавно выступил с рядом юмористических рассказов, в которых по-новому раскрылись его дарование. Объект его сатиры — добытчики личного счастья, люди одиозные, умеющие только брать, принимающие за должное все, что они получают, не желающие давать ни крошки того, что от них требуют. Приобретатели личных благ у писателя — иногда лиричные, иногда грубые, изредка хитроумные, но всегда алчно-практичные...

В рассказе «Хайри» А. Мухтар высмеял цинично-расчетливую женщину, подчинившую свою жизнь добыче индивидуального счастья. Писатель выступает сатириком-обличителем, срывая бумажные цветы, которыми эта воинственная мещанка «красиво, романтически» маскирует свои мелкие, шкурнические интересы. Вспомните взаимоотношения Хайри с ее тетушкой Анзират. А. Мухтар написал острый рассказ, который заслуживает внимания еще и потому, что в нем проявились некоторые особенности современного узбекского рассказа.

Герой-рассказчик, от лица которого ведется повествование, исполняет свою роль с удивительным спокойствием, хладнокровно говорит о самых неприглядных делах Хайри, ее мужа и тетушки Анзират. Его комическое добродушие питается его неведением.

Разумеется, прием построения сюжета, способы создания комического весьма разнообразны. Аскад Мухтар не пренебрегает в своем рассказе комизмом положений и ситуаций. Специфическим для композиционного рисунка его произведения является наличие внутреннего противоречия между наивно-незловивой интонацией рассказчика и неприятной сущностью того или иного изображаемого жизненного явления. В рассказе «Хайри» повествование ведется от имени школь-

ного товарища героини. Смешно и точно описаны мытарства этого человека. При помощи ряда бытовых деталей и зарисовок автор пытается передать настроение. Здесь виден мягкий юмор, умение раскрыть посредством точных, лаконичных деталей значительное общественное содержание, создать определенное настроение. Лейтмотивом проходит в рассказе мысль о никчемности жизни таких людей, как Хайри. Даже комната, в которой происходит действие рассказа, окутана каким-то туманом, символизирующим беспросветную жизнь героини.

В рассказе «Хайри», как и в других произведениях, А. Мухтар редко бывает сатириком в полном смысле слова. Чаще всего он выступает как юморист, но юморист, активно обличающий зло.

По некоторым приемам создания комического к А. Мухтару примыкает С. Анарбаев. В его «Сорняке» виден мягкий юмор и злая ирония, сарказм и негодование. Герой его рассказа живет в такую эпоху, когда для миллионов людей смысл жизни найден. Однако Латиф в общественной жизни не принимает никакого участия.

Прекрасно понимают наши писатели вредоносную сущность мещанства и бюрократизма и, чтобы облегчить борьбу с этими явлениями, они используют силу сатирического слова.

Сатирические произведения С. Ахмада, А. Мухиддинова и других направлены против тех людей, которые приспособляются ко времени, развивают бешеную энергию для защиты своих обывательских позиций. Это наиболее многочисленный и очень цепкий наш противник. Борясь с ним, наши писатели используют в своих произведениях художественно-публицистическую щедринскую традицию, которая заключается в умении быстро откликаться на самые актуальные вопросы дня, подмечать в зародыше недостатки и подвергать их осмеянию.

В своей оригинальной манере разрабатывает жанр сатирической новеллы С. Ахмад. Он опубликовал за последние годы ряд юмористических и сатирических рассказов. В них проявляется острая наблюдательность писателя, умение подмечать косное и нелепое в жизни. В сатирических образах писателя изображены разновидности беспринципного дельца. То это ловкий и юркий приспособленец, то никогда

не ошибающийся, застывший в параграфах инструкций и приказов бюрократ. И, наконец, венчает эту галерею сатирических типов образ разухабистого бюрократа. В этом цикле рассказов немалое место занимают юмористические образы. В «Мастанбиби» острие обличения направлено против тех, кто до сих пор не хочет признать полноправную роль женщины в жизни общества. Поэтика этого юмористического рассказа включает в себя ряд новых для современной сатирической повеллы приемов письма. Уже зачин этого рассказа весьма оригинален: «Аробщик Уста Кабыл шел неторопливой походкой человека, довольно пожилого на белом свете, заложив левую руку за спину, шел и думал. Думал он... Мало ли о чем может думать человек, которому пошел уже седьмой десяток. Вот хотя бы взять этого нерадивого арбакеша, которому Уста Кабыл только что чинил арбу. Сколько раз говорил ему: «Держись мощеной дороги», а он опять на проселке в выбоину попал и половину спиц правого колеса вывернул».

Уста Кабыл — фигура комическая. Поэтому его рассуждения о нерадивом арбакеше вызывают улыбку. Смех, комическое в рассказе зависит от характера предмета и нашего отношения к нему. Он может возникать в самых разнообразных жизненных ситуациях и положениях и проходить, в соответствии с их сущностью, все ступени — от мягкой улыбки до гневного сарказма. Персонаж рассказа «Мастанбиби» становится смешным, когда, например, проявляет свою отсталость, не замечая этого. Чернышевский утверждал, что «безобразное становится комическим только тогда, когда усиливается казаться прекрасным».¹ В несоответствии между сущностью явления и формой, между тем, чем является человек, и тем, чем он кажется себе или остальным, и заключается смешное. Разоблачение безобразного, которое «усиливается казаться прекрасным», и составляет одну из главных задач художника-сатирика.

Мастанбиби не замечает смешного и нелепого в своем поведении, а читатель отлично все видит, ибо ему помогает распознать суть явления юмор худож-

ника. Старуха недовольна тем, что ее невестка занимает пост председателя колхоза и вместо городских туфель носит солдатские сапоги. «Смотришь, — говорит она, — у других-то так бывало: впереди шуршит новым городским платьем, поскрипывает лаковыми ичигами и капишами, а за ней следом и мать идет, радуется, что женой ее сына народ любитесь... А у нашей бесстыдницы целых три пары ичигов и капишей в сундуке, а она тянет пудовые сапоги и день и ночь на поле в навозе кокается. Стыдно перед знакомыми и соседями!» Оценочный элемент в рассказе зависит от избранной автором юмористической или сатирической интонации, как бы разлитой по всей ткани произведения. У Саида Ахмада все главные черты героини раскрываются в отдельных комических ситуациях. Разумеется, сатирический рассказ вовсе не обязательно должен состоять из ряда таких эпизодов. В нем может быть сатирико-юмористический сюжет, отличающийся острой выдумкой, новизной поворотов.

В рассказах писателя немало зорко подмеченных жизненно-комических ситуаций, которые для того и вводятся в общую структуру повествования, чтобы сатирически заклеймить наиболее отсталые настроения некоторых наших людей. Писатель часто прибегает к иронии, сопоставляя прошлое и настоящее. Он стремится передать даже бытовую колорит при помощи ряда комических элементов.

Современные сатирики выбирают темы, непосредственно диктуемые животрепещущими задачами дня. Все виды сатирической литературы необычно расширяют возможности художественной прозы, специфической чертой этих произведений является широкое использование различных оттенков освещения. Фельетон, очерк, рассказ — все это представители малой эпической формы, характеризуемой небольшим числом персонажей, отсутствием подробно развитой истории их, ограниченными размерами. В центре этих произведений находятся, как правило, отдельные жизненные случаи, вокруг которых завязываются перипетии сюжета. Повесть и роман в отличие от рассказа развертывают цепь событий, подробно изображают течение их во времени и пространстве, окружающая

¹ Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений. т. 2. Гослитиздат. М., 1949, стр. 195—196.

среда предстает здесь в виде многоликого и многообразного общества, она уже не просто подразумевается, как в рассказе, но воплощается в типы и характеры.

К сожалению, в современной узбекской литературе пока нет сатирических романов и повестей. Быстрое развитие жанра сатирического рассказа, комедии, присутствие большого количества юмористических, сатирических и комических персонажей в произведениях различных жанров литературы говорят о том, что в скором времени у нас будут крупные полотна сатирического жанра.

Большой путь прошла узбекская советская сатира, обличающая людские недостатки и пороки, колючая и злая, радостная и веселая... Такие произведения любит народ. Он видит в этой литературе воспитательницу человеческих нравов, смело критикующую все отрицательное и недостойное. Все виды сатирической литературы любимы народом, все — от остроумного водевиля и гротескового памфлета до серьезной комедии, обнажающей характеры фальшивых людей и воспевающей красоту и величие нашей жизни.

Нам нужна сатирическая литература, клеймящая позор мерзкое, убогое. Узбекские советские писатели могут работать во всех жанрах, во всех видах сатиры и смеха, создавать памфлеты и обозрения, водевили и романы, повести и рассказы разных видов. Перед сатирической литературой открыты замечательные перспективы, широкие горизонты. Партия уделяет этим жанрам большое внимание, указывает пути, по которым должна идти сатира. Писателям надо упорно работать над повышением своего мастерства.

Сделать предстоит необычайно много.

Узбекская советская сатира еще отстает от жизни, развития общества.

В ней не получили еще полного отображения ни ожесточенная борьба между новым и старым, ни вся сложность существующих в нашу эпоху противоречий.

Вредные стороны прошлого не раскрыты всесторонне, в широком плане, с глубокой типизацией. Отдельные писатели, изображая серьезные и большие наши трудности, приукрашивают жизнь, не решаются смело, твердо, стоя на позиции Коммунистической партии, раскрывать наши недостатки, не ведут настоящей, беспощадной борьбы против всяких проявлений пережитков капитализма в сознании людей.

Нижеприводимая критика, высказанная Коммунистической партией, хотя и горькая, была правдивой и справедливой — и остается таковой и ныне: «Все еще мало полноценных сатирических произведений, являющихся могучим средством борьбы со старым, уродливым в нашей жизни, со всем, что мешает строительству коммунизма».¹ За последнее время в узбекской советской литературе не создаются монументальные сатирические произведения. До сих пор еще не написан основательный сатирический роман, не созданы сатирические поэмы. В результате почти полного отсутствия крупных сатирических полотен ряд широких, сложных типических явлений в нашей жизни, не получив всестороннего освещения, остается вне поля зрения.

Узбекская советская сатира в большей части направляла свое оружие на пережитки в семье и в морально-бытовой сфере. Но в отдельных сатирических произведениях вопросы семьи освещены слабо, без широкого обобщения. В некоторых произведениях имеются лишь попытки выйти из бытовой темы, обратиться к более широкой типизации явлений.

Некоторые товарищи совершенно неправильно относятся к сатире. Они неосновательно рассуждают, что в нашем государстве, идущем к коммунизму, материала для сатиры нет, а если встречаются отрицательные факты — их мало и к тому же они не имеют характера типического, а поэтому-де нет и нужды создавать са-

¹ К вопросу о типическом в литературе и искусстве. «Коммунист», 1955 г., № 18, стр. 12.

тирические произведения. Сатира живет долго. Она будет и в коммунистическом обществе. Мы полагаем, что она окажет помощь народу в укреплении нового общества, так как материал для сатиры будет и в эпоху коммунизма.

Н. С. Хрущев, остановившись на людях, повинных в самопреклонении, имеющих и другие недостатки, сказал так: «Мало ли бывает различных людей! Это, конечно, отклонение от нормы, явление, так сказать, психологического порядка, и такие отклонения у отдельных индивидуумов, очевидно, будут и при коммунизме».¹

---

¹ Из речи, произнесенной Н. С. Хрущевым на Пленуме ЦК КПСС 29 июня 1959 г. «Правда Востока», 1959 г., 3 июля.

Наша сатира должна глубоко и всесторонне раскрывать недостатки, постоянно встречающиеся в различных областях, рисовать пути их уничтожения, вкладывать и свою долю в дело построения коммунистического общества. Эту священную задачу сатиры очень хорошо изложили ЦК КПСС и его руководитель Н. С. Хрущев:

«...сатира и впредь должна быть на вооружении нашей партии и народа, разить все, что мешает нашему продвижению к коммунизму».¹

---

¹ Н. С. Хрущев. Служение народу — высокое призвание советских писателей. Из речи, произнесенной 22 мая 1959 г. на III съезде писателей. «Правда Востока», 1959 г., 26 мая.